

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

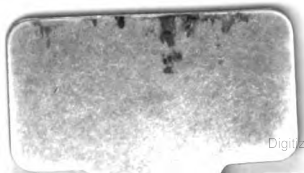
- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Vet. Slav.
PG 3314. A1. 1803(6)

СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

ТОМЪ ШЕСТЫЙ.

МОСКВА,
Въ Типографіи С. Селивановскаго,
1803.

**Съ дозволенія
Московскаго Гражданскаго Губернатора.**

П О В Ъ С Т И .

СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

ТОМЪ VI.

ПОВѢСТИ.

БѢДНАЯ ЛИЗА.

Можетъ быть никто изъ живущихъ въ Москвѣ не знаетъ такъ хорошо окрестносней города сего, какъ я, попому что никто чаще моего не бываетъ въ полѣ, никто болѣе моего не бродитъ пѣшкомъ, безъ плана, безъ цѣли— куда гла-

VI.

1.

за глядящѣ — по лугамъ и роцамъ, по холмамъ и равнинамъ. Всякое мѣсто нахожу я новыя пріятныя мѣста, или въ старыхъ новыя красоты.

Но всего пріятнѣе для меня по мѣсту, на которомъ возвышаются мрачныя, готическія башни Симонова монастыря. Сстоя на сей горѣ, видишь на правой сторонѣ почти всю Москву, сію ужасную громаду домовъ и церквей, которая представляется глазамъ въ образѣ величественнаго амфитеатра: великолѣпная картина, особливо когда свѣтитъ на нее солнце; когда вечерніе лучи его пылаютъ на безчисленныхъ златыхъ куполахъ, на безчисленныхъ крестахъ, къ небу возносящихся! Внизу расплываются пыльные, густозеленые, цвѣтущіе луга; а за ними, по желтымъ пескамъ, печетъ свѣтлая рѣка, волнуемая легкими веслами рыбацкихъ лодокъ, или шумящая подъ рулемъ

грузныхъ спруговъ, которые плывутъ отъ плодоноснѣйшихъ странъ Россійской Имперіи и надѣляютъ алчную Москву хлѣбомъ. На другой споронѣ рѣки видна дубовая роща, подлѣ которой пасутся многочисленныя спада; тамъ молодые паспухи, сидя подъ тѣнію деревъ, поютъ простыя, унылыя пѣсни, и сокращаютъ тѣмъ лѣтніе дни, столь для нихъ единообразные. Подалѣ, въ густой зелени древнихъ вязовъ, блискаетъ златоглавый Даниловъ монастырь; еще далѣ, почти на краю горизонта, синѣются Воробьевы горы. На лѣвой же споронѣ видны обширныя, хлѣбомъ покрытыя поля, лѣсочки, при или чешыре деревеньки, и вдали село Коломенское съ высокимъ Дворцомъ своимъ.

Часто прихожу я на сіе мѣсто, и почти всегда встрѣчаю тамъ весну; туда же прихожу и въ мрачные дни осени, горевать вмѣстѣ

сѣ Природою. Спрашно вокупѣ вѣпры въ спѣнахѣ опустѣвшаго монастыря, между гробовѣ, заросшихѣ высокою правою, и въ пемныхѣ переходахѣ келлій. Тамѣ, опершись на развалины гробныхѣ камней, внимаю глухому спону временѣ, бездною минушаго поглощенныхѣ — спону, опѣ котораго сердце мое содрагаешся и прещещѣ. Иногда вхожу въ кельи, и представляю себѣ тѣхѣ, которые въ нихѣ жили — печальныя карпины! Здѣсь вижу сѣдаго спарца, преклонившаго колѣна свои перѣдѣ Распятіемѣ, и молящагося о скоромѣ разрѣшеніи земныхѣ оковѣ своихѣ; ибо всѣ удовольствія исчезли для него въ жизни, всѣ чувства его умерли, кромѣ чувства болѣзни и слабости. Тамѣ юный монахѣ — сѣ блѣднымѣ лицемѣ, сѣ помнымѣ взоромѣ — смотрипѣ въ поле сквозь решепку окна своего, видипѣ веселыхѣ пшичекѣ, свобод-

но плавающихъ въ морѣ воздуха—видишь, и проливаетъ горькія слезы изъ глазъ своихъ. Онъ помился, вянешь, сохнешь—и унылой звонъ колокола возвѣщаетъ мнѣ безвременную смерть его. — Иногда на врапахъ храма разсматриваю изображение чудесъ, въ семъ монастырѣ случившихся — шамъ рыбы падающъ съ неба для насыщенія жителей монастыря, осажденнаго многочисленными врагами; шупъ образъ Богоматери обращаетъ неприятели въ бѣгство. Все сіе обновляетъ въ моей памяти испорію нашего опечеснѣва—печальную испорію тѣхъ временъ, когда свирѣпыя Таттары и Поляки огнемъ и мечемъ опустошали окрестности Россійской столицы, и когда несчастная Москва, какъ беззащитная вдовица, отъ одного Бога ожидала помощи въ лютыхъ своихъ бѣдствіяхъ.

Но всего чаще привлекаетъ меня къ стѣнамъ Симонова монасты-

ря—воспоминаніе о плачевной судьбѣ Лизы, бѣдной Лизы. Ахъ! я люблю шѣ предметы, копорые прогаютъ мое сердце и заставляють меня проливатьъ слезы нѣжной скорби!

Саженьяхъ въ семидесяти ошѣ монастырской спѣны, подлѣ береговой рощицы, среди зеленого луга, стоитъ пустая хижина, безъ дверей, безъ окончинъ, безъ полу; кровля давно сгнила и обвалилась. Въ сей хижинѣ, лѣтъ за тридцать передъ симъ, жила прекрасная, любезная Лиза съ спарушкою, матерью своею.

Отецъ Лизинъ былъ довольно зажиточной поселянинъ, потому что онъ любилъ работу, пахалъ хорошо землю и велъ всегда презвую жизнь. Но скоро по смерти его жена и дочь обѣдняли. Лѣнивая рука наемника худо обрабатывала поле, и хлѣбъ переспалъ хорошо родиться. Онъ принуждены были отдатьъ свою землю въ наемъ, и за

весьма небольшія деньги. Къ тому же бѣдная вдова, почти безпреспанно проливая слезы о смерти мужа своего—ибо и креспьянки любить умѣютъ! — день ото дня спановилась слабѣе, и совсѣмъ не могла работашь. Одна Лиза, — которая оспалась послѣ опца пятнадцати лѣтъ — одна Лиза, не щадя своей нѣжной молодоспи, не щадя рѣдкой красоспы своей, прудилась день и ночь — шкала холспы, вязала чулки, весною рвала цвѣтшы, а лѣтомъ брала ягоды—и все сіе продавала въ Москвѣ. Чувспвипельная, добрая спарушка, видя неушомимоспъ дочери, часпо прижимала ее къ слабо-біющемуся сердцу своему, называла Божескою милоспію, кормилицею, опрадою спароспи своей, и молила Бога, чпобы Онъ наградилъ ее за все то, чпо она дѣлаетъ для мащери. „Богъ далъ мнѣ руки, чпобы работашь, говорила Лиза; ты кормила меня своею

грудью и ходила за мною, когда я была ребенком: теперь пришла моя очередь ходить за побою. Переспань только крушиться, переспань плакать; слезы наши не оживят бабюшки.“ Но часто нѣжная Лиза не могла удерживать собственных слез своих — ах! она помнила, что у нее был отец, и что его не спало; но для успокоения матери спаралась тайно печаль сердца своего, и казалась покойною и веселою. — „На помѣ свѣтѣ, любезная Лиза (отвѣчала горестная старушка) на помѣ свѣтѣ переспану я плакать. Тамъ, сказываю, буду все веселы; я верно весела буду, когда увижу отца своего. Только теперь не хочу умереть — что съ побою безъ меня будетъ? На кого тебя покинутъ? Нѣтъ, дай Богъ прежде пристроить тебя къ мѣсту! Можетъ быть, скоро същется доброй человекъ. Тогда, благословя васъ, ми-

лыхъ дѣшней моихъ, перекрещусь, и спокойно лягу въ сырую землю.“

Прошло года два послѣ смерти отца Лизина. Луга покрылись цвѣтами, и Лиза пришла въ Москву съ букетомъ ландышей. Молодой, хорошо одѣтой человѣкъ, пріятнаго вида, вспрѣпился ей на улицѣ. Она показала ему букетъ цвѣтковъ — и покраснѣлась. Ты продаешь его, дѣвушка? спросилъ онъ съ улыбкою. Продаю, отвѣчала она. — „А что тебѣ за него надобно?“ — Пяць копѣекъ. — „Это слишкомъ дешево. Возьми тебѣ рубль.“ — Лиза удивилась, осмѣлилась взглянуть на молодого человѣка, — еще болѣе покраснѣлась, и попутивъ глаза въ землю, сказала ему, что она не возьметъ рубля. — „Для чего же?“ — Мнѣ не надобно лишняго. — „Я думаю, что букетъ прекрасныхъ ландышей, сорванныхъ руками прекрасной дѣвушки, стоить не менѣе рубля. Когда же ты не берешь его, возьми

шебѣ пять копѣекъ. Я хотѣлъ бы всегда покупать у тебя цвѣтны; хотѣлъ бы, чѣтбѣ ты рвала ихъ только для меня.“ — Лиза опдала букетѣ, взяла пять копѣекъ, поклонилась и хотѣла ийти; но незнакомецъ оспановилъ ее за руку. — „Куда же ты пойдешь, дѣвушка?“ — *Домой.* — „А гдѣ домъ твой?“ — Лиза сказала, гдѣ она живетъ; сказала и пошла. Молодой человекъ не хотѣлъ удерживать ее, можетъ быть для того, что мимоходящіе начали оспанавливаться, и смотря на нихъ, коварно усмѣхались.

Лиза, пришедши домой, рассказала матери, что съ нею случилось. „Ты хорошо сдѣлала, что не взяла рубля. Можетъ быть это былъ какой нибудь дурной человекъ“ *Ахъ нѣтъ, матушка! я этого не думаю. У него такое доброе лице, такой голосъ — —* „Однако жь, Лиза, лучше кормишься прудами своими, и ничего не

братъ даромъ. Ты еще не знаешь, другъ мой, какъ злые люди могутъ обидѣть бѣдную дѣвушку! У меня всегда сердце бываетъ не на своемъ мѣстѣ, когда ты ходишь въ городъ; я всегда спавлю свѣчу передъ образъ, и молю Господа Бога, чтобы Онъ сохранилъ тебя отъ всякой бѣды и напастей.“ — У Лизы навернулись на глазахъ слезы; она поцѣловала мать свою.

На другой день нарвала Лиза самыхъ лучшихъ ландышей, и опять пошла съ ними въ городъ. Глаза ея шихонько чего-то искали. Многие хопѣли у нее купить букетъ; но она отвѣчала, что онъ не продажной, и смотрѣла по въ пу, по въ другую сторону. Насупилъ вечеръ; надлежало возвратиться домой, и букетъ цвѣтѣвъ былъ брошенъ въ Москву рѣку. *Никто не владѣй тобою!* сказала Лиза, чувствуя какую-то грусть въ сердцѣ своемъ. — На другой день ввечеру сидѣла она

подъ окномъ, прѣла, и шихимъ голосомъ пѣла жалобныя пѣсни; но вдругъ вскочила и закричала: *ахъ!*... Молодой незнакомецъ споялъ подъ окномъ.

Что съ тобой сдѣлалось? спросила испугавшаяся мать, которая подлѣ нее сидѣла. *Ничего, матушка*, отвѣчала Лиза робкимъ голосомъ: *я только его увидѣла.*— „Кого?“— *Того господина, который купилъ у меня цвѣты.* Старуха взглянула въ окно. Молодой человекъ поклонился ей такъ учтиво, съ такимъ пріятнымъ видомъ, что она не могла подумать объ немъ ничего, кромѣ хорошаго. *Здравствуй, добрая старушка!* сказалъ онъ. *Я очень усталъ: кѣтъ ли у тебя свѣжаго молока?* Услужливая Лиза, не дождавшись отвѣта отъ матери своей — можетъ быть для того, что она его знала напередъ — побѣжала на погребъ — принесла чистую кринку, покрытую чистымъ

деревяннымъ кружкомъ—схватила спаканъ, вымыла, выперла его бѣлымъ полопенцомъ, налила и пода-ла въ окно, но сама смопрѣла въ землю. Незнакомецъ выпилъ—и нектаръ изъ рукъ Гебы не могъ бы показаться ему вкуснѣе. Всякой догадаешься, что онъ послѣ того благодарилъ Лизу, и благодарилъ не сколько словами, сколько взорами. Между шѣмъ добродушная спарушка успѣла рассказать ему освоемъ горѣ и утѣшеніи—о смѣрти мужа и о милыхъ свойспвахъ дочери своей, объ ея прудолюбіи и нѣжностіи, и проч. и проч. Онъ слушалъ ее со вниманіемъ; но глаза его были—нужно ли сказывать, гдѣ? И Лиза, робкая Лиза посмапривала изрѣдка на молодого человѣка; но не пакъ скоро молнія блеспила и въ облакъ исчезаетъ, какъ быспро голубые глаза ея обрацались къ землѣ, встрѣчаясь съ его взоромъ.—„Мнѣ хотѣлось бы, сказалъ онъ машери, что-

бы дочь пвоя никому, кромѣ меня, не продавала своей работы. Такимъ образомъ ей не за чѣмъбудетъ часпо ходить въ городѣ, и ты не принуждена будешь съ нею разспаваться. Я самъ по временамъ могу заходить къ вамъ.“ — — — Тутъ въ глазахъ Лизиныхъ блеснула радость, которую она щещно сокрытъ хотѣла; щеки ея пылали какъ заря въ ясный, лѣтній вечеръ; она смотрѣла на лѣвой рукавъ свой, и щипала его правою рукою. Старушка съ охотою приняла сіе предложеніе, не подозрѣвая въ немъ никакого дурнаго намѣренія, и увѣряла незнакомца, что полною, выпканное Лизой, и чулки, вывязанные Лизой, бывающъ опмѣнно хороши, и носящя долѣ всякихъ другихъ. — Спановилось шемно, и молодой человекъ хотѣлъ уже ийти. „Да какъ же намъ называть тебѣ, доброй, ласковой баринъ?“ спросила старуха. Меня зовутъ Эраспомъ, ош-

вѣчалъ онѣ. *Эрастожд!* сказала пихонько Лиза — *Эрастожд!* Она развпяпъ повпорила сіе имя, какѣ будто бы спараясь зашвердиль его. — Эраспѣ проспилься сѣ ними до свиданія, и пошелъ. Лиза провожала его глазами, а мапъ сидѣла вѣ задумчивоспи, и взявѣ за руку дочь свою, сказала ей: „Ахѣ, Лиза! какѣ онѣ хорошѣ и добрѣ! Еспъли бы женихѣ швой былѣ шаковѣ!“ Все Лизино сердце зашрепепало. *Ма-тушка! мапушка! какѣ этому статься? Онѣ баринѣ; а между крестьянами* — — Лиза не догово-ра рѣчи своей.

Теперь чипашель долженѣ знапъ, что сей молодой человекѣ, сей Эраспѣ былѣ довольно богатой дворянинѣ, сѣ изряднымѣ разумомѣ и добрымѣ сердцемѣ, добрымѣ опѣ природы, но слабымѣ и вѣпренымѣ. Онѣ велѣ разсѣянную жизнь, думалѣ шолько о своемѣ удовольспвіи, искалѣ его вѣ свѣпскихѣ забавахѣ, но

часто не находилъ, скучалъ и жаловался на судьбу свою. Красота Лизы при первой встрѣчѣ сдѣлала впечатлѣніе въ его сердце. Онъ читывалъ романы, идилліи; имѣлъ довольно живое воображеніе, и часто переселялся мысленно въ тѣ времена, (бывшія, или не бывшія) въ копорья, по описанію Поэповъ, всѣ люди безопасно гуляли по лугамъ, купались въ чистыхъ источникахъ, цѣловались какъ горлицы, опдыхали подъ розами и миршами, и въ щасливой праздности всѣ дни свои провождали. Ему казалось, что онъ нашелъ въ Лизѣ то, чего сердце его давно искало. „Напура призываетъ меня въ свои объятія, къ чистымъ своимъ радостямъ“ — думалъ онъ, и рѣшился — по крайней мѣрѣ на время — оставить большую свѣтлѣ.

Обратимся къ Лизѣ. Насупила ночь — мать благословила дочь свою и пожелала ей крошкаго сна; но

на сей разъ желаніе ея не исполнилось: — Лиза спала очень худо. Новой гость души ея, образъ Эрастовъ, споль живо ей представлялся, что она почти всякую минушу просыпалась, просыпалась и вздыхала. Еще до восхожденія солнечнаго Лиза вспала, сошла на берегъ Москвы рѣки, сѣла на правѣ, и подгорюнившись смопрѣла на бѣлые туманы, которые волновались въ воздухѣ, и подымаясь вверхъ, освѣляли блестящія капли на зеленомъ покровѣ Напуры. Вездѣ царствовала тишина. Но скоро восходящее свѣтило дня пробудило все швореніе: роши, куспочки оживились; пшички вспорхнули и запѣли; цвѣты подняли свои головки, чтобы напипашься живошворными лучами свѣта. Но Лиза все еще сидѣла подгорюнившись. Ахъ Лиза, Лиза! что съ тобою сдѣлалось? До сего времени, просыпаясь вмѣстѣ съ пшичками, ты вмѣстѣ съ ними ве-

VI.

2.

селилась упромъ, и чистая, радостная душа свѣпилась въ глазахъ твоихъ, подобно какъ солнце свѣпипся въ капляхъ росы небесной; но шеперь ты задумчива, и общая радость Природы чужда твоему сердцу. — Между тѣмъ молодой пасухъ по берегу рѣки гналъ спадо, играя на свирѣли. Лиза успремела на него взоръ свой и думала: „Еспьли бы попъ, кпо за-
 „нимаешъ шеперь мысли мои, рож-
 „денъ былъ проспымъ креспьяни-
 „номъ, паспухомъ, — и еспьли бы
 „онъ шеперь мимо меня гналъ спа-
 „до свое: ахъ! я поклонилась бы
 „ему съ улыбкою, и сказала бы
 „привѣшливо: *Здравствуй, любез-*
 „*ной пастушокъ! куда гонишь ты*
 „*стадо свое? И здѣсь растетъ зе-*
 „*леная трава для овецъ твоихъ; и*
 „*здѣсь алѣютъ цвѣты, изъ кото-*
 „*рыхъ можно сплести вѣнокъ для*
 „*шляпы твоей.* Онъ взглянулъ бы на
 „меня съ видомъ ласковымъ — взялъ

„бы, можешъ бышь, руку мою....
 „Мечта!“ Пастухъ, играя на свирѣ-
 ли, прошелъ мимо, и съ песпрымъ
 спадомъ своимъ скрылся за ближ-
 ній холмъ.

Вдругъ Лиза услышала шумъ ве-
 селъ — взглянула на рѣку и увидѣ-
 ла лодку, а въ лодкѣ — Эраспа.

Всѣ жилки въ ней забились, и
 конечно не опъ спраху. Она воста-
 ла, хотѣла иппи, но не могла.
 Эрастъ выскочилъ на берегъ, подѣ-
 шелъ къ Лизѣ и — мечта ея опча
 спи исполнилась; ибо онъ *взглянулъ*
на нее съ видомъ ласковымъ, взялъ
ее за руку.... А Лиза, Лиза спо-
 яла съ попупленнымъ взоромъ, съ
 огненными щеками, съ препещу-
 щимъ сердцемъ — не могла опняшь
 у него руки — не могла опворо-
 шипься, когда онъ приблизился
 къ ней съ розовыми губами сво-
 ими. . . . ахъ! онъ поцѣловадъ ее
 поцѣловадъ съ такимъ жаромъ,
 что вся вселенная показалаь ей

въ огнѣ горящую! *Милая Лиза!* сказалъ Эрастъ: *милая Лиза!* я люблю тебя! и сіи слова опозвались во глубинѣ души ея, какъ небесная, восхищительная музыка; она едва смѣла вѣрнуть ушамъ своимъ и . . . Но я бросаю кисть. Скажу только, что въ сію минушу воспоорга исчезла Лизина робость — Эрастъ узналъ, что онъ любимъ, любимъ спрасно новымъ, чистымъ, открытымъ сердцемъ.

Они сидѣли на правѣ, и такъ, что между ими оспавалось не много мѣста — смотрѣли другъ другу въ глаза, говорили другъ другу: *люби меня!* и два часа показались имъ мигомъ. Наконецъ Лиза вспомнила, что мать ея можетъ объ ней безпокоиться. Надлежало разспашься. *Ахъ Эрастъ!* сказала она: *всегда ли ты будешь любить меня?* „Всегда, милая Лиза, всегда!“ отвѣчалъ онъ. — *И ты можешь мнѣ дать объ этомъ клятву?* — „Могу,

любезная Лиза, могу!“ — *Итъ!* *мнѣ не надобно клятвы. Я вѣрю тебѣ, Эрастѣ, вѣрю. Уже ли ты обманешь бѣдную Лизу? Вѣдь этому не лъзя быть?* — „Не лъзя, не лъзя, милая Лиза!“ — *Какѣ я щастлива! и какѣ обрадуется матушка, когда узнаетѣ, что ты меня любишь!* „Ахъ нѣтъ, Лиза! ей не надобно ничего сказывать.“ — *Для чего же?* — „Спарые люди бывають подозрительны. Она вообразитѣ себѣ чпо нибудь худое.“ — *Не лъзя статься.* — „Однакожь прошу шебя не говоришь ей обѣ эпомѣ ни слова.“ — *Хорошо; надобно тебя послушаться, хотя мнѣ не хотѣлось бы ничего таить отѣ нее.* — Они проспились, поцѣловались вѣ послѣдній разѣ, и обѣщались всякой день ввечеру видѣться, или на берегу рѣки, или вѣ березовой роцѣ, или гдѣ нибудь близѣ Лизиной хижины, полько вѣрно, непременно видѣться. Лиза пошла, но глаза

ея сто разъ обращались на Эраста, которой все еще споялъ на берегу и смотрѣлъ въ слѣдъ за нею.

Лиза возвратилась въ хижину свою совсѣмъ не въ такомъ расположеніи, въ какомъ изъ нее вышла. На лицѣ и во всѣхъ ея движеніяхъ обнаруживалась сердечная радость. *Очѣ меня любитъ!* думала она, и восхищалась сею мыслию. „Ахъ мапушка!“ сказала Лиза мапери своей, которая лишь только проснулась: „ахъ мапушка! какое прекрасное утро! Какъ все весело въ полѣ! Никогда жаворонки такъ хорошо не пѣвали; никогда солнце такъ свѣтло не сіяло: никогда цвѣты такъ пріятно не пахли!“ — Старушка, подпираясь клюкою, вышла на лугъ, чтобы насладиться утромъ, которое Лиза такими прелестными красками описывала. Оно въ самомъ дѣлѣ показалось ей оптимънно пріятнымъ; любезная дочь ея весельемъ своимъ развеселяла

для нее всю Напуру. „Ахъ Лиза!“ говорила она: „какъ все хорошо у „Господа Бога! Шестой десятокъ „доживаю я на свѣтѣ, а все еще „не могу наглядѣться на дѣла Го- „сподни; не могу наглядѣться на „чиспое небо, похожее на высокой „шапёрѣ, и на землю, копорая вся- „кой годъ новою правою и новыми „цвѣтами покрываешся. Надобно, „чшобы Царь небесной очень лю- „билъ человѣка, когда онъ такъ „хорошо убралъ для него здѣшній „свѣтѣ. Ахъ Лиза! кто бы захо- „тѣлъ умереть, еспьли бы ино- „гда не было намъ горя? . . . Видно „такъ надобно. Можешъ бытъ, мы „забыли бы душу свою, еспьли бы „изъ глазъ нашихъ никогда слезы „не капали.“ А Лиза думала: *ахъ! я скорѣе забуду душу свою, нежели милаго моего друга!*

Послѣ сего Эраспѣ и Лиза, бо- ясь не сдержашъ слова своего, вся- кой вечерѣ видѣлись (шогда, какъ

Лизина мапъ ложиласть спать) или на берегу рѣки, или въ березовой роцѣ, но всего чаще подъ тѣнію сполѣпнихъ дубовъ (саженяхъ въ осьмидесяти отъ жижины) — дубовъ, освѣняющихъ глубокой, чистой прудъ, еще въ древнія времена ископанной. Тамъ часпо пихая луна, сквозь зеленія вѣтви, посребрала лучами своими бѣлыя Лизины волосы, копорыми играли зефиры и рука милаго друга; часпо лучи сіи освѣщали въ глазахъ нѣжной Лизы блестящую слезу любви, осушаемую всегда Эрасповымъ поцѣлуемъ. Они обнимались — но цѣломудренная, спыдливая Цинпія не скрывалась отъ нихъ за облако; чисты и непорочны были ихъ объятія. „Когда ты, говорила Лиза „Эраспу, когда ты скажешь мнѣ: „я люблю тебя, другъ мой! когда „прижмешь меня къ своему сердцу, и взглянешь на меня умильными своими глазами: ахъ! шог-

„гда бываетъ мнѣ такъ хорошо,
 „такъ хорошо, чпо я себя забы-
 „ваю, забываю все, кромѣ — Эра-
 „спа. Чудно! чудно, мой другъ,
 „чно я, не знавши себя, мо-
 „гла жить спокойно и весело! Те-
 „перь мнѣ эшо не понятно; пе-
 „перь думаю, что безъ себя жизнь
 „не жизнь, а грусть и скука. Безъ
 „глазъ пвоихъ пменъ свѣплой
 „мѣсяцъ; безъ пвогого голоса ску-
 „ченъ соловей поющій; безъ пвогого
 „дыханія вѣщерокъ мнѣ непрія-
 „шенъ.“ — Эраспъ восхищался сво-
 ей паспушкой — такъ называлъ
 Лизу — и видя, сколь она любитъ
 его, казался самъ себѣ любезнѣ.
 Всѣ блестящія забавы большаго свѣ-
 па предспавлялись ему ничпожны-
 ми въ сравненіи съ пѣми удоволь-
 ствіями, копорыми *страстная*
дружба невинной души пипала сер-
 дце его. Съ отвращеніемъ помыш-
 лялъ онъ о презрительномъ сладо-
 страстїи, копорымъ прежде упива-

дись его чувствва. „Я буду жить
 „св Лизою какъ братъ св сеспрою
 „(думалъ онъ); не употреблю во
 „зло любви ея, и буду всегда ща-
 „спливъ!“ — Безразсудной, моло-
 дой человекъ! знаешь ли пы свое
 сердце? Всегда ли можешь опвѣ-
 чать за свои движенія? Всегда ли
 разсудокъ ешь царь чувствъ пво-
 ихъ?

Лиза пребывала, чшобы Эрастъ
 часто посѣщалъ мапъ ея. „Я люб-
 лю ее, говорила она, и хочу ей доб-
 ра; а мнѣ кажется, что видѣшь
 шебя ешь великое благополучіе
 для всякаго.“ — Спарушка въ са-
 момъ дѣлѣ всегда радовалась, ког-
 да его видѣла. Она любила го-
 ворить св нимъ о покойномъ му-
 жѣ, и рассказывать ему о
 дняхъ своей молодости: о томъ,
 какъ она въ первой разѣ впрѣпи-
 лась св милымъ своимъ Иваномъ,
 какъ онъ полюбилъ ее, и въ какой
 любви, въ какомъ согласіи жилъ св

нею. Ахъ! мы никогда не могли другъ на друга наглядѣться, — до самаго того часа, какъ лютая смерть подкосила ноги его. Онъ умеръ на рукахъ моихъ!“ — Эраспъ слушалъ ее съ неприпворнымъ удовольствіемъ. Онъ покупалъ у нее Лизину работу, и хопѣлъ всегда плащъ въ десять разъ дороже назначаемой ею цѣны; но спарушка никогда не брала лишняго.

Такимъ образомъ прошло нѣсколько недѣль. Однажды ввечеру Эраспъ долго ждалъ своей Лизы. Наконецъ пришла она, но такъ не весела, что онъ испугался; глаза ея опѣ слезъ покраснѣли. *Лиза, Лиза! что съ тобою случилось?* — „Ахъ Эраспъ! я — плакала!“ — *о чемъ? что такое?* — „Я должна сказать тебѣ все. За меня свапается женихъ, сынъ богатаго креспьянина изъ соседней деревни; мапушка хочетъ, чтобы я за него вышла.“ — *И ты согласишься?* — „Жестокой! мо-

жешь ли объ этомъ спрашивать ? Да мѣѣ жаль мапушки ; она плачетъ , и говоритъ , что я не хочу ея покойствія ; что она будетъ мучиться при смерти , если не выдастъ меня при себѣ за мужъ . Ахъ ! мапушка не знаетъ , что у меня есть такой милой другъ ! “ — Эрастъ цѣловалъ Лизу ; говорилъ , что ея счастье дороже ему всего на свѣтѣ ; что по смерти мапери ея онъ возьметъ ее къ себѣ , и будетъ жить съ нею неразлучно , въ деревнѣ , и въ дремучихъ лѣсахъ какъ въ раю . — „Однакожь себѣ не лзя быть моимъ мужемъ ! “ сказала Лиза съ пихимъ вздохомъ . — *По тому же ? — „Я крестьянка .“ — Ты обижаешь меня . Для твоего друга важнѣе всего душа , чувствительная , невинная душа — и Лиза будетъ всегда ближайшая къ моему сердцу .*

Она бросилась въ его объятія — и въ сей часъ надлежало погибнуть

непорочности! — Эрастѣ чувствовалъ необыкновенное волненіе въ крови своей — никогда Лиза не казалась ему споль прелестною — никогда ласки ея не прогали его такъ сильно — никогда ея поцѣлуи не были споль пламенны — она ничего не знала, ничего не подозрѣвала, ничего не боялась — мракъ вечера пипалъ желанія — ни одной звѣздочки не сіяло на небѣ — никакой лучъ не могъ освѣтитъ заблужденія — Эрастѣ чувствуетъ въ себѣ препенѣ — Лиза также, не зная, опѣ чего — не зная, что съ нею дѣлается. . . Ахъ Лиза, Лиза! гдѣ Ангелъ хранипель швой? Гдѣ — швоя невинность?

Заблужденіе прошло въ одну минушу. Лиза не понимала чувствъ своихъ, удивлялась и спрашивала. Эрастѣ молчалъ — искалъ словъ, и не находилъ ихъ. „Ахъ! я боюсь (говорила Лиза), боюсь того, что случилось съ нами! Мнѣ казалось,

что я умираю ; что душа моя...
 Нѣтъ, я не умѣю сказать этого!..
 Ты молчишь, Эрастъ? вздыхаешь?..
 Боже мой ! что такое? — Между
 тѣмъ блеснула молнія и грянулъ
 громъ. Лиза вся задрожала. Эрастъ,
 Эрастъ! сказала она: *миѣ страшно!*
Я боюсь, чтобы громъ не убилъ
меня, какъ преступницу! Грозно
 шумѣла буря; дождь лился изъ чер-
 ныхъ облаковъ — казалось, что На-
 пура сѣповала о поперянной Ли-
 зиной невинности. — Эрастъ спа-
 рался успокоить Лизу, и прово-
 дилъ ее до хижины. Слезы капи-
 лись изъ глазъ ея, когда она про-
 щалась съ нимъ. *Ахъ Эрастъ! уверь*
меня, что мы будемъ по прежнему
счастливы! — „Будемъ, Лиза, бу-
 демъ!“ оповѣчалъ онъ. — *Дай Богъ!*
Миѣ не лѣзя не свѣрнуть слова мѣ тво-
имъ: вѣдь я люблю тебя! Только
въ сердцѣ моемъ... Но полно!
Прости! Завтра, завтра уви-
дима.

Свиданія ихъ продолжались ; но какъ все перемѣнилось ! Эрасмъ не могъ уже доволяеъ бытъ однѣми невинными ласками своей Лизы — одними ея любви исполненными взорами — однимъ прикосновеніемъ руки , однимъ поцѣлуемъ , одними чистыми обьяніями . Онъ желалъ больше, больше, и наконецъ ничего желать не могъ — а кпо знаеиъ сердце свое , кпо размыслиалъ о свойспвѣ нѣжнѣйшихъ его удовольствій , шопѣ конечно согласился со мною, чпо исполненіе *всѣхъ* желаній естъ самое опасное искушеніе любви . Лиза не была уже для Эрасма симъ Ангеломъ непорочности, копорой прежде воспалялъ его воображеніе и восхищаль душу его . Плапониическая любовь уступила мѣспо такимъ чувспвамъ, копорыми онъ не могъ *гордиться* , и копорыя были для него уже не новы . Чпо принадлежишъ до Лизы , по она совершенно ему опдавшись ,

имѣ только жила и дышала, во всемъ какъ агнецъ повиновалась его волѣ, и въ удовольствіи его полагала свое щастіе. Она видѣла въ немъ перемѣну, и часпо говорила ему: *Прежде бывалъ ты веселѣе; прежде бывали мы покойнѣе и щастливѣе; и прежде я не такъ боялась потерять любовь твою!* — Иногда, прощаясь съ нею, онъ говорилъ ей: *Завтра, Лиза, не могу я съ тобою видѣться; мнѣ встрѣтилось важное дѣло*—и всякой разъ при сихъ словахъ Лиза вздыхала.

Наконецъ пять дней сряду она не видала его, и была въ величайшемъ безпокойствѣ; въ шестой пришелъ онъ съ печальнымъ лицомъ и сказалъ ей: „Любезная Лиза! мнѣ должно на нѣсколько времени съ тобою проспиться. Ты знаешь, что у насъ война; я въ службѣ; полкъ мой идетъ въ походъ.“ — Лиза поблѣднѣла, и едва не упала въ обморокъ.

Эрастѣ ласкалъ ея ; говорилъ , что онѣ всегда будетѣ любить милую Лизу , и надѣется по возвращеніи своемѣ никогда съ нею не разскаваться . Долго она молчала ; по помѣ залилась горькими слезами , схватила руку его , и взглянувѣ на него со всею нѣжностію любви , спросила : *тебѣ не лзя остаться?* „Могу, опвѣчалъ онѣ, но полько съ величайшимѣ безславіемѣ, съ величайшимѣ пятномѣ для моей чести. Всѣ будущѣ презирають меня; всѣ будущѣ гнушаются мною, какѣ прусомѣ, какѣ недоспойнымѣ сыномѣ опечеснва.“ *Ахѣ! когда такѣ*, сказала Лиза, *то поѣжай, поѣжай, куда Богѣ велитѣ! Но тебя могутѣ убить.—* „Смерть за опечеснво не спрашна, любезная Лиза.“ — *Я умру, какѣ скоро тебя не будетѣ на свѣтѣ.—* „Но за чѣмѣ эпо думають? Я надѣюсь опспаться живѣ, надѣюсь возвращишься къ себѣ, моему другу.“ — *Дай Богѣ!*

дай Богъ! Всякой день, всякой часъ буду о томъ молиться. Ахъ! для того я не умѣю ни читать, ни писать! Ты бы увѣдомлялъ меня обо всемъ, что съ тобою случится; а я писала бы къ тебѣ— о слезахъ своихъ!— „Нѣтъ, береги себя, Лиза; береги для друга своего. Я не хочу, чптобы ты безъ меня плакала.“— Жестокой словѣкъ! ты думаешь лишить меня и этой отрады! Увѣтъ! разставшись съ тобою, развѣ тогда перестану плакать, когда высохнетъ сердце мое.— „Думай о пріятной минути, въ копорую опяшь мы увидимся.“— Буду, буду думать объ ней! Ахъ! если бы она пришла скорѣе! Любезной, милой Эрастъ! помни, помни свою бѣдную Лизу, которая любитъ тебя болѣе, нежели самое себя!

Но я не могу описатьъ всего, чпто они при семъ случаѣ говорили. На другой день надлежало бытъ послѣднему свиданію.

Эрастѣ хотѣлъ проспитъся и съ Лизиною матерью, которая не могла отъ слезъ удержаться, слыша, что *ласковой, пригожій баринъ* ея долженъ ѣхать на войну. Онъ принудилъ ее взять у него нѣсколько денегъ, сказавъ: „Я не хочу, чтобы Лиза въ мое опсупствіе продавала работу свою, которая, по уговору, принадлежитъ мнѣ.“ — Спарушка осыпала его благословеніями. „Дай Господи, говорила она, чтобы ты къ намъ благополучно возвратился, и чтобы я тебя еще разъ увидѣла въ здѣшней жизни! Авось-либо моя Лиза къ тому времени найдетъ себѣ жениха по мыслямъ. Какъ бы я благодарила Бога, еслибы ты пріѣхалъ къ нашей свадьбѣ! Когда же у Лизы будутъ дѣти, знай баринъ, что ты долженъ крестить ихъ! Ахъ! мнѣ бы очень хотѣлось дожить до эпова!“ — Лиза спояла подлѣ матери, и не смѣла взглянуть на нее. Чи-

патель легко можешъ вообразитъ себѣ, что она чувствовала въ сію минушу.

Но что же чувствовала она тогда, когда Эрастъ, обнявъ ее въ послѣдній разъ, въ послѣдній разъ прижавъ ее къ своему сердцу, сказалъ: *прости, Лиза?* Какая прогательная картина! Упренная заря, какъ алое море, разливалась по восточному небу. Эрастъ стоялъ подъ вѣтвями высокаго дуба, держа въ объятіяхъ своихъ блѣдную, помную, гореспную подругу, которая, прощаясь съ нимъ, просталась съ душою своею. Вся Напура пребывала въ молчаніи.

Лиза рыдала — Эрастъ плакалъ — оставилъ ее — она упала — спала на колѣни, подняла руки къ небу и смотрѣла на Эраспа, которой удалялся — далѣе — далѣе — и наконецъ скрылся — возсіяло солнце, и Лиза, оставленная, блѣдная, лишилась чувствъ и памяти.

Она пришла въ себя — и себѣтъ
показался ей уныль и печаленъ.
Всѣ пріяпіюспи Напуры сокры-
лись для нее вмѣспѣсѣ любезнымъ
ея сердцу. „Ахъ! (думала она) для
чего я оспалась въ эпой пуспынѣ?
Чпо удерживаетъ меня лепѣтъ въ
слѣдѣ за милымъ Эраспомъ? Война
не спрашна для меня; спрашно
шамъ, гдѣ нѣтъ моего друга. Съ
нимъ жипь, сѣ-нимъ умерешъ хочу,
или смерпію своею спасни его дра-
гоцѣнную жизнь. Поспой, поспой,
любезной! я лечу къ тебѣ!“ — Уже
хощѣла она бѣжапъ за Эраспомъ; но
мысль: *у меня есть мать!* оспанови-
ла ее. Лиза вздохнула, и приклонивъ
голову, пихими шагами пошла къ
своей жижинѣ. — Съ сего часа дни
ея были днями поски и гореспи,
копорую надлежало скрывать опѣ
нѣжной матери: шѣмъ болѣе спра-
дало сердце ея! Тогда полько облег-
чалось оно, когда Лиза, уединясь
въ гуспопу лѣса, могла свободно

проливать слезы и сгнетать о разлукѣ съ милымъ. Часто печальная горлица соединяла жалобной голосъ свой съ ея сгнетаніемъ. Но иногда—хотя весьма рѣдко—злапой лучъ надежды, лучъ утѣшенія, освѣщала мракъ ея скорби. *Когда онъ возвратится ко мнѣ, какъ я буду счастлива! какъ все переживется!* опѣсей мысли прояснялся взоръ ея, розы на щекахъ ея освѣжались, и Лиза улыбалась, какъ Майское утро послѣ бурной ночи. — Такимъ образомъ прошло около двухъ мѣсяцовъ.

Въ одинъ день Лиза должна была итти въ Москву, за тѣмъ, чшобы купить розовой воды, копорюю мать ея лечила глаза свои. На одной изъ большихъ улицъ встрѣпилась ей великолѣпная карета, и въ сей каретѣ увидѣла она — Эраспа: *Ахъ!* закричала Лиза, и бросилась къ нему; но карета пробѣжала мимо и поворошила на дворъ. Эраспъ вышелъ, и хотѣлъ уже итти на

крыльцо огромнаго дому, какъ вдругъ почувствовалъ себя — въ Лизиныхъ объятіяхъ. Онъ поблѣднѣлъ — попомъ, не опвѣчая ни слова на ея восклицанія, взялъ ее за руку, привелъ въ свой кабинетъ, заперъ дверь, и сказалъ ей: *Лиза! обстоятельства перемѣнились; я пожелалъ жениться; ты должна оставить меня въ покоѣ, и для собственнаго своего спокойствія забыть меня. Я любилъ тебя, и теперь люблю, то есть желаю тебѣ всякаго добра. Вотъ сто рублей — возьми ихъ (онъ положилъ ей деньги въ карманъ) — позволь мнѣ поцѣловать тебя въ послѣдній разъ — и поди домой.* — Прежде нежели Лиза могла опомниться, онъ вывелъ ее изъ кабинета, и сказалъ слугѣ: *проводи эту дѣвушку со двора.*

Сердце мое обливаеця кровію въ сію минушу. Я забываю человека въ Эраспѣ — гоповъ проклиная его — но языкъ мой не движешся —

смогрю на небо, и слеза капипся
но лицу моему. Ахъ! для чего пишу
я не романъ, а печальную былъ?

И такъ Эрасъ обманулъ Лизу,
сказавъ ей, что онъ ѣдетъ въ ар-
мію? — Нѣтъ, онъ въ самомъ дѣлѣ
былъ въ арміи; но вмѣсто того,
чтобы сражаться съ непріятелемъ,
игралъ въ карты и проигралъ по-
чти все свое имѣніе. Скоро за-
ключили миръ, и Эрасъ возврапил-
ся въ Москву опягченный долгами.
Ему оставался одинъ способъ по-
правитъ свои обстоятельствова —
жениться на пожилой богатой вдо-
вѣ, которая давно была влюблена
въ него. Онъ рѣшился на то, и пе-
реѣхалъ жить къ ней въ домъ, по-
святивъ искренній вздохъ Лизѣ сво-
ей. Но все сіе можетъ ли оправ-
дать его?

Лиза очутилась на улицѣ, и въ
такомъ положеніи, котораго ни-
какое перо описать не можетъ.
Онъ, онъ выгналъ меня? Онъ любитъ

другую? я погибла! вопль ея мысли, ея чувства! Жестокой обморокъ перервалъ ихъ на время. Одна добрая женщина, которая шла по улицѣ, оспановилась надъ Лизою, лежавшею на землѣ, и спаралась привести ея въ память. Несчастная открыла глаза — вспала съ помощію сей доброй женщины, — благодарила ея, и пошла, сама не зная, куда. „Мнѣ не лъзя жить, (конечно думала Лиза) не лъзя! . . . О еспьли бы упало на меня небо! Еспьли бы земля поглотила бѣдную! . . . Нѣтъ! небо не падаетъ; земля не колеблется! Горе мнѣ!“ — Она вышла изъ города, и вдругъ увидѣла себя на берегу глубокаго пруда, подъ тѣнію древнихъ дубовъ, которые за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ были безмолвными свидѣтелями ея воспорговъ. Сіе воспоминаніе попрясло ея душу; спрашнѣйшее сердечное мученіе изобразилось на лицѣ ея. Но черезъ нѣ-

VI.

4.

сколько минушь погрузилась она
 въ нѣкопоруую задумчивость — по
 помѣ осмопрѣлась вокругъ себя,
 увидѣла дочь своего сѣсѣда, (пяп-
 надцапилѣпннюю дѣвушку) идущую
 по дорогѣ — кликнула ее, вынула
 изъ кармана десяпѣ имперіяловѣ, и,
 подавая ей, сказала: „Любезная Аню-
 „па, любезная подружка! опнеси
 „эпи деньги кѣ машушкѣ — они
 „не краденыя — скажи ей, чпо Ли-
 „за пропнвѣ нее виновата; чпо я
 „шала опѣ нее любовь свою кѣ
 „одному жеспокому человѣку, —
 „кѣ Э... На чпо знапѣ его имя?
 „— Скажи, чпо онѣ измѣнилѣ мнѣ
 „— попроси, чпобы она меня про-
 „спила — Богѣ будепѣ ея помощ-
 „никомѣ — поцѣлуй у нее руку,
 „такѣ, какѣ я шеперь швою цѣлую
 „— скажи, чпо бѣдная Лиза велѣла
 „поцѣловать ее — скажи, чпо я“...
 Тупѣ она бросилась вѣ воду. Аню-
 па закричала, заплакала, но не
 могла спасти ее; побѣжала вѣ де-

ревню — собрались люди, и выпалили Лизу; но она была уже мершвая.

Такимъ образомъ скончала жизнь свою прекрасная душой и пѣломъ. Когда мы *тамъ*, въ новой жизни увидимся, я узнаю шебя, нѣжная Лиза!

Ее погребли близъ пруда, подъ мрачнымъ дубомъ, и поставили деревянной крестъ на ея могилѣ. Тутъ часто сижу я въ задумчивости, опершись на вмѣспилище Лизина праха; въ глазахъ моихъ спрунися прудъ; надо мною шумящъ листься.

Лизина мать услышала о спрашной смерти дочери свой, и кровь ея отъ ужаса охладѣла — глаза навѣкъ закрылись. — Хижина опуштѣла. Въ ней воещъ вѣшеръ, и суетвѣрные поселяне, слыща по ночамъ сей шумъ, говорящъ: *тамъ стоиетъ мертвецъ; тамъ стонетъ бѣдная Лиза!*

Эрастѣ былъ до конца жизни своей несчастливъ. Узнавъ о судьбѣ Лизиной, онѣ не могъ утѣшиться, и почиталъ себя ея убійцею. Я познакомился съ нимъ за годъ до его смерти. Онѣ самъ разсказалъ мнѣ сію испорію и привелъ меня къ Лизиной могилѣ. — Теперь, можетъ быть, они уже примирились!

ПРЕКРАСНАЯ ЦАРЕВНА
И
ЩАСТЛИВОЙ КАРЛА.

Спаринная сказка, или новая кар-
рикашура.

О вы, некрасивые сыны челоѵ-
чеспва, безобразныя пворенія *пла-
стической* Напуры! вы, копорые ни
ѵѵ чемѵ не можете служипь образ-
цомѵ художнику, когда онѵ хочепѵ
предспавить изящность челоѵче-
ской формы! вы, копорые жалуе-
шесь на Природу, и говорите, что
она не дала вамѵ способѵ нра-
випься, и заградила для васѵ испоч-
никѵ сладчайшаго удовольствія ѵѵ

жизни—испочникъ любви! не опчая-
вайпесь, друзья мои, и вѣрьте,
что вы еще можете быть любез-
ными и любимыми; что услужли-
вые Зефиры нынѣ или завпра мо-
гутъ принести къ вамъ какую ни-
будь прелестную Псишу, которая
сѣ воспоргомъ бросится въ объ-
ятія ваши, и скажетъ, что нѣтъ
ничего милѣ васъ на свѣтѣ. — Вы-
слушайте слѣдующую повѣсть.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣ-
которомъ государствѣ жилъ-былъ
Царь доброй теловѣкъ, отецъ еди-
ныя дочери, Царевны прекрасной,
милой сердцу родителя, любезной
всякому чувствительному сердцу,
рѣдкой, несравненной. Когда
Царь доброй теловѣкъ, одѣянный
богатою багряницею, увѣнчанный
вѣнцемъ сафирорубиннымъ, сидѣлъ
на высокомъ тронѣ среди народна-
го множества, и держа въ правой
рукѣ златой скипетръ, судилъ сѣ
правдою своихъ подданныхъ; когда,

воздыхая изъ глубины сердца, изрекалъ приговоръ должнаго наказанія: тогда являлась передъ трономъ прекрасная Царевна, смотрѣла прямо въ глаза своему родинелю, подымала бѣлую руку свою, проспира-ла ее къ судящему — и пасмурное лице правосудія вдругъ озарялось солнцемъ милосши — виновный, спасенный ею, клялся въ душѣ своей бытъ съ того времени добрымъ подданнымъ Царя добраго. Бѣд-ный ли приближался къ Царевнѣ? она помогала ему — печальный ли проливалъ слезы? она утѣшала его. Всѣ сироты въ проспранной обла-сти Царя добраго словѣка называли ее маперью; и даже пѣ, копорыхъ сама Напура угнешала — нещасп-ные, лишеные здравія, облегча-лись ея цѣлительною рукою; ибо Ца-ревна совершенно знала науку враче-ванія, пайныя силы правъ и минера-ловъ, росъ небесныхъ и ключей под-земныхъ. Такова была душа Царев-

нина. Тѣлесную красоту ея описывали всѣ спихошворцы погдашнихъ временъ какъ лучшее произведеніе искусной Природы—а спихошворцы были погда не такіе льстецы, какъ нынѣ; не называли они чернаго бѣлымъ, карлы великаномъ, и безобразія примѣромъ спройноспи. Въ древнемъ книгохранилицѣ удалось мнѣ найсти одно изъ сихъ описаній — вопшъ вѣрный переводъ его:

„Не такъ пріятна полная луна,
 „восходящая на небѣ между без-
 „численными звѣздами, какъ пріят-
 „на наша милая Царевна, гуляю-
 „щая по зеленымъ лугамъ съ под-
 „ругами своими; не такъ прекра-
 „сно сіяющъ лучи свѣтлаго мѣсяца,
 „посребряя волнистые края сѣдыхъ
 „облаковъ ночи, какъ сіяющъ бѣ-
 „лые волосы на плечахъ ея; ходитъ
 „она какъ гордой лебедь, какъ лю-
 „бимая дочь Неба; лазурь эфирная,
 „на кошорой блистаетъ звѣзда

„любви, звѣзда вечерняя, есть об-
 „разъ несравненныхъ глазъ ея; пон-
 „кія брови какъ радуги изгибаюпся
 „надъ ними; щеки ея подобны бѣ-
 „лымъ лилямъ, когда утренняя
 „заря краситъ ихъ алымъ цвѣтомъ
 „своимъ; когда же опверзаюпся
 „малиновыя уста *прекрасной Ца-*
ревны, два ряда чистѣйшихъ жем-
 „чужинъ прельцаюпъ зрѣніе; два
 „жолмика, вѣчнымъ шуманомъ по-
 „крышые. . . . Но кпо опишетъ всѣ
 „красоты ея?“

Крылатая богиня, называемая
 Славою, была и въ тѣ времена
 такъ же словоохотна, какъ нынѣ.
 Лепая по всей подсолнечной, она
 рассказывала чудеса *о прекрасной*
Царевнѣ, и не могла объ ней на-
 говориться. Изъ - за придевяпи
 земель прїѣзжали Царевичи видѣть
 красоту ея — разбивали высокіе
 шапры передъ каменнымъ дворцомъ
Царя Доброго словѣка, и приходили
 къ нему съ поклономъ. Онъ зналъ

причину ихъ посѣщенія, и радовался сердечно, желая доспойнаго супруга милой своей дочери. Они видѣли прекрасную Царевну, и воспламенялись любовію. Каждый изъ нихъ говорилъ Царь доброму словѣку: „Царю доброй словѣкъ! Я „пріѣхалъ изъ-за прідевяпи земель, „прідесяпаго царства; отецъ мой „владѣетъ народомъ безчисленнымъ, землю прекрасною; высоки „перема наши; въ нихъ сіяетъ се „ребро и золото, опливающъ разно „цвѣтные бархаты—Царь! отдай за „меня дочь свою!“ — *Ищи любви ея!* отвѣчалъ онъ — и всѣ Царевичи оспавались во дворцѣ его, пили и ѣли за споломъ дубовымъ, за скапершью *браною*, вмѣстѣ съ Царемъ и съ Царевною. Каждый изъ нихъ смотрѣлъ умильными глазами на прекрасную, и взорами своими говорилъ весьма ясно: *Царевна! полюби меня!* Надобно знать, что любовники были въ спарину робки

и спыдливы какъ красныя дѣвушки, и не смѣли словесно извѣснѣваться съ владычицами сердецъ своихъ. Въ наши времена они гораздо смѣлѣе; но за по *краснорѣчїе взоровъ* потеряло нынѣ почти всю силу. Обожатели *прекрасной Царевны* употребляли еще другой способъ къ извѣщенію своей справы — способъ, копорой также вышелъ у насъ изъ моды. А именно, всякую ночь ходили они подъ окно Царевнина перема, играли на бандурахъ и пѣли тихимъ голосомъ жалобныя пѣсни, сочиненныя спихотворцами ихъ земель; каждой куплепъ заключался глубокими вздохами, копорые и каменное сердце могли бы пронуть и размягчить до слезъ. Когда пяпъ, шестпъ, десяпъ, двадцатпъ любовниковъ сходились тамъ въ одно время, тогда они бросали жеребей, кому пѣпъ прежде, и всякой въ свою очередь начиналъ воспѣвать сердечную муку; другіе

же, поджавъ руки, ходили взадъ и впередъ, и посмапривали на окно Царевнино, которое однакожь ни для кого изъ нихъ не отворялось. По помъ всѣ они возвращались въ свои шапры, и въ глубокомъ снѣ забывали любовное горе.

Такимъ образомъ проходили дни, недѣли и мѣсяцы. *Прекрасная Царевна* взглядывала на него и на другаго, на прешьяго и на чешверпаго — но въ глазахъ ея не видно было ничего, кромѣ холоднаго равнодушія къ женихамъ ея, Царевичамъ и Королевичамъ. Наконецъ всѣ они присупили къ *Царю добромъ словѣку*, и пребывали единодушно, чшобы прекрасная дочь его объявила торжественно, кшо изъ нихъ нравенъ сердцу ея. „Довольно пожили мы въ каменномъ дворцѣ швоемъ, говорили они; побли хлѣба-соли швоей, и меду сладкаго не одну бочку опорожнили; время возвращапись намъ во свои спраны,

кѣ опцамъ, маперямъ и роднымъ сестрамъ. *Царь доброй тетевкѣ!* мы хопимъ вѣдать, кѣ изъ насъ будетъ зятемъ швоимъ.“ Царь опвѣчалъ имъ сими словами: „Любезныя госпи! еспьли бы вы и нѣсколько лѣтъ прожили во дворцѣ моемъ, по конечно бы не наскучили хозяину; но не хочу удерживать васъ пропивъ воли вашей, и пойду шеперь же кѣ Царевнѣ. Не могу я ни вѣ чемъ принуждать ее; но кого она выберетъ, шопѣ получитъ за нею вѣ приданое все царство мое, и будетъ моимъ сыномъ и наследникомъ.“

—Царь пошелъ вѣ перемъ кѣ дочери своей. Она сидѣла за пядцами и шила серебромъ и золотомъ; но увидѣвъ родителя, вспала и поцѣловала руку его. Онъ сѣлъ подлѣ нее, и сказалъ ей словами ласковыми: „Милая разумная дочь моя, *прекрасная Царевна!* шы знаешь, чпо у меня нѣтъ дѣтей,

„кромѣ себя, свѣта очей моихъ;
 „родъ нашъ долженъ царствовать
 „и въ будущіе вѣки; пора тебѣ о
 „женихѣ думать. Давно живушъ у
 „насъ Царевичи и прельщающся
 „красотою своею: выбери изъ нихъ
 „супруга, дочь моя, и утѣши отца
 „своего!“ — Царевна долго сидѣла
 въ молчаніи, поупя въ землю го-
 лубые глаза свои; наконецъ подня-
 ла ихъ и успремила на родителя
 — пушъ двѣ блестящія слезы ска-
 пились съ алыхъ щекъ ея, подобно
 двумъ дождевымъ каплямъ, свѣваемымъ съ розы дуновеніемъ зефира.
 „Любезной родитель мой!“ сказала
 она нѣжнымъ голосомъ: „будешъ
 „мнѣ время горевать за мужемъ.
 „Ахъ! и пшички любяшъ волю; а
 „замужняя женщина не имѣетъ ея.
 „Теперь я живу и радуюсь; нѣшъ
 „у меня ни заботъ, ни печали; ду-
 „маю только о томъ, чшобы угод-
 „дать моему родителю. Не могу
 „ни чѣмъ опорочить Царевичей; но

„позволь, позволь мнѣ остаться въ
 „дѣвическомѣ моемѣ перемѣ!“ —
Царь доброй теловѣкѣ прослезился.
 „Я вѣжвой отецъ, а не пиранъ
 „швой, оявѣчалъ онѣ Царевнѣ: бла-
 „горазумные родишели могушѣупра-
 „влять склонноснями дѣшей сво-
 „ихѣ; но не могушѣ они ни возбуж-
 „дашь, ни перемѣняшь оныхѣ —
 „шакѣ искусный кормчій управля-
 „етѣ кораблемѣ своимѣ, но не мо-
 „жетѣ сказаъ пишинѣ: *превра-*
 „*тися въ вѣтерѣ!* или воспочному
 „вѣпру: *будѣ западнымѣ!*“ — *Царь*
доброй теловѣкѣ обнялъ дочь свою,
 вышелѣ къ Принцамѣ, и сказаъ
 имѣ сѣ печальнымѣ видомѣ и со
 всевозможною учпивостію, что
прекрасная Царевна ни для кого
 изѣ нихѣ не хочетѣ оспавипѣ дѣ-
 вическаго своего шерема. Всѣ Ца-
 ревичи пріуныли, призадумались и
 повѣсили свои головы; ибо всякой
 изѣ нихѣ надѣялся бышѣ супругомѣ
прекрасной Царевны. Одинѣ упи-

рался бѣлымъ плащкомъ, другой глядѣлъ въ землю, прешій закрывалъ глаза рукою, четвертой щипалъ на себѣ плащъ, пятой стоялъ прислонясь къ печкѣ и смотрѣлъ себѣ на носъ, подобно Индѣйскому Брамину, размышляющему о кашурѣ души человѣческой; шестой — Но что въ сію минушу дѣлалъ шестой, седьмой и прочіе, о томъ молчали лѣтописи. Наконецъ всѣ они вздохнули (такъ сильно, что едва не запряслись каменные стѣны), и помнымъ голосомъ принесли хозяину благодарность за угощеніе. Въ одно мгновеніе бѣлые шапры передъ дворцомъ исчезли — Царевичи сѣли на коней своихъ и съ грусти помчались во весь духъ, каждой своею дорогою; пыль поднялась столбомъ, и опять легла на свое мѣсто.

Въ Царскомъ дворцѣ спало все тихо и смирно, и *Царь доброй теловѣкъ* принялся за обыкновенное

дѣло свое, которое состояло въ томъ, чтобы править подданными какъ отецъ правитъ дѣтьми, и распространять благоденствіе въ подвластной ему странѣ — дѣло мудрое, но святое и пріятное! Однакожь у хлѣбосола рѣдко бываетъ безъ господей — и скоро по оповѣдѣ Принцовъ пріѣхалъ къ Царю странствующій Астрологъ, Гимнософистъ, Магъ, Халдей, въ высокой шапкѣ, на которой изображены были луна и звѣзды — прожилъ у него нѣсколько недѣль — водилъ за собой прекрасную Царевну, какъ должно учтивому Кавалеру — пилъ и ѣлъ по-философски, то есть за пятерыхъ, и безпрестанно говорилъ объ умеренности и воздержаніи. Царь обходился съ нимъ ласково; спрашивалъ его о происшествіяхъ свѣта, о звѣздахъ небесныхъ, о рудахъ подземныхъ, о пещерахъ воздушныхъ, и находилъ удовольствіе въ бесѣдѣ его. Къ чести

сего спранспвующаго рыцаря должно сказать, что онъ имѣлъ многія историческія, физическія и философическія свѣдѣнія, и сердце челоуѣческое было для него не совсѣмъ *тараборскою грамотою*— по еспь, онъ зналъ людей, и часпо угадывалъ по глазамъ самыя сокровеннѣйшія ихъ чувспва и мысли. Въ нынѣшнее время назвали бы его — не знаю, чѣмъ; но въ погдашнее называли его мудрецомъ. Правда, что всякой новой вѣкъ приносилъ съ собою новое понятіе о еемъ словѣ.— Сей мудрецъ, собравшись наконецъ бѣжать онъ *Царя добраго теловѣка*, сказалъ ему сіи слова: „Въ благодарноспь за швою ласку“ — (*и за твой хорошій столъ*, могъ бы онъ примолвить) — „ошкрою тебѣ важную шайну, важную для швоего сердца, *Царь доброй теловѣка!* Ничпо не сокрыпо опѣ моей мудроспи; не сокрыпа онѣ нее „и душа швоей дочери, *прекрасной*

Царевны. Знай, что она любитъ,
 „и хочешь скрывать любовь свою.
 „Распятие, цвѣтущее во мракѣ,
 „позабываетъ и лишается красоты
 „своей; любовь есть цвѣтъ души.
 „Я не могу сказать болѣе. Про-
 „спи!“—Онъ пожалъ у Царя руку,
 вышелъ, сѣлъ на осла и поѣхалъ въ
 явную землю.

Царь доброй теловѣкъ спохватъ въ
 изумленіи, и не зналъ, что думатьъ
 о словахъ мудрецовыхъ: вѣришь ли
 имъ, или не вѣришь, — какъ вдругъ
 явилась Царевна, поздравила отца
 своего съ добрымъ упрямъ, и спро-
 сила, покойно ли спалъ онъ въ про-
 шедшую ночь? „Очень безпокойно,
 „любезная дочь моя! (онъ вѣчалъ
 „*Царь доброй теловѣкъ.*) Душу мою
 „привожили разные неприятные
 „сны, изъ которыхъ одинъ оспалъ
 „ся въ моей памяти. Мнѣ казалось,
 „что я емѣлъ со многими людъ-
 „ми пришелъ къ дикой пещерѣ, въ
 „которой смертные узнавали бу-

„дущее. Всякой изъ насъ желалъ
 „о чемъ нибудь спросишь Судьбу;
 „всякой по очереди входилъ въ сум-
 „рачной гробъ, освѣщенный одною
 „лампадою, и писалъ на стѣнѣ
 „вопросъ—черезъ минушу, на помѣ
 „же мѣстѣ, огненными буквами
 „изображался отвѣтъ. Я хотѣлъ
 „знать, скоро ли будушъ у меня
 „милая внучапа? и къ ужасу мо-
 „ему увидѣлъ сіи слова: *можетъ*
 „*быть никогда*. Рука моя дрожала;
 „но я написалъ еще другіе вопросы:
 „*Развѣ у дочери моей каменное*
 „*сердце? развѣ она никогда любитъ*
 „*не будетъ?* Послѣдовалъ другой
 „отвѣтъ: *Она уже любитъ, но не*
 „*хочетъ открыть любви своей, и*
 „*крушится тайнѣ*. Тупѣ слезы
 „покапились изъ глазъ моихъ; про-
 „нупое мое сердце излилось въ
 „нѣжныхъ жалобахъ на тебя, пре-
 „красная Царевна! *Ѣмъ я заслу-*
 „*жилъ такую неискренность, такую*
 „*недовѣренность? Будетъ ли отецъ*

„врагомъ любезной своей дочери?
 „Могу ли противиться сердеткому
 „твоему выбору, милая Царевна?
 „Не всегда ли желанія твои были
 „мнѣ закономъ? Не бросаюся ли я
 „на старости лѣтъ моихъ за твою
 „бабѣткою, которую ты хвалила? Не
 „собственною ли рукою поливалъ я
 „тѣ цвѣточки, которые тебѣ нра-
 „вились?“ — — Тупѣ Царевна за-
 плакала, схватила руку опца сео-
 его, поцѣловала ее съ жаромъ —
 сказала: *батюшка! батюшка!* —
 взглянула ему въ глаза, и ушла въ
 свой перемъ.

„И такъ мудрецъ сказалъ мнѣ
 „правду? (размышляя Царь *добрый*
 „*словѣкъ*.) она не могла скрыпѣ
 „своего внушрняго движенія. Же-
 „спокая! думалъ ли я. . . . И для
 „чего пайшь? Для чего было не
 „сказапъ, копорой изъ Царевичей
 „плѣнилъ ея сердце? Можетъ бытъ
 „онъ не такъ богатъ, не такъ
 „знапенъ, какъ другіе; но развѣ

„мнѣ надобны богатство и знап-
 „носпь? Развѣ мало у меня
 „серебра и золопа? Развѣ онѣ
 „не будепѣ славенѣ ю женѣ сво-
 „ей? Надобно все узнашь.“ — Онѣ
 шу же минушу рѣшился иппи кѣ
прекрасной Царевнѣ; подошелъ кѣ
 дверямъ ея перема, и услышалъ
 голосъ муцины, копорой говорилъ:
 „Нѣтъ, *прекрасная Царевна!* ни-
 „когда опецѣ пвой не согласипся
 „признашь меня зяшемѣ своимѣ!“
 Сердце родипеля сильно запрепе-
 тало. Онѣ распворилъ дверь. . . .
 Но какое перо опишетѣ теперь
 его чувспва? Чѣмо предспавилось
 глазамѣ его? Безобразной придвор-
 ной карла, съ горбомѣ напередѣ,
 съ горбомѣ назади, обнималъ Царев-
 ну, копорая, проливая слезы, осы-
 пала его спрасшными поцѣлуями!
 —Царь окаменѣлъ. *Прекрасная Ца-
 ревна* бросилась передѣ нимѣ на ко-
 лѣни и сказала ему пвердымѣ го-
 лосомѣ: „Родипель мой! умерпви

„меня, или опдай за любезнаго,
 „милаго, безцѣннаго карлу! Никогда
 „не буду я супругою другога. Ду-
 „ша моя живетъ его душею, сердце
 „мое его сердцемъ. Въ жизни и въ
 „смерти мы неразлучны.“ — Между
 шѣмъ карла споялъ покойно, и смо-
 трѣлъ на Царя съ почтеніемъ, но
 безъ робости. Царь долго былъ не-
 подвиженъ и безгласенъ. Наконецъ,
 воскликнувъ: *что я вижу? что слы-
 шу?* упалъ на кресла, и голова его къ
 лѣвому плечу склонилась. Царевна
 обнимала его колѣни. Онъ взглянулъ
 на нее, такъ, чпо прекрасная не
 могла снести сего взора, и опу-
 шила глаза въ землю. *Ты, ты...*
 Голосъ его перервался. Онъ посмот-
 рѣлъ на карлу — вскочилъ — хлоп-
 нулъ дверью и ушелъ.

„Какъ, какъ могла *прекрасная*
Царевна полюбить горбашаго кар-
 лу?“ спросилъ, или — не спросилъ
 чипашель. Великой Шекспиръ гово-
 ритъ, чпо причина любви бываетъ

безъ причины: хорошо сказано для Поэпа! но Психологъ пѣмъ не удовольствуюется, и захочетъ, чтобы мы показали ему, какимъ образомъ родилась сія склонность, по видимому невѣроятная. Древнія лѣтписи, въ изъясненіе такого моральнаго феномена, говорятъ слѣдующее:

Придворной карла былъ человекъ опмѣнно умной. Видя, что свое нравная Нашура произвела его на свѣтѣ маленькимъ уродцомъ, и что наружность его очень неприманчива, рѣшился онъ замѣнить пѣлестные недоспапки душевными красками — спалъ учился съ величайшею прилѣжностію, читалъ древнихъ и новыхъ Авторовъ, и, подобно Афинскому Рипорѣ Демосеену, ходилъ на берегъ моря декламировать волнамъ громкія рѣчи, имъ сочиняемыя. Такимъ образомъ скоро приобрѣлъ онъ сіе великое, сіе драгоцѣнное искусство, копо-

рое покоряетъ сердца людей, и самаго нечувствительнаго чловѣка заставляетъ плакать и смѣяться — по дарованіе и по искусство, которыми Эракійской Орфей плѣнял и зѣрей и птицъ, и лѣса и камни, и рѣки и вѣтры — *красно-рѣчье!* Сверхъ того онъ имѣлъ пріятной голосъ, игралъ хорошо на арфѣ и гитарѣ, пѣлъ прогавельныя пѣсни своего сочиненія, и могъ прекраснымъ образомъ оживлять полно и бумагу, изображая на нихъ или Героевъ древности, или совершенство красоты женской, или кристальные ручейки, освѣняемые высокими ивами, и призывающіе къ сладкой дремотѣ упоеннаго пашуха съ паспушкою. Скоро слухъ о достоинствахъ и талантахъ чуднаго карла разнесся по всему городу и всему государству. Всѣ искали его знакомства: и старые и молодые, и мужчины и женщины — однимъ словомъ, умной карла во-

VI.

6

шелъ въ превеликую моду. Важная услуга, оказанная имъ опечеспву.... Но о семъ будещъ говорено въ другомъ мѣстѣ.

Когда *прекрасной Царевнѣ* было еще не болѣе десяти или двенадцати лѣтъ опъ роду, умной карла ходилъ къ ней въ перемѣ сказывать сказки о благодѣтельныхъ Феяхъ и злыхъ волшебникахъ — подъ именами первыхъ описывалъ онъ свяшья добродѣтели, копорыя дѣлають челоука щасливымъ; подъ именами послѣднихъ гибельные пороки, копорые ядовитымъ дыханіемъ своимъ превращають цвѣтущую долину жизни въ юдоль мрака и смерпи. Царевна часто проликала слезы, слушая гореспныя похождения любезныхъ Принцовъ и Принцессъ; но радость сіяла на прекрасномъ лицѣ ея, когда они, преодолевъ наконецъ многочисленныя искушенія рока, въ обьяспіяхъ любви наслаждались всею полно-

пою земнаго блаженства. Любя повѣспи краснорѣчиваго карлы, непримѣнно полюбила она и повѣспвователя, и проницательные глаза ея открыли въ немъ самомъ пѣ прогашельныя черпы милой чувствительности, копорыя украшали романическихъ его Героевъ. Сердце ея сдѣлало, шакъ сказаць, нѣжную привычку къ его сердцу, у котораго научилось оно чувспвовать. Самая наружность карлы спала ей пріятна, ибо сія наружность была въ глазахъ ея образомъ прекрасной души; и скоро показалось Царевнѣ, что шопѣ не можетъ быць красавцемъ, кто роспомѣ выше двадцати пяти вершковъ, и у кого нѣтъ наперед и назади горба. — Что принадлежитъ до нашего Героя, то онъ, не имѣя слѣпаго самолюбія, никакъ не думалъ, чпобы Царевна могла имъ влѣниться, а потому и самъ былъ почти равнодушенъ къ ея прелестямъ: ибо любовь

не раждается безъ надежды. Но когда въ минушу живѣйшей симпатіи прекрасная сказала ему: *я люблю тебя!* когда вдругъ открылось ему поле такого блаженства, о которомъ онъ прежде и мечтать не осмѣливался: тогда въ душѣ его мгновенно вспыхнули глубоко-таившіяся искры. Въ восторгѣ бросился онъ на колѣни передъ Царевною, и воскликнулъ въ сладостномъ упоеніи сердца: *ты моя!* Правда, что онъ скоро образумился; вспомнилъ высокой родъ ея, вспомнилъ себя, и закрылъ руками лице свое — но Царевна поцѣловала его и сказала: *я твоя, или нѣтъ!* — Дѣвическая робость не позволяла ей открыться родителю въ своей спраски.

„Сія любовь прекрасной Царевны хопя и къ умному, но безобразному карлѣ (говорилъ одинъ изъ насмѣшниковъ погдашняго времени) приводилъ на мысль того Царя древности, кошорой смертельно влю-

бился въ лягушечьи глаза, и созвавъ мудрецовъ своего государства, спросилъ у нихъ: чпо всего любезнѣе? *Цѣлѣющая юность*, онѣвѣчалъ одинъ по долгомъ размышленіи—*красота*, онѣвѣчалъ другой—*науки*, онѣвѣчалъ преній — *Царская милость*, онѣвѣчалъ четвершой съ низкимъ поклономъ, и шакъ далѣе. Царь вздохнулъ, залился слезами, и сказалъ: *Нѣтъ, нѣтъ! всего любезнѣе— лягушечьи глаза!*“

Теперь обратимся къ нашей повѣсти. Мы сказали, чпо *Царь доброй теловѣкъ* хлопнулъ дверью и ушелъ изъ Царевнина перема, но не сказали, куда? И шакъ да будепъ извѣстно чипапелямъ, чпо онѣ ушелъ въ свою горницу, заперся тамъ одинъ, думалъ, думалъ, и наконецъ призвалъ къ себѣ карлу— по помѣ *прекрасную Царевну*— говорилъ съ ними долго, и съ жаромъ; но какъ, и чпо, о помѣ молчиць Испорія.

На другой день было опубликовано во всеобщем городе, что *Царь доброй теловѣкъ* желаетъ говорить съ народомъ — и народъ со всѣхъ сторонъ окружилъ дворецъ, такъ, что не гдѣ было пастъ яблоку. Царь вышелъ на балконъ, и когда восклицанія: *да здравствуетъ нашъ доброй Государь!* умолкли, спросилъ у своихъ подданныхъ: *друзья! любите ли вы Царевну?* Тысячи голосовъ отвѣчали: *мы обожаемъ прекрасную!*

Царь. Желаете ли, чтобы она избрала себѣ супруга?

Тысячи голосовъ. Ахъ! желаемъ сердечно! Онъ долженъ быть своимъ наследникомъ, *Царь доброй теловѣкъ!* Мы станемъ любить его, какъ себя и дочь свою любимъ!

Царь. Но довольны ли будете вы ее выборомъ?

Тысячи голосовъ. Къто милъ Царевнѣ, тотъ милъ и своимъ поданнымъ!

Въ сію минушу поднялся на балконѣ занавѣсѣ—явилась *прекрасная Царевна* въ снѣгоцвѣтной одеждѣ, съ распущенными волосами, которые какъ бѣлой лентой развѣвались на плечахъ ея—взглянула какъ солнце на толпы народныя, и миллионы дикихъ людей покорились бы сему взору. Карла споялъ подлѣ нее; спокойно и величаво смотрѣлъ на волнующійся народъ, нѣжно и спраспно на Царевну. Тысячи восклицали: *да здравствуетъ прекрасная!*

Царь, указывая на карлу, сказалъ: „вопѣ онѣ — топѣ, кого Царевна вѣчно любитъ клянется, и съ кѣмъ хочетъ она соединиться на вѣки!“

Всѣ изумились—по шумѣ начали жужжать какъ шмели, и говорили другъ другу: *Можно ли, можно ли... То ли намъ послышалось? Какъ этому быть? она прекрасна; она Цар-*

*ская дочь — а онъ карла, горбатъ,
не Царской сынъ!*

Я люблю его, сказала Царевна — и послѣ сихъ словъ карла показался народу почти красавцемъ.

„Вы удивляешесь (продолжалъ *Царь доброй теловѣкъ*) — но такъ Судьбѣ угодно. Я долго думалъ, и наконецъ даю мое благословеніе. Впрочемъ вамъ извѣстно, что онъ имѣетъ достоинства; не забыли вы, можетъ быть, и важной услуги, оказанной имъ опечесшву. Когда варвары, подъ начальствомъ гигантскаго Царя своего, какъ грозная буря приближились къ нашему государству; когда серпъ выпалъ изъ рукъ успрашеннаго поселенина, и блѣдный паспухъ въ ужасѣ бѣжалъ отъ спада своего: тогда юный карла, одинъ и безоруженъ, съ масличною вѣтвію явился въ спанѣ непріятельскомъ, и запѣлъ сладостную пѣснь мира — умиленіе изобразилось на лицахъ варварскихъ —

Царь ихъ бросилъ мечъ изъ руки своей, обнялъ Пѣснопѣвца, взялъ въпивъ его и сказалъ: *мы друзья!* По томъ сей грозной Гигантъ былъ мирнымъ госпемъ моимъ—и пысячи его удалились отъ спраны нашей. Чѣмъ наградишь шебя? спросилъ я тогда у юнаго карлы. *Твоею милостію*, опвѣчалъ онъ съ улыбкою. Теперь“ - - -

Тутъ весь народъ въ одинъ голосъ воскликнулъ: *да будетъ онъ супругомъ прекрасной Царевны! да црствуетъ надъ нами!*

Торжеспвенная музыка загремѣла—загремѣли хоры и гимны—*Царь доброй теловѣкъ* сложилъ руки любовниковъ—и бракосочепаніе совершилось со всѣми пышными обрядами.

Карла жилъ долго и щасливо съ прекрасною своею супругою. Когда *Царь доброй теловѣкъ*, послѣ дѣяшельной жизни, скончался блаженною смертію, то еспь заснулъ,

какъ упомянутый странникъ при шумѣ ручейка на зеленомъ лугу засыпаетъ: тогда зяпъ его въ вѣнцѣ сафиро-рубинномъ и съ златымъ скиптромъ возсѣлъ на высокомъ тронѣ и обѣщалъ народу царствовать съ правдою. Онъ исполнилъ обѣщанье свое, и безпристрастная Исторія назвала его однимъ изъ лучшихъ владыкъ земныхъ. Дѣла его были прекрасны подобно маперу, и разумны подобно родителю.

Ю Л І Я.

Женщины жалуются на мужчинъ, мужчины на женщинъ: кпо правъ? кпо виноватъ?—Кому рѣшишь паязбу?—Естьли мнѣ, по я, ничего не слушала и не разбирая, оправдаю. . . любезнѣйшихъ — слѣдственно женщинъ?.. Безъ сомнѣнія. Но мужчины будутъ недовольны моимъ рѣшеніемъ; докажутъ мое приспращіе; объявятъ, что я подкупленъ. . . милымъ взоромъ какой нибудь Лидіи, пріятною улыбкою какой нибудь Арефы; перенесутъ дѣло въ вышній судъ, и приговоръ мой останется — увы! — безъ всякаго дѣйствія.

Вотъ маленькое предисловіе къ слѣдующей повѣсти.

Юлія была украшеніемъ нашей

сполицы; являлась — и мужчины полько на нее смопрѣли, полько ею занимались, полько ее слушали. А женщины? . . . женщины пихонько говорили между собою, и съ лукавою усмѣшкою взглядывали на Юлію, спараясь замѣшпшь въ ней какой нибудь недоспапокъ, кошо-рой жопя нѣскольпо могъ бы успо-копшь ихъ самолюбіе. Тщепное спараніе! Юлія сіяла какъ солнце: завпспъ искала въ немъ черныхъ ппашень, не находпла, и съ болію въ глазахъ, съ опчаяніемъ въ сер-дцѣ, должна была. . . иппи прочь!

Нужно ли сказывапь, что всѣ молодые люди обожали Юлію, и по-чпшали за славу обожашъ ее? Одынъ вздыхалъ, другой плакалъ, прешій игралъ ролю помнаго меланхолика; и обо всякомъ, кпо задумывался, говорили: „онъ влюбленъ въ Юлію!“

Что же Юлія? Любила болѣе все-го — самое себя; съ гордою улы-бою смопрѣла на право, на лѣво, и

думала: „кто мнѣ подобенъ? кто меня достоинъ?“ *Думала*, прошу замѣтить; а не *показывала*. Удивляясь красотѣ и разуму ея, всякой удивлялся между прочимъ и скромности ея взоромъ: искусство, одѣвѣмъ милымъ женщинамъ свойственное!

Но мало по малу, приближаясь къ концу вѣселаго десятилѣтія жизни своей, Юлія спала чувствовать, что ея мнѣніемъ суежности есть — дымъ; хотя весьма пріятной, но все дымъ, который худо пахнетъ душу. Какъ ни обожай себя; какъ ни любуйся своими достоинствами — не довольно! Надобно любить чтонибудь кромѣ магической буквы Я — и Юлія начала съ большимъ вниманіемъ разсматривать многочисленную толпу своихъ искапелей. Иногда взоръ ея опадалъ преимущественно молодому Легкоуму, который въ разсужденіи красоты могъ бы поспорить съ самимъ Купидомъ.

номъ, и не занимался ничѣмъ, кромѣ Юліи и — зеркала; иногда спашному Храбруну, лаврами увѣнчанному воину, копорому не доспавало полько Греческаго плащя, чпобъ бытъ совершеннымъ Марсомъ; иногда забавному Пуспослову, копорой, не смопря на важность судейскаго званія своего, верпѣлся на одной ногѣ какъ Весприсъ, сочинялъ всякой день по десяти Французскихъ каланбуровъ, и зналъ наизуспъ *лексикомъ анекдотовъ*. Все не на долго — черезъ минушу Легкоумъ казался ей безразсуднымъ, самолюбивымъ мальчишкою, Храбронъ — виднымъ драгуномъ, и болѣе ничего — забавной Пуспословъ скучною обезьяною. Наконецъ глаза ея оспановились на любезномъ Арисѣ, копорой въ самомъ дѣлѣ былъ любезенъ; вѣсы склонились на его сторону, и сердце съ разумомъ на сей разъ согласились.

Кто былъ Арисъ? — Молодой че-

ловѣкъ, воспитанный въ чужихъ краяхъ подѣ смотрѣніемъ не наемнаго Гофмейспера, но благоразумнаго и нѣжнаго отца своего. Полезныя и пріятныя знанія украшали его душу, добродѣтельныя правила сердце. Не будучи красавцемъ, онъ нравился своею миловидностію и кропкими, любезными взорами, одушевленными огнемъ внушеннаго чувства. Онъ краснѣлся; какъ невинная дѣвушка, отъ всякаго нескромнаго слова, сказаннаго въ его присутствіи; говорилъ не много, но всегда основательно и пріятно; не старался блистать ни умомъ, ни знаніями, и слушалъ каждого—по крайней мѣрѣ съ терпѣніемъ. Чувствуютъ ли въ свѣтѣ цѣну такихъ людей? Рѣдко. Тамъ сусальное золото предпочитается иногда истинному; скромность, подруга достоинства, остаётся въ тѣни своей, а дерзость заслуживаетъ вѣнокъ и рукоплесканіе.

Арисъ любилъ Юлію—какъ не любить того, что прекрасно и любезно?— но безчисленное множество ея обожателей успрашало его. Онъ смотрѣлъ на нее издали, не вздыхалъ, не клалъ руки на сердце съ томнымъ видомъ; однимъ словомъ, не думалъ представлять картиннаго любовника; но Юлія знала, что онъ любилъ ее спраспно. Дивись, еспли угодно, проницанію красавицъ! Скорбе не примѣпяпъ онъ солнца на ясномъ небѣ въ полдень, нежели дѣйствія своихъ прелестей въ глазахъ нѣжнаго мущины, какъ бы ни хотѣлъ онъ скрывать чувства свои. Юлія опличила Ариса опъ другихъ искапелей, ободрила его заспѣнчивоспъ пріятнымъ взглядомъ, пріятною улыбкою; начала съ нимъ говорить, ласкать его, показывать уваженіе къ его достоинствамъ, вниманіе къ его словамъ, желаніе видѣть его чаще. „Завпра вы будете въ кон-

„церпѣ, въ саду; завтра вы будете кѣ намъ обѣдать, ужинать; вчера было у насъ скушно: вы не хотѣли кѣ намъ прѣбывать!“ — Арисъ не былъ изъ числа тѣхъ людей, копорые малѣйшую ласку со стороны женщинъ принимающъ за доказательство любви, и почищаютъ себя щасливыми Адонисами тогда, когда объ нихъ и не думаютъ; однакожь, не смотря на скромность свою, онъ позволилъ себѣ надеяться; а надежда для спрашивается по же, что пихой Апрельской дождь для молодой зелени, что въперѣ для искры. Онъ гоповъ былъ броситься на колѣни и сказать Юліи: „будь моя на вѣки!“.. чего Юлія ожидала, чего она хотѣла, и конечно не для того, чтобы отвѣчать: *«ѣтъ!»* какъ вдругъ на горизонтѣ большаго свѣта явился новой феноменъ, копорой обратилъ на себя общее вниманіе: молодой Князь N*, любимецъ Природы и

щастія, которыя осыпали его всѣми блестящими дарами своими; знашной, богатой, прекрасной собою. Во всѣхъ обществѣхъ говорили о молодомъ Князѣ; всѣ хвалили его, а болѣе всѣхъ женщины, особливо пѣ, на которыхъ онѣ взглядывалъ ласковѣе, нежели на другихъ—копорымъ онѣ сказалъ пять или шесть пріятныхъ словъ. Не могли надивиться уму его—даже и тогда, когда онѣ говорилъ о погодѣ. Не мудрено—разгоряченное воображеніе естъ микроскопъ, копорой все увеличиваетъ въ тысячу, въ миллионъ разъ—и люди съ такимъ же упрямствомъ могутъ искасть оспроумія шамъ, гдѣ нѣтъ его, съ какимъ иногда не хопяпъ чувствоватъ, гдѣ оно естъ.

Между пѣмъ носился по городу слухъ, что Князь нечувствивеленъ къ женскимъ прелестямъ; что Амуровы стрѣлы не берутъ его сердца; что оно, посредствомъ пайной

эластической силы, сжимается и
оспаешся невредимо; что бѣдной
Венеринъ сынъ, желая ранить его,
опустошилъ колчанъ свой, и все по
напрасну. Какой вызовъ для само-
любія женщинъ! Какая слава для
побѣдипельницы! И всякой изъ нихъ
казалось, что Купидонъ, огорчен-
ный, расплаканный, подходитъ къ
ней, беретъ ее за руку, и съ умиль-
нымъ взоромъ говоритъ: „опмспи,
опмспи за меня, или я умру съ го-
ря!“ Умереть Купидону! Боже мой!
какой ужасъ! За чѣмъ будетъ жить
въ свѣтѣ безъ прелестнаго малюп-
ки? Надобно за него вспуписья;
надобно помочь ему, надобно оп-
мспить, и—чего бы по ни спой-
ло—пронуть, побѣдипь, плѣнпть
новаго Алькида—и всѣ мастера
золопыхъ дѣлъ въ нашей столицѣ
занялись одною работою: кованіемъ
цѣпей, по заказу красавицъ (*).

(*) Вотъ отъ чего вошли въ моду зо-
лотыя цѣпи, которыя, за нѣсколько

Спрашись, вѣпреной Князь! Но Князь улыбался, расхаживалъ какъ гордой лебедь, и—въ одномъ публичномъ собраніи—встрѣшилсѣ съ Юліею. За нимъ всѣ красавицы, за нею всѣ молодые люди—какая встрѣча! Они посмопрѣли другъ на друга: какой взоръ! Юлія запмѣвала женщинѣ, Князь Н* мущинѣ. „Онѣ долженѣ любить ея!“ думали первыя. „Она должна любить его!“ думали послѣдніе. Тѣ и другія пошупили глаза въ землю, проспились сѣ надеждою, и разошлись въ разныя спороны.—Одинѣ Арисѣ оспался подлѣ Юліи. Онѣ началѣ говорить: ему опвѣчали сухо, коротко—казалось, что она была въ разсѣяніи.

На другой день Арисѣ пріѣхалѣ къ Юліи; но головная боль не поз-

времени передѣ симѣ, гремѣли и сіяли на всѣхѣ нашихѣ молодыхѣ женщинахѣ.

волила ей выпши изъ своей комна-
ты. На шрепшй онъ увидѣлъ ее на
балѣ: Князь сидѣлъ подлѣ нее —
Князь танцовалъ съ нею — Князь
занималъ ее пріятнымъ своимъ раз-
говоромъ. Арису поклонились учпи-
во — *устиво* — болѣе ничего. Спро-
сили, здоровъ ли онъ? и не дожи-
дались отвѣта. Арисъ подошелъ
съ другой стороны: его не примѣ-
нили — и какъ примѣшишь? онъ по-
дошелъ не опшуда, гдѣ сидѣлъ
Князь. — Бѣдной Арисъ! догадайся.
Ты могъ бышь щаспливъ; но мину-
ша прошла! Чшо дѣлашь? Удались-
ся. — Онъ то и сдѣлалъ; не нужно
сказыванъ, съ какимъ чувствомъ.
— — Оспавимъ его. — Пусшь онъ
поплачетъ въ уединеніи, и, ештли
можно, забудетъ милую вѣтреницу.

Между шѣмъ Юлія восхищася
Княземъ. Молча, онъ казался ей Ан-
пиномъ (*); когда говорилъ, Ци-

(*) Славной красавецъ, которому Им-
перашоръ Адрианъ посвятилъ храмъ.

перономъ ; когда говорилъ: *Юлія*, *я обожаю тебя!* полубогомъ. Онъ не обманывалъ, и въ самомъ дѣлѣ плѣнился ея красою, такъ, что не хотѣлъ бытъ ни въ одномъ концертѣ, гдѣ не пѣла Юлія ; ни на одномъ балѣ, гдѣ не танцовала Юлія ; ни на одномъ гульбищѣ, гдѣ не гуляла Юлія. Онъ любилъ прежде играсть въ карты: для Юліи оставилъ ихъ. Любилъ часа по три въ день проводить съ Англійскими лошадьми своими : для Юліи забылъ ихъ. Любилъ спать до двухъ часовъ за полдень: для Юліи переѣхнулъ образъ жизни, и рѣдко не просыпался въ полдень, чтобы на крыльяхъ Зефира—или, по крайней мѣрѣ, въ великолѣпной Англійской каретѣ—лѣтѣлъ къ Юліи.—Такая любовь не шутка. Вы скажете, что въ рыцарскія времена любили иначе—государи мои! всякой вѣкъ имѣетъ свои обычаи: мы живемъ въ осьмомъ—надесятъ! Красавицы наши сниско-

дипельны и жалоспливы; ни копча-
рая изъ нихъ, сидя въ ложѣ, не бро-
ситъ перчашки на гриву разъярен-
наго льва, и не пошлетъ за нею
своего рыцаря (*), для того что
рыцарь — не поидетъ за нею!

Юлія думала, что Князь не могъ
жити безъ нее; только ей казалось
чудно, что онъ, говоря безпрестан-
но о сердцѣ, никогда не упоминалъ
о рукѣ. Многія изъ пріятельницъ
схихонько поздравляли ее съ такимъ
завиднымъ женихомъ; но женихъ
молчалъ. — Наконецъ она дала ему
почувствовать свое удивленіе: нѣж-
ной Князь оскорбился. „Юлія сом-

(*) Это случилось во Франціи, при Ко-
ролѣ Францискѣ I, въ то время, какъ
звѣриныя сраженія были любимомъ
забавою Двора. Одна молодая Дама,
сидя въ амфитеатрѣ, нарочно уро-
нила перчашку свою на то мѣсто,
гдѣ сражались львы, и сказала ры-
царю Делоржу: *подними ее — или
ты меня не любишь!*

нѣвается въ силѣ прелестей своихъ!“ сказалъ онъ съ жаромъ: „Юлія хочешь промѣнять огненнаго Амура на холоднаго Гименя! милую улыбку перваго на вѣчную угрюмость послѣдняго! гирланду розовую на цѣпь желѣзную! О Юлія! любовь не перпишѣ принужденія; одно слово, и все блаженство исчезнетъ! Могъ ли бы Пепрарка въ узахъ брака любить свою Лауру такъ пламенно? Ахъ нѣтъ! воображеніе его не произвело бы ни одного изъ шѣхъ нѣжныхъ Сонетовъ, которыми я восхищаюсь. Такъ любить должно, и такой любви достойна Юлія!“ — Между шѣмъ Юлія поблѣднѣла. Князь увидѣлъ, что его философія ей не нравится; надобно было перемѣнить языкъ, чтобы успокоить красавицу. — „По крайней мѣрѣ, сказалъ онъ, продадимъ, сколько можно, время любви нашей: оно уже никогда, никогда не возвратится, прелестная Юлія!“ — Тупъ онъ вздохнулъ. Юлія не

могла съ нимъ согласишься; она пре-
 бовала вѣрнаго слова. Князь далъ
 его — и въ награжденіе запо-
 хошѣлъ, чѣобы она позволила ему
 вѣкопорья вольности въ обхожде-
 ніи. Всякой день присвоивалъ онъ
 себѣ новое право. . . два жаркія сер-
 дца бились пакъ сильно, пакъ близ-
 ко другъ ко другу. . . Но скромность
 естъ нужная добродѣпель и для са-
 маго сказочника. Къ шому же — не
 знаю, опѣ чего — собственное сер-
 дце мое бѣшся пакъ сильно, когда
 я воображаю себѣ подобныя сцены. . .
 Можетъ быть какія нибудь тем-
 ныя воспоминанія. . . Оспавимъ —

Оспавимъ всѣ подробности, и
 скажемъ просто, чѣо бывали ми-
 нуты, въ копорья одна богиня не-
 винности могла спасти Юлину не-
 винность. Она почувствовала опас-
 ность, и Князь принужденъ былъ
 назначить день для поржеспвенной
 помолвки. Въ ожиданіи сего дня онъ
 испоцилъ всѣ возможныя хипро-

спи, чтобы побѣднть ея швердосшь — но шщешно! Въ самое шо время, когда ей, по всѣмъ человѣчскимъ вѣрояшносшямъ, наддежало забышсья, она спротнмъ взоромъ опсылала его опъ себя—по крайней мѣрѣ шага на два, такъ чшо онъ лншнлся всей надежды бышь шцасшлнво-дерзкнмъ безъ нменн супруга.

Однажды поушру, когда Юлня опкрыла глаза, н сѣ первую мыслню предспавнла себѣ любезнаго своего Кннзя, вручнли ей пнсьмецо слѣдующаго содержаннн:

„Вы любезны; но чшо любезнѣ вольноспи? Мнѣ гореспно разспашься сѣ вамн; но мысль о вѣчнон обязанности еше гореспнѣ. Сердце не знаешъ законовъ, н переспаетъ любншь, когда захочешъ: чшожь будетъ супружесшво? несносное время. Вы не хотѣли любншь по моему, любншь шолько для удовольствнн любн, — любншь, пока лю-

„бишь : и такъ—простите! Назы-
 „вайше меня вѣроломнымъ, ешьли
 „угодно; но давно говоряшъ вѣ свѣ-
 „шъ, чшо клятва любовниковъ пи-
 „шепся на песокъ, и чшо самой лег-
 „кой вѣперокъ завѣваетъ ее. Впро-
 „чемъ, съ такими милыми свой-
 „ствами, съ такими прелестями,
 „вамъ не шрудно найши достойна-
 „го супруга, . . . можетъ быть вѣр-
 „наго, постояннаго! Родяпся Фе-
 „никсы—но я, вѣ семъ смыслѣ, не
 „Фениксъ; и по шому оспавляю
 „васъ вѣ покоѣ. Меня уже нѣтъ вѣ
 „Москвѣ. Простите!—Князь N*.“

Юлія запрепешала, и, слѣдуя
 обыкновенію новыхъ Дидонъ, упала
 вѣ обморокъ. Черезъ нѣсколько ми-
 нутъ опомнилась, для шого, чшобы
 опяшь забыпьяся. Наконецъ, собравъ
 силы свои, она нашла для себя нѣ-
 копорое облегченіе вѣ шомѣ, чшобы
 проклинашь муцинъ. Они всѣ из-
 „верги, злодѣи, вѣроломные; ши-
 „грица воспешала ихъ молокомъ

„своимъ; подъ языкомъ носятъ они
 „эмбиной ядъ, а въ сердцѣ ихъ ши-
 „пипъ ехидна. Слезы ихъ слезы
 „крокодиловы; повѣрь имъ, и ги-
 „бель неизбежна!“—Таковыми нѣж-
 ными красками писала порпретъ
 нашъ опчаянная Юлія. Извинитель-
 но; но справедливо ли? Въ одну ли
 форму оплипы сердца мущинъ?
 Могутъ ли всѣ опвѣчать за одно-
 го? . . Но человекъ въ спраспи есть
 худой Логикъ: *одинъ* кажешся ему
всѣмъ, и *всѣ* *однимъ*.

Не позже какъ на другой день
 узнали въ городѣ о разрывѣ нашихъ
 любовниковъ. „Князь N* оспавилъ
 Юлію!“ говорили мущины, пожи-
 мая плечами. „Князь N* оспавилъ
 Юлію,“ говорили женщины съ ко-
 варною улыбкою—и всякая изъ
 нихъ думала: „меня бы онъ не оспа-
 вилъ!“—Какъ показаться въ свѣ-
 тѣ? Юлія возненавидѣла его, и нѣ-
 сколько времени не выходила изъ
 своего кабинета.

Недѣли черезъ двѣ послѣ сей исторіи пріѣхалъ къ ней Арисъ. Она подумала. . . и велѣла его пустишь.—Бѣдной Арисъ! онъ долженъ былъ спрадать вмѣстѣ со всѣми мущинами опѣ спрѣлъ Юліана краснорѣчія, и слушаешь, съ видомъ кающагося пресступника, когда бранили непоспоянспво и вѣроломныхъ! Другой на его мѣстѣ взглянулъ бы на Юлію такими глазами, что она конечно бы покраснѣлась и замолчала; но доброй Арисъ любилъ, не могъ преодолѣшь спраспи своей, и пріѣхалъ не для погу, чпобы мспишь огорченной красавицѣ.

Юлія довольна была его посѣщеніемъ; желала видѣшь его въ другой, въ претій разъ—и черезъ нѣсколько времени сердце ея переспало кипѣшь гнѣвомъ на мущинъ. Арисова нѣжнпость, кропоспъ, сердечныя доспоинспва, копорыхъ въ сеѣпскомъ шумѣ не могла она шакъ

сильно и живо чувствовала, про-
 нули ее душу в искренних разго-
 ворах пикаго кабинета. „Для че-
 го, сказала Юлія сквозь слезы, для
 чего другие мужчины не подобны
 вам! Тогда неизбежная склонность
 нашего сердца не была бы для нас
 источником поски и горести.“ . . .
 Арикс воспользовался сею минутою,
 и Юлія не могла отказать от
 руки его, с условиями, что-
 бы оставил навсегда *коварной свѣтъ*
 — какъ она говорила, стараясь за-
 гладить в мыслях своих послѣд-
 ния черпы легкомысленнаго Князя
 Н* — „коварной свѣтъ, недостой-
 ный быть свидетелемъ нашего
 „благополучія, любезной Арикс!
 „Презривъ суетность его — онъ
 „мнѣ несносенъ — и удалимся в
 „деревню!“ — „Всѣ дни мои, отъ-
 чалъ онъ съ радостными слезами,
 будуще посвящены моему удоволь-
 ствию, несравненная Юлія! Я радъ
 жить съ тобою на краю міра; ни-

когда, никогда не оскорблю тебя ни взоромъ, ни упрекомъ, ни жалобой.— Воля твоя— мой законъ! Ты дѣлаешь меня щаспливымъ: угадываешь твои желанія, исполняешь ихъ; зависѣшь отъ тебя совершенно, есть священной долгъ моей благодарности!“— Арисъ не обманешь Юлію; а Юлія— увидимъ!

Первые шесть или семь недѣль пропекли для нихъ въ деревнѣ какъ шесть или семь веселыхъ дней. Добродѣтельный супругъ восхищался прелестною супругою всякой часъ, всякую минуточку. Юлія была чувствительна къ его нѣжности— и сердца ихъ сливались въ тихихъ восторгахъ. Казалось, что сама Природа брала участіе въ ихъ радостяхъ: она цвѣла тогда во всемъ пространствѣ садовъ своихъ. Вездѣ благоухали ясины и ландыши; вездѣ пѣли соловьи и малиновки; вездѣ курился еиміамъ любви, и все

пипало удовольствіями любовь нашихъ супруговъ.

„Боже мой! (говорила Юлія) какъ могутъ люди жить въ городѣ! Какъ могутъ они выѣзжать изъ деревни! Тамъ шумъ и безпокойство; здѣсь чистое невинное удовольствіе. Тамъ вѣчное принужденіе; здѣсь покой и свобода. Ахъ другъ мой! . . (съ умильнымъ взоромъ брала она Арисову руку, и прижимала ее къ своей груди). . . ахъ другъ мой! только въ одной сельской тишинѣ, въ однихъ объятіяхъ Напуры, чувствительная душа можетъ насладиться всею полнопою любви и нѣжності!“

Въ концѣ лѣта Юлія все еще хвалила сельскую жизнь, хотя и не съ такимъ уже краснорѣчіемъ, не съ такимъ жаромъ. Но—за красивымъ лѣтомъ слѣдуетъ мрачная осень. Цвѣты и въ полѣ и въ саду увяли; зелень поблекла; листья слѣбли съ деревьевъ; ппички. . . . Богъ знаетъ, куда дѣвались—и все

спало такъ печально, такъ уныло, что Юлія поперяла всю охоту хвалить деревенское уединеніе. Арисъ примѣпилъ, что она, смотря въ окно, часпо закрывала бѣлымъ платкомъ алой свой рошикъ, и что бѣлой платокъ, какъ будто бы опъ вѣянія зефира, поднимался на немъ и опускался — то еспъ, сказашь прости, Юлія зѣвала! Арисъ вздохнулъ — взялъ помъ Новой Элоизы, развернулъ и прочипалъ нѣсколько страницъ. . . . о блаженствѣ взаимной любви. Юлія переспала зѣвашь, слушала, и наконецъ сказала: „Прекрасно! только знаешь ли, мой другъ? Мнѣ кажется, что Руссо писалъ болѣе по воображенію, нежели по сердцу. Хорошо, еспъли бы такъ было; но такъ ли бываетъ въ самомъ дѣлѣ? Удовольствіе щасливой любви еспъ конечно первое въ жизни; но можетъ ли оно быть всегда равно живо, всегда наполняшь душу? можетъ ли замѣнить всѣ

другія удовольствія? можець ли населиць для насъ пустыню? Ахъ! сердце человеческое ненасыпимо; оно хочеть безпреспанно чего нибудь новаго, новыхъ идей, новыхъ впечатлѣній, копорья, подобно упренней росѣ, освѣжающъ внупренія чувства его, и дающъ имъ новую силу. На примѣрѣ, я думаю, что самая пылкая любовь можець проспыць въ совершенномъ уединеніи; она имѣеть нужду въ сравненіяхъ, чтобы шѣмъ болѣе чувствовать цѣну предмета своего.“
 —Арисъ вздохнулъ и сказалъ: „я не такъ думалъ; но... мы завтра ѣдемъ въ городъ!“

Юлія снова явилась въ свѣтѣ, и съ новымъ блескомъ красоты своей, съ богатствомъ, съ пышностію: довольно—свѣтъ принялъ ее съ рукоплесканіемъ, и розы со всѣхъ сторонъ посыпались на Юлію. Веселье за весельемъ, удовольствіе за удовольствиемъ—такъ какъ и прежде

—сѣ пою розницею, что замужня женщина имѣетъ еще болѣе удобности наслаждаться всѣми пріятностями свѣтской жизни.

Героиня наша хопѣла жить открытымъ домомъ, и по крайней мѣрѣ чепыре раза въ недѣлю ужинало у нее 30 или 40 человекъ. Арисъ молчалъ; дѣлалъ все, что ей угодно было. Юлія чувствовала сію необходимость, и, опасаясь сѣ нимъ наединѣ, награждала его за то восхищенными своими ласками. „Не правда ли, другъ мой—говорила она сѣ прелестною улыбкою—что городскія забавы и разнообразіе предметовъ еще болѣе оживляютъ любовь нашу? Сердце мое, упомненное свѣтскимъ шумомъ, наслаждается покоемъ въ твоихъ объятіяхъ.“—Арисъ вздыхалъ, — такъ тихо, что Юлія не слыхала того.

Но однажды ввечеру Арисъ измѣнился въ лицѣ:—между гостями,

пріѣхавшими къ Юліи, увидѣлъ онѣ Князя Н*. Сердце его запрепепало; однакожь, черезъ нѣсколько минутъ, сіе невольное движеніе укротилось. Разумъ сказалъ сердцу: *молчи!* и Арисъ подошелъ къ Князю съ учпивымъ привѣтспвіемъ. Только во весь пощъ вечеръ боялся онѣ приспально смопрѣшь на Юлію, чпобы не привести ее въ замѣшательство; чпобы она не перѣполковала его взоровъ въ худую спорону, и не нашла въ нихъ какого нибудь подозрѣнія, безпокойства, неудовольствія.

Послѣ ужина, когда всѣ разѣхались, Юлія сѣла на софу, взяла Ариса за руку, и сказала ему съ улыбкою: „Ты видѣлъ, мой другъ, съ какою холодною учпивостію обходилась я съ Княземъ Н*. Не приняшь его, опказать ему опѣ дому, было бы съ моею спороны неблаго-разумно. Пусть видитъ эпощъ легкомысленной Нарциссъ, что онѣ

миѣ ничего; что прошедшее заблужденіе не оставило въ душѣ моей никакихъ слѣдовъ; что я не имѣю причины бояться сердца своего, и что онѣ не можетъ привести меня въ краску.“—Арисъ, Арисъ поцѣловалъ ея руку, и отдалъ справедливосшь благоразумію супруги своей!

Черезъ два дни опять ужинъ, и Князь опять явился вмѣстѣ съ прочими госпями; былъ веселъ, забавенъ; говорилъ съ хозяйкою болѣе, нежели съ кѣмъ нибудь; о хозяйинѣ не думалъ; взглядывалъ на него почти съ презрѣніемъ, и велъ себя какъ должно модному человѣку. — Коропко сказашъ, онѣ не пропускалъ случая бытъ у Юліи. „Какъ весело въ ея домѣ!“ говорили мужчины и женщины. „Хозяйка любезна какъ Ангелъ,“ говорили первые. „Милой Князь N* разливаеетъ вокругъ себя удовольствіе,“ говорили послѣднія. — Между пѣмъ начались

шолки. Одни съ усмѣшкою смотрѣли на Ариса; другіе пожимали плечами. „Чему дивисься?“ шептали другъ другу на ухо: „старая дружба! Теперь же и менѣе опасности. Мужъ пихъ, скромнѣ — и все съ концомъ!“

Арисъ не перемѣнялся въ разсужденіи Юліи; но скоро увидѣлъ въ ней перемѣну. Иногда она задумывалась, блѣднѣла, хопѣла бышь одна; черезъ часъ лице ея покрывалось нѣжнѣйшимъ румянцемъ: она бросалась въ объятія супруга своего, цѣловала его съ жаромъ, хопѣла что-то сказать, и не говорила ни слова. Скромной Арисъ также молчалъ; иногда слезы капались изъ глазъ его — но кпо былъ ихъ свидѣтелемъ? пихое уединеніе; самая густая алея въ саду его, копорая, послѣ Юліи, сдѣлалась ему всего милѣе. Арису казалось, что хладныя пѣни ея съ чувствомъ при-

касались къ его сердцу, и согрѣвались его теплотою.

Въ одинъ день, передъ вечеромъ, онъ прїѣхалъ домой, и спѣшилъ въ любимую свою алею; входилъ — и видилъ Князя Н*, сидящаго на деревяномъ канапѣ подлѣ Юліи, которая, опустивъ голову на плечо къ нему, смотрѣла въ землю. Онъ цѣловалъ ея руку и говорилъ: „Ты меня любишь, и я долженъ умереть въ твоихъ объятіяхъ! Юлія! шебѣ ли имѣешь предразсужденія? Слѣдуй влеченію своего сердца; слѣдуй“. . . Но Юлія услышала шорохъ, взглянула — и запрепечала. . . . Пусть всякой вообразитъ себя на мѣстѣ бѣднаго Ариса! . . . Чпо дѣлать? Заколоть ихъ однимъ кинжаломъ; упоить кровію жажду справедливаго мщенія; а по томъ. . . . умертвить и самаго себя? . . . Нѣтъ! Арисъ сражался съ собою — не долѣе минушы; она была ужасна — но онъ усмирилъ кипящее сердце,

и скрылся! — Человѣкъ, которой видѣлъ его выходящаго изъ алей, сказывалъ мнѣ, что лице его было блѣдно какъ полотно; что ноги его примѣтно дрожали; что изъ сердца его, какъ будто бы насильно, вырывался какой-то глухой стонъ; что онъ, взглянувъ на небо и вздохнувъ нѣсколько разъ сряду, вдругъ пошелъ скорыми шагами.

Въ попѣ же вечеръ принесли къ Юліи слѣдующее письмо:

„Я не нарушилъ даннаго слова; „не оскорбилъ тебя ни жалобою, ни „укоризною; надѣялся на силу нѣж- „ности и любви моей, обманулся и „долженъ перѣтъ! — Послѣ того, „что я видѣлъ и слышалъ, . . . намъ „не лзя жить вмѣстѣ. Не хочу „обременять тебя моимъ присут- „ствіемъ. Права супружества не „сносны, когда любовь не освящаетъ „ихъ. Юлія — прости! . . . Вы сво- „бодны! Забудьте, что у васъ былъ „супругъ; долго — или никогда объ

„немъ не услышите! Океанъ раз-
 „дѣлитъ насъ. Не будетъ у меня
 „ни опечесова, ни друзей; будетъ
 „одно чувство, для горести и ме-
 „ланхолии! — Въ приложенномъ па-
 „кетѣ найдете бумагу, по которой
 „можете располагать моимъ имѣ-
 „ниемъ; найдете еще портретъ—
 „бывшей супруги моей. . . Нѣтъ, я
 „возьму его съ собою; буду гово-
 „рить съ нимъ какъ съ пѣнію умер-
 „шаго друга; какъ съ единствен-
 „нымъ и послѣднимъ милымъ пред-
 „метомъ умирающаго сердца!“

Надобно знать, что Юлія, уви-
 дѣвъ Ариса въ алѣ, нѣсколько ми-
 нутъ сидѣла безмолвно; по томъ
 бросилась въ слѣдъ за нимъ, назва-
 ла его два раза именемъ. . . голосъ
 ея перервался, ноги подогнулись—
 она должна была опереться на пле-
 чо Князю, и едва могла дойти до
 дому. Тамъ, не видя Ариса, упала
 на софу, закрыла лице руками, и
 не говорила ни слова. Тщепно при-

ступалъ къ ней услужливой Князь; щещно спарался успокоить ее:— она молчала.

Дрожащею рукою схватила Юлія письмо Арисово—прочипала его— и слезы въ при ручья покапились изъ глазъ ея. Князь хотѣлъ взять письмо. . . „Поспой!“ сказала она швердымъ голосомъ: „пы не можешъ его чипапъ: оно писано добродѣптельнымъ! . . . Туманъ разсѣлся—и я презираю себя! . . . О женщины! вы жалуешесь на коварство мушинъ: ваше легкомысліе, ваше непосоянство служипъ имъ оправданіемъ. Вы не чувспвуете цѣны нѣжнаго, добродѣпльнаго сердца; хопипе нравипсья всему свѣпу, гоняешесь за блестящими побѣдами, и бываеше жерпвою суешности своей (*).— Государь мой! вы видипе меня въ

(*) „У мѣспа ли шакая выходка?“ скажетъ крипикъ: „можетъ ли женщина въ такомъ случаѣ проповѣды-

послѣдній разѣ. Обманывайте другихъ женщинѣ, смѣйтесь надъ слабыми; только прошу забыть, оставивъ меня навсегда. Я не обвиняю никого, кромѣ собственной безразсудности моей. Въ свѣтѣ не будетъ вамъ недосадка въ удовольствіяхъ; но я — гнушаюсь вами и всѣми подобными вамъ. Клянусь самой себѣ, что опнынѣ дерзкой пороку не осмѣлился взглянуть мнѣ прямо въ глаза. Дивитесь скорой переменѣ; вѣрьте ей или не вѣрьте: для меня все одно.“ — Сказала, и какъ молнія исчезла.

Князь споялъ подобно неподвижной статуѣ; наконецъ опомнился, засмѣялся — искренно или пришворно, оставивъ безъ рѣшенія — сѣлъ въ карету и поѣхалъ въ спектакль.

Юлія — узнавъ, что Арисъ уѣхалъ изъ Москвы, неизвѣстно кому, валь мораль?“ *Можетъ*, опвѣчаю ему: можетъ, можетъ! а доказательство. . . объявлю послѣ

да, и полько съ однимъ камердинеромъ — сама немедленно оспавила городъ и удалилась въ деревню. „Здѣсь протекутъ дни мои въ безмолвномъ уединеніи,“ сказала она со вздохомъ: „сельской домикъ! я могла, но не умѣла бытъ щасплива въ психихъ спѣнахъ пвоихъ; я вышла изъ себя съ доспойнѣйшимъ, нѣжнѣйшимъ супругомъ: возвращаюсь одна, бѣдною вдовою, но съ сердцемъ, любящимъ добродѣтель. Она будетъ моимъ утѣшеніемъ, моимъ поварищемъ, моею подругою; я буду разсмапривать, буду цѣловать образъ ея въ чертахъ незабвеннаго Ариса!“ — Въ сію минушу слезы ея капали на порпребъ его, кошорой она въ рукахъ держала.

Надобно опдашь справедливостъ вамъ, любезныя женцины: когда вы на чпо нибудь рѣшипесь, не въ минушу легкомыслія, не словомъ, но душою, и съ глубокимъ

чувствомъ истины: твердость ваша бываетъ тогда удивительна— и славнѣйшіе Герои поспоянства, копорыхъ до небесъ возносили Испорія, должны раздѣлить съ вами лавры свои.

Юлія—копорая на тоненькой волосокъ была опъ того, чшобы сдѣлаться новою Аспазією, новою Лансою—Юлія сдѣлалась вдругъ Ангеломъ непорочности. Всѣ суетныя желанія замерли въ ея сердце; она посвятила жизнь свою памяти любезнаго супруга; воображала его стоящаго передъ собою; изливала передъ нимъ свои чувства; говорила: „Ты меня оставилъ; ты имѣлъ право оставить меня; не смѣю желать своего возвращенія.— желаю только спокойствія любезной души твоей; желаю, чшобы ты забылъ супругу свою, если образъ ея мучилъ твое сердце. Будь счастливъ, гдѣ бы ты ни былъ! Со мною милая жизнь твоя; со мною воспо-

минаніе любви пвоей : я не умру сь горести! Хочу жишь, чптобы пы имбл вь свбтв чбжнаго друга. Можепъ бышь, посредспвомъ пайной симпатіи, сердце пвое, не взирая на разлуку, на проспранство, которое насъ раздбляепъ, согрбепся, оживипся моею любовію ; можепъ бышь, погруженному вь пихой сонъ, вбющій зефиръ скажетъ тебб : *Арисъ не одинъ во мірѣ* — опкро ешь милые глаза свои, и вдалекъ, вь пуманб, увидишь гореспную Юлію, копорая слбдуепъ за побою своимъ духомъ, своимъ сердцемъ ; можепъ бышь. . . . ахъ ! я пропивъ воли своей желаю. . . Нбпъ, нбпъ ! хочу обожашъ его безъ всякой надежды!“

Вь душб ея царспвовало пихое уныніе, болбе пріятное, нежели мучительное. Добродбтельныя чувства не совмбспны сь поскою : самыя горькія слезы раскаянія имбютъ вь себб нбчто сладкое. Пре-

красна и заря добродѣтели ; а что иное есть раскаяніе?

Скоро Юлія узнала , что она беременна : новое , сильное чувство , которое потрясло душу ея ! . . . радостное или печальное ? . . . Юлія нѣсколько времени сама не могла разобрать идей своихъ . — „Я буду маперью ? . . . Но кто возьметъ на „руки младенца съ нѣжною улыбкою ? Кто обольетъ его слезами „любви и радости ? Кому скажу я : *„вотъ сынъ нашъ ! вотъ дочь наша !* „Нещасной младенецъ ! ты родишься сиротою , и образъ горести будетъ первымъ предметомъ открывающихся глазъ твоихъ ! . . . „Но . . . такъ угодно Провидѣнію ! „Новая обязанность жить и перестать безъ роптанія ! — Родись , милый младенецъ ! Сердце мое будетъ „тебѣ опцомъ и маперью . Я утѣшусь для тебя и побою ; не оскорблю нѣжной души твоей ни „горестными вздохами , ни мрач-

„нымъ видомъ! Одна любовь ожи-
 „даешъ пебя въ моихъ объятіяхъ,
 „и часъ швоего рожденія обновитъ
 „жизнь мою!“

Юлія хотѣла приготоовитъ себя
 къ священному званію мапери.
 Эмиль — книга единспвенная въ
 своемъ родѣ — не выходилъ изъ
 рукъ ея. — „Я не умѣла бытъ доб-
 „родѣпельною супругою (говорила
 „она со вздохомъ): по крайней мѣ-
 „рѣ буду хорошею маперью, и не-
 „бреженіе *одного* долгу заглажу
 „вѣрнымъ исполненіемъ *другова*!“

Она считала дни и минуны; при-
 спраспилась заранѣ къ милому
 младенцу, еще невидимому; заранѣ
 цѣловала его въ мысляхъ сво-
 ихъ, называла всѣми нѣжными име-
 нами—и всякое его движеніе было
 для нее движеніемъ радости.

Онъ родился — сынъ — прекра-
 снѣйшій младенецъ, соединенный
 образъ опца и мапери. Юлія не чув-
 спвовала болѣзни, не чувспвовала

слабости: имѣ, имѣ только занима-
лась, имѣ дышала; плакала—улыба-
лась, чшобы заставишь его улыб-
нушься—и сердце ея, вкусивъ слад-
кія чувспва мапери, опкрыло въ се-
бѣ новой испочникѣ радостей, чи-
спѣйшихъ, свяпыхъ, неописанныхъ
радостей. Не успавали глаза ея, смо-
пря на младенца; не успавалъ языкѣ
ея, называя его пысячу разѣ *любез-
нымѣ, милымѣ сыномѣ!* Огнемѣ люб-
ви своей согрѣвала она юную душу
его; наблюдала ея начальныя дѣй-
спвія, опѣ первой слезы до первой
его усмѣшки, и вливала въ него,
вѣжными взорами, собспвенную
свою чувспвительность.— Нужно
ли сказывашь, чшо она сама была
кормилицею своего сына?

Юліи казалось, чшо всѣ предметы
вокругѣ ея перемѣнились и сдѣла-
лись ласковѣе. Прежде она не выхо-
дила почти изѣ комнапы своей; оп-
крытое небо, проспранство, необо-
зримыя равнины, пышали въ ея души

горестную идею-одиначества. *Что я въ неизмѣримой области творенія?* спрашивала она у самой себя, и погружалась въ задумчивость. Шумъ рѣки и лѣса увеличивалъ ея меланхолю; веселье лепяющихъ пшичекъ было чуждо ея сердцу. Теперь Юлія спѣшивъ показываеъ маленькаго любимца своего всей Напурѣ. Ей кажется, что солнце свѣтитъ на него свѣтлѣе; что каждое дерево наклоняется обняеъ его; что ручеекъ ласкаеъ его своимъ журчаніемъ; что пшички и бабочки для его забавы порхаюъ и рѣзвятся. *Я мать*, думаетъ она, и смѣлыми шагами идеъ по лугу.

Удовольствія, которыхъ Юлія искала нѣкогда въ свѣтѣ, казались ей теперь ничтожнымъ, обманчивымъ призракомъ въ сравненіи съ существеннымъ, пшпательнымъ наслажденіемъ мапери. Ахъ! она была бы совершенно щаслива, еспли бы мысль о горестномъ Ари-

сѣ не превозжила ея сердца. „Я проливаю радостныя слезы— говорила она самой себѣ—я наслаждаюсь въ то время, когда онѣ въ горестномъ уединеніи скипаются по свѣтлу, упрекая себя любовію къ недоспойной супругѣ! Какой Ангелъ извѣстивъ его о перемѣнѣ моего сердца? Юлія могла бы. . . . такъ, въ присутствіи самого Неба осмѣлюсь сказать, что Юлія могла бы теперь загладишь передъ нимъ вину свою! . . . Но онѣ не знаетъ; онѣ воображаетъ меня въ объятіяхъ— порока; воображаетъ меня мерзвою для всѣхъ чувствъ добродѣтели! . . . Пусть онѣ возвратится хотя на минуточку; хотя для того, чтобы видѣть нашего сына! Пусть онѣ — сказавъ: *ты не достойна иль веселиться* — возьметъ его у меня! Я рада лишиться всѣхъ утѣшеній, чтобы утѣшишь оскорбленнаго супруга моего. . . . рада бышь несчастлива для его благопо-

лучія! А онъ будетъ щасливъ; съ Ангеломъ красопы и невинности забудетъ всѣ печали!“

Между шѣмъ маленькой Эраспъ (*) расцвѣталъ какъ розанъ; онъ могъ уже бѣгать по лугу; могъ говорить Юліи: *люблю тебя, маменька!* могъ ласкать ее съ чувствомъ, и нѣжными рученками опираясь пріятныя слезы, которыя часно капились изъ глазъ ея.

Однажды весною—время, которое всегда напоминало Юліи первую весну замужства ея — она пошла гулять съ маленькимъ своимъ Эраспомъ, сѣла на цвѣтущемъ пригоркѣ близъ дороги и — между шѣмъ, какъ младенецъ рѣзвился и прыгалъ вокругъ ея — сняла съ груди своей порпирецъ Арисовъ и разсмапривала его съ умилениемъ.—Таковъ ли онъ теперь? думала Юлія: „Ахъ нѣтъ! „черпы его конечно перемѣнились.

(*) Имя сына ея.

„Когда живописецъ изображалъ ихъ,
 „онъ сидѣлъ пропивъ меня, смо-
 „прѣлъ на меня съ любовію, былъ
 „веселъ и щасливъ! А теперь. . .
 „теперь“. . . Взоръ Юліи помра-
 чился. Она задумалась, и легкой
 сонъ закрылъ на минушу глаза ея.

Безпокойная душа видѣвъ и меч-
 ты безпокойныя (*): Юліи пред-
 ставилось во снѣ необозримое мо-
 ре, которое шумѣло и пѣнилось
 подъ черными пучами; излучистыя
 молніи сверкали во мракѣ, спраш-
 ныя громаы гремѣли, и ужасъ но-
 сился всюду на крыльяхъ бури.
 Вдругъ показывается корабль, игра-
 лище, жертва волнъ разъяренныхъ
 —исчезаетъ въ пропастяхъ кипя-
 щей влаги, и снова являея, чпо-
 бы навсегда погрузишь въ без-
 днѣ. . . . Злополучные мореплавате-

(*) Ужасной сонъ бываетъ передъ ща-
 стливывмъ событіемъ, говоритъ Гиш-
 панская пословица; я воспользовался
 ею для окончанія моей повѣсти.

ли! . . . Юлія , сидя на кремнистой скалѣ , видипѣ гибель ихѣ , и спрадаепѣ вѣ чувствительномѣ сердцѣ своемѣ . Сильной валѣ несетсѣ кѣ берегу , выбрасываетѣ на песокѣ человекѣ , и удаляетсѣ . Юлія спѣшипѣ кѣ несчастному — хочепѣ оживипѣ его , и узнаепѣ вѣ немѣ Ариса . . . хладнаго , мертваго . Она препенепѣ , пробуждается . . . и видипѣ Ариса на яву : онѣ вѣ еѣ обяпнѣхѣ , и навѣки !

Я знаю слабостѣ пера своего , и для того не скажу болѣе ни слова о сей рѣдкой сценѣ ; ни слова о первыхѣ восклицанѣхѣ , непосредственнo вылетѣвшихѣ изѣ глубины сердца ; ни слова о краснорѣчивомѣ безмолвіи первыхѣ минупѣ ; ни слова о слезахѣ радости и блаженства!.. Чпобы живѣе представипѣ себѣ карпину , чипапелѣ вообразипѣ еще маленькаго Эраспа , копораго Юлія взяла на руки и подала Арису . Младенецѣ , наученный Природою , ла-

скалъ опца своего и смотрѣлъ съ улыбкою на Юлію (*).

Уже при года живупъ они въ деревнѣ, живупъ какъ нѣжнѣйшіе любовники, и свѣтъ для нихъ не сущесвуеупъ. Арисъ не перемѣнился; онъ всегда былъ дѣяпелнымъ мудрецомъ. Но Юлія примѣромъ своимъ доказала, что легкомысліе молодой женщины можеупъ быупъ иногда покрываломъ или завѣсою величайшихъ добродѣтелей.

Нѣжность Арисова такъ далеко проспираеупъ, что онъ не позволяеупъ Юліи описываупъ черными красками прежняго ея въпренаго

(*) Откуда взялся Арисъ? спросяупъ любопытные. Онъ нѣсколько лѣтъ спранствовалъ по чужимъ землямъ. Вѣрный другъ, оставленный имъ въ Москвѣ, увѣдомлялъ его о Юліи. Наконецъ, увѣрившись въ ея добродѣтели, летѣлъ онъ къ обожаемой супругѣ, сказать ей: *я не перестаюль обожать тебя!*

характера. — „Ты рождена бытъ
 „добродѣтельною, говоришь Арисъ:
 „нескромное желаніе нравилъся,
 „плодъ безразсуднаго воспианія и
 „худыхъ примѣровъ, произвело ми-
 „нутныя твои заблужденія. Тебѣ
 „надлежало только одинъ разъ по-
 „чувствовать цѣну истинной любви,
 „цѣну добродѣтели, чтобы испра-
 „виться и возненавидѣть пороки. Ты
 „удивляешься, другъ мой, для чего
 „я молчалъ и не хотѣлъ говорить
 „тебѣ о слѣдствіяхъ вѣтрености
 „твоей: я былъ увѣренъ, что уко-
 „ризы могутъ скорѣе ожесточить
 „сердце, нежели пронуть его чув-
 „ствительность. Нѣжное терпѣ-
 „ніе со стороны мужа есть въ та-
 „комъ случаѣ самое дѣйствитель-
 „нѣйшее средство. Выговоры, упре-
 „ки, заставили бы тебя думать,
 „что я ревнивъ; ты почла бы себя
 „оскорбленною — и сердца наши
 „могли бы навсегда удалиться другъ
 „отъ друга. Слѣдствіе доказало

„справедливость моей системы.
 „Разлука казалась мнѣ послѣднимъ
 „способомъ, который должно бы-
 „ло употребить для своего ис-
 „правленія. Я оставилъ себя на
 „судъ собственнаго своего сердца
 „—признаюсь, не хладнокровно,
 „не безъ мучительной горести —
 „но лучъ надежды пипалъ и не об-
 „манулъ меня! пы моя, совершен-
 „но и навѣки!“

Иногда Юлія вооружается про-
 пивъ женщинъ: Арисъ ихъ защи-
 никъ. „Повѣрь мнѣ, другъ мой, (го-
 воривъ онъ) повѣрь, что порочныя
 женщины бывающъ опъ порочныхъ
 мужчинъ; первыя для того дурны,
 что послѣдніе не споятъ лучшихъ.“

Арисъ и Юлія могутъ не согла-
 шаться въ разныхъ мнѣніяхъ; но
 въ семъ они согласны, что удо-
 вольствіе щасливыхъ супруговъ
 и родителей есть первое изъ всѣхъ
 земныхъ удовольствій.

ДРЕМУЧИЙ ЛѢСЪ.

СКАЗКА ДЛЯ ДѢТЕЙ,

сочиненная въ одинъ день на слѣ-
дующія заданныя слова :

*Балконъ, лѣсъ, шаръ, лошадь, хижина,
лугъ, малиновой кустъ, дубъ, Осси-
анъ, источникъ, гробъ, музыка (*).*

Бьетъ восемь часовъ. Время пить
чай, друзья мои. Любезная хозяйка
ожидаетъ насъ на *балконѣ*.

Вечеръ сумраченъ. Грозныя об-
лака мчатся по синему небу. Тамъ,
на западѣ, образуется черная шу-

(*) Т. е. всѣ сіи слова надлежало помѣ-
стить въ нѣсѣ одно за другимъ,
въ томъ порядкѣ, въ которомъ они
были заданы.

ча. Вѣтеръ воеетъ среди развалинъ нашей древней церкви. Все уныло, все печально!

Вы на меня смотрите, любезные малюпки! . . . Понимаю. Вы хопите, чпобы я, подѣ шумомъ вѣпра, подѣ шѣнію сизыхъ облаковъ, рассказалъ вамъ какую нибудь старинную быль, жалкую или ужасную, и минувшее превратилъ для васъ въ настоящее. Не правда ли?—Хорошо; слушайте.

Взгляните на древній, густой, мрачной лѣсѣ, которой возвышается передъ глазами нашими: какъ спрашенъ видъ его! какія черныя шѣни лежатъ на его кудрявой вершинѣ! Вы слышите глухой шумъ деревъ, попрясаемыхъ вѣтромъ,—и чувствуете хладъ ужаса въ сердцахъ своихъ. Знайте же, что вѣ старину, вѣковъ за десять передъ нашимъ вѣкомъ, этотъ лѣсѣ былъ въ десять разъ обширнѣе, темнѣе, ужаснѣе. Никто не прокла-

дывалъ въ немъ ни дорожки, ни пропинки; дикіе звѣри жили въ его мрачныхъ пустыняхъ, и помный спранникъ въ самый жаркій полдень не смѣлъ искашь прохлады въ густой сѣни его.

Молва, копорая носилась по окрестнымъ деревнямъ, еще болѣе пугала робкихъ людей. Говорили, что въ эпомъ *дремугемъ лѣсу* — (надобно знашь, что ему не было другога имени) — издавна жилъ и царспвовалъ одинъ злой волшебникъ или чародѣй, кумъ и другъ адскаго Велзевула. Часпо, въ глубокую полночь, вылепали опшпуда пламенные *шары*, носились по мрачному воздуху и вдругъ съ прескомъ исчезали. Часпо при свѣтѣ луны, когда поселяне издали смотрѣли на лѣсъ, расхаживало между деревьями какое-то чудовище, на ровнѣ съ высокими соснами, и огненными глазами своими освѣщало все вокругъ себя сажений на спо.

Сверхъ того случалось нѣсколько тысячъ разъ, что молодыя лошади, копорыя, будучи смѣлѣе людей, заходили иногда въ чащу бора, возвращались домой всѣ въ ранахъ, всѣ въ крови; и деревенскіе жипели по естественной Логикѣ заключали, что одинъ злой чародѣй, кумъ Велзевуловъ, могъ искушать ихъ такимъ немилосердымъ образомъ. — Вы согласитесь, друзья мои, что это было нѣ самомъ дѣлѣ очень, очень спрашно.

Не знаю, какъ называлась наша деревня въ то время, о копоромъ говорю я; но знаю, что въ ней жили тогда, подъ кровлею смиренной хижины, доброй старикъ и добрая старушка (мужъ и жена) въ мирѣ и согласіи, по закону Небесному, закону чистой совѣсти; жили щастливо какъ Филоменъ и Бавкида; съ пою розницею, что Фригійскіе супруги не имѣли дѣшей, а у нашихъ былъ сынъ, Ангелъ красопою,

голубь смиреніемъ, и — въ двадцать лѣтъ — спарикъ разумомъ. Зависль находила въ немъ только одинъ порокъ; а именно топлъ, что онъ не любилъ женщинъ, и не думалъ искашь себѣ невѣсты, къ великому огорченію всѣхъ деревенскихъ красавицъ, которыя, имѣя чувствительныя сердца, не могли смотрѣть равнодушно на блондинное лицо, черные глаза, величавую осанку и прямой станъ любезнаго юноши. Тщепно прислушались къ нему отецъ и мать; шепотомъ говорили ему: „обрадуй насъ въ глубокой старости, сынъ безцѣнной, обрадуй насъ своею женитьбою. Ахъ! уже ли никогда милыя внучата не будутъ играть на колѣняхъ нашихъ?“ — „Любезные родители!“ отвѣчалъ онъ сквозь слезы: „не мучьте вашего бѣднаго сына; ради Бога не мучьте его! Я готовъ умереть за васъ; но только не могу жениться безъ сердеч-

ной склонности. Чпо мнѣ дѣлать? Наши красавицы не прельщаютъ меня. Будемъ ждашь суженой невѣсты, любезные родители, и молишься Богу!“— Чпо дѣлать? Добрые спарики вздыхали и молились Богу.

Теперь — слушайте со вниманіемъ! . . . Въ одну ночь, когда доброй спарикѣ, добрая спарушка и доброй сынѣ ихъ наслаждались тихимъ и покойнымъ сномъ, раздался въ хижинѣ гремящій голосъ, и сказалъ— родителямъ: *пошлите сына въ дремутій лѣсъ; тамъ найдеть оубъ свое и ваше благополучіе* — а сыну: *поди въ дремутій лѣсъ; тамъ найдешь свое и родителей твоихъ благополучіе*. Спарики проснулись съ препепомъ; но молодой человекъ открылъ глаза съ улыбкою, и сказалъ опцу и мапери: „Вы слышали Небесный голосъ, голосъ моего Ангела хранипеля; надобно ему повиноваться; надобно ищши въ

дремучій лѣсѣ. — „Иппи вѣ *дремучій лѣсѣ!*“ воскликнули сѣ ужасомъ добрые спарики : „любезной сынѣ! чпо говоришь пы? Тамѣ вѣрная смерть ожидаеѣ тебя. Нѣпѣ, не Ангелѣ хранишель пшвой, а какой нибудѣ злой, адской духѣ, желающій погибели нашей, произнесѣ пакія ужасныя слова.“ Молодой человекѣ не хопѣлѣ перемѣнитѣ своихѣ мыслей, и наконецѣ положено было ждапѣ дальнѣйшихѣ происшествій. — Чпо же? другая ночь наступила, и попѣ же голосѣ раздался вѣ хижинѣ; слова были пѣ же: *поди вѣ дремучій лѣсѣ!* Опяпѣ запрепешели родитѣли, и молодой человекѣ сѣ прежнею улыбкою сказалѣ имѣ : „видите!“ — Трешья ночь наступила : попѣ же голосѣ, пѣ же слова, сѣ прибавленіемѣ : *горе немущимѣ вѣры!* — Тогда опецѣ и мапѣ, не смопря на ужасѣ свой, не смопря на боязливую любовь кѣ милому сыну,

ощушили необходимость повиноваться Небу. Воля Его была явна и несомнительна: какой злой, адской духъ могъ говорить о святой вѣрѣ? Молодой человекъ увѣщевалъ ихъ имѣть полную довѣренность къ темнымъ пупнямъ вышней Премудрости; спарался успокоить ихъ веселымъ видомъ своимъ, и доказывалъ, что *дремучій лѣсъ* можетъ быть спрашенъ для другихъ, а не для него.

Наконецъ родители, заплакавъ горько, согласились разспасться съ любимцемъ души своей. Нѣжная мать оппустила съ нимъ все нужное для дороги, и надѣла ему на шею маленькой образъ, копорымъ благословила ее покойная бабушка, и копорой хранилъ ихъ смиренное жилище не хуже пого, какъ спашуя Минервина хранила нѣкогда великолѣпную Трою. Доброй спарикъ положилъ обѣ руки на голову юношѣ, взглянулъ на небо, и ска-

валъ: Ты будь щитомъ еео!—Они разспались. . . . на разсвѣтѣ дня, самаго прекраснаго изъ весеннихъ. Родилпели спояли неподвижно и глядѣли на своего милаго, копорой, съ посохомъ въ рукѣ, шелъ прямо къ дремучему лѣсу, не зная почно, за какимъ дѣломъ. Уже онъ скрылся отъ глазъ ихъ. . . . но они все смопрѣли; смопрѣли на мрачной борѣ, копорой казался имъ мрачнѣе и грознѣе, нежели когда нибудь.

Но намъ, друзья мои, не должно оснавлять юнаго Героя. Будучи добрѣ и невиненъ въ сердцѣ своемъ, безъ всякаго ужаса приближался онъ къ лѣсу—вступилъ въ него—и (слѣдомъ за бѣленькимъ кроликомъ, копорой передъ нимъ рѣзвился и прыгалъ) вышелъ сквозь густопу деревъ на зеленый лугъ, гдѣ цвѣшпы благоухали, свѣплые ручейки журчали и бѣлыя козы щипали мураву вокругъ прекраснаго сельскаго домика, обсаженнаго ма-

линовыми и смородинными кустами. Но молодой человек забылъ и цветы и ручьи, и бѣлыхъ козъ и сельской домикъ, когда увидѣлъ вдругъ передъ своими глазами. . . „Какое нибудь чудовище?“ думаете вы — „какого нибудь дракона, змѣя, крокодила, или злаго волшебника, въ высокой шапкѣ, верьхомъ на лешучей мыши?“ . . . Нѣтъ, друзья мои! совсѣмъ иное, совсѣмъ другое. Онъ увидѣлъ — юную, прекрасную женщину (въ легкомъ бѣломъ платьѣ, съ золотымъ поясомъ), которая похожа была не на Венеру, но на Ангела непорочнаго. Она приблизилась къ юношѣ, взглянула на него большими, свѣтлыми голубыми глазами, въ коихъ изображалась вмѣстѣ и кротость сердечная и прогашельная горесть, — поклонилась ему, взяла съ важностію за руку, и, не говоря ни слова, повела его къ сельскому домику. Могъ ли онъ цѣловать ее? Могъ ли чего ни-

будь спрашишься, видя ея преле-
 спи и любезность, печать Небес-
 наго благоволенія, зеркало красотъ
 душевныхъ? Уже сердце его нѣжно
 влеклося къ ея сердцу; уже горесть
 ея прогала его душу; уже хопѣль
 онъ спросилъ о причинѣ слезъ, бли-
 спавшихъ на ея ресницахъ. . . . но
 пупъ ` другое явленіе представи-
 лось глазамъ его. Подъ пѣнію древ-
 няго *дуба*, омрачавшаго домикъ сво-
 ими густыми вѣтвями, сидѣлъ
 бѣловласый почтенный спарецъ,
 въ длинной пшаной одеждѣ, каковую
 горные Шопландскіе вѣпры развѣ-
 вали нѣкогда на священныхъ Друи-
 дахъ и Бардахъ, современникахъ
Оссѣановыхъ. Онъ возрѣлъ на юно-
 шу очами помными. . . но въ нихъ
 сіяли еще искры небеснаго огня,
 пламенѣющаго въ сердцѣ мужей ве-
 ликихъ. . . возрѣлъ, и простирая
 къ нему свои объятія, сказалъ пи-
 химъ, но внятнымъ голосомъ: „Не-
 „бо посылаетъ шебя, о добродѣ-

„пелной юноша! въ сію уединен-
 „ную пуспыню, да будешь свидѣ-
 „шелемъ моей смерпи и облада-
 „шелемъ сокровища, копорое до-
 „спойно первѣйшаго изъ царей зем-
 „ныхъ, но копораго не всѣ цари
 „земные доспойны. Приблизься къ
 „моему сердцу, да обниму тебя
 „вмѣстѣ съ сею любезною дочерію,
 „любимицею души моей, копорую
 „благое Провидѣніе назначило тебѣ
 „въ супруги. Она будешь лю-
 „бишь тебя, ты будешь любить
 „ее, и мирное щаспіе увѣнчаешь
 „дни ваши. Знай, сынъ мой — ибо
 „мнѣ дано уже священное право
 „называть тебя симъ именемъ —
 „знай, что я былъ однимъ изъ тѣхъ
 „смерпныхъ, копорымъ Божество
 „благоволишь открывать вѣчную
 „премудрость Свою и тайны чу-
 „десной Природы, да поклоняюся
 „они Его величію въ воспоргѣ
 „душъ своихъ. Здѣсь, удаленный
 „отъ суепы мірской, удаленный

„опѣ злыхъ и развращенныхъ лю-
 „дей, въ безмолвной пипинѣ уеди-
 „ненія, я вникалъ духомъ въ зако-
 „ны Небесные, правящіе вселен-
 „ною. Но и земныя радости весе-
 „лили душу мою. Я наслаждался
 „нѣжнымъ, сердечнымъ союзомъ,
 „безъ коего нѣтъ для смертныхъ
 „истиннаго благополучія; наслаж-
 „дался любовію милой, добродѣ-
 „тельной супруги, копорую ви-
 „дишь пы въ цвѣтущемъ образѣ
 „ея дочери. Но давно уже пресе-
 „лилась она въ обипели небесныя:
 „я спѣшу шамъ соединиться съ нею
 „новымъ союзомъ. Пришелъ часъ
 „мой — чувствую хладную руку
 „смерти — оспрая коса ея свер-
 „каетъ предъ очами моими. Всѣ
 „живущіе подъ солнцемъ должны
 „рано или поздно въ прахъ обра-
 „зиться. Я предвидѣлъ конецъ
 „свой, и только объ участи милой
 „дочери моей сокрушался: невин-
 „ность оставалась сиропю въ ми-

„рѣ. Я молился—излилъ душу свою
 „предъ вѣчною Благоспѣх—и Ми-
 „лосердый услышалъ моленіе чи-
 „стаго сердца: Онъ обѣщаль по-
 „сласть добродѣтельного супруга
 „моей любезной—гласъ Неба воз-
 „вѣспилъ мнѣ время, въ которое
 „надлежало тебѣ явиться въ нашей
 „пустынѣ. Сіе мирное уединеніе
 „должно бытъ вѣвѣки твоимъ оби-
 „телищемъ; здѣсь будешь имѣть
 „все нужное для умѣренной, покой-
 „ной жизни. Приведи сюда роди-
 „телей твоихъ; пусть нѣкогда и
 „они лежатъ въ землѣ подлѣ суп-
 „руги моей, вмѣстѣ со мною, на
 „берегу свѣтлаго *источника*, въ
 „тѣни сего древняго дуба, гдѣ я
 „такъ часто углублялся въ свя-
 „щенныя размышленія! . . . Прови-
 „дѣнію не угодно включилъ тебя
 „въ число мудрецовъ земныхъ; но
 „Оно включаетъ тебя въ число
 „добрыхъ—сего довольна—не жа-
 „луйся на судьбу свою. Ты не по-

„чувствувашь никогда тѣхъ неизъ-
 „яснимыхъ горестей и внутрен-
 „нихъ перзаний, копорыя, по за-
 „кону Всевышняго, бывають здѣсь
 „долею многовѣдѣнія... Грядущее
 „опровергается предъ моимъ взо-
 „ромъ... Зрю времена ужаса и
 „спраха, зрю вѣки гибели и кляп-
 „вы, среди просвѣщенія и величай-
 „шихъ успѣховъ разума человѣче-
 „скаго. Еще далеки времена сіи;
 „но они приидуть. Блѣдная злоба,
 „вооруженная смерпоноснымъ кин-
 „жаломъ, будетъ свирѣпствовавать
 „на земномъ шарѣ и разить сла-
 „быхъ; рѣки потекутъ кровію, и
 „спенанія несчастныхъ заглушатъ
 „бурю. Добрые и праведные осып-
 „лютъ пепломъ главы свои, за-
 „кроютъ лица, и облются горьки-
 „ми слезами... Но и тогда най-
 „дуться еще пихія убѣжища для
 „миролюбивой добродѣтели. Такимъ
 „образомъ *одно чувствительное се-*
 „*мейство, общество нѣжнѣйшихъ*

„друзей, удалясь отъ шумнаго мі-
 „ра, поселится нѣкогда близь сего
 „дремутаго лѣса (*), котораго ночь
 „озарится со временемъ лугами
 „свѣта; здѣсь, не взирая на всемір-
 „ный мятежъ, насладится оно лю-
 „бовію и святою дружбою.... Гла-
 „за мои темнѣютъ; слова зѣмира-
 „ютъ на устахъ моихъ... Проспи-
 „те. Богъ не оставитъ васъ, ми-
 „лая дѣви. Обнимите меня....
 „хладѣющее сердце мое чувсп-
 „вуетъ еще теплому вашему....
 „Проспитте.... умираю.“—И свя-
 „тый мужъ скончался, подобно какъ
 „пихій свѣтъ зари вечерней уми-
 „раетъ подъ мантіею ночи.

Не буду говорить вамъ о сле-
 захъ нѣжной дочери, которая вмѣ-
 стѣ со слезами добраго юноши
 лилась на хладное плѣо спарца; но
 души не было въ семъ плѣбъ, и

(*) Тамъ жилъ Авторъ въ семействѣ
 друзей своихъ.

земля прѣбовала его въ нѣдра свои. Смертные ошатки безсмертнаго мужа, сообразно съ его волею, погреблись на берегу свѣтлаго испочника, въ пѣни древняго дуба, подлѣ *гроба* его супруги. Преданіе говоритъ, что въ самую ту минушу раздалася въ лѣсу небесная *музыка*, и что ея гармоническіе звуки тихо исчезли въ вышнихъ пространствахъ воздуха.

Трогательныя и поржеспвенныя слова умирающаго отца; его нѣжные взоры, обращаемые по на милую дочь, по на добраго юношу; имя *любезныхъ дѣтей*, копорымъ онѣ называлъ ихъ вмѣстѣ, съ любовію прижимая ихъ другъ ко другу въ своихъ хладѣющихъ объятіяхъ; наконецъ послѣдній взоръ его, копорой, такъ сказапъ, между ими дѣлился, и гореспный, священный обрядъ погребенія, сливапшій въ одно ихъ чувства—все пипало, все умножало взаимную спраспъ двухъ

юныхъ сердець, одно для другаго сотворенныхъ.

Уже сѣниспый вечеръ готовъ былъ спуститься на землю, когда Герой нашъ, ведя за руку любезную свою, явился глазамъ добрыхъ спариковъ (*); распавшись съ нимъ, они не хотѣли войти въ хижину, спояли у воропъ, и ждали безпре-
спанно его возвращенія. „Любез-
ные родители! вопъ мое, вопъ
„ваше благополучіе! вопъ оно!“ . . .
Онъ рассказалъ имъ все.

Вы легко можете представить себѣ ихъ удивленіе, ихъ радость. Плакали, обнимались, говорили, и не слышали словъ своихъ. — Но — подивитесь странной привязанности людей къ наследственному крову, даже къ самому низкому и бѣдному! — имъ не хотѣлось промѣнять хижины своей на прекра-

(*) Надобно думать, что бѣлой кроликъ былъ опять его пушеводителемъ.

сной домикъ *дремутаго лѣса*. Одно чудо могло ихъ къ тому принудить: вдругъ откуда ни взялся вѣтеръ, сорвалъ хижину и унесъ изъ виду, такъ что ни малѣйшаго слѣда ея на землѣ не осталось. Дѣлать было нечего; спарики вздохнули, выронили капли двѣ слезъ, и пошли, куда Небесная воля призывала ихъ, и гдѣ они лучше могли наслаждаться оспанкомъ дней своихъ.

Что принадлежишь до юныхъ любовниковъ, но блаженство ихъ было совершенно; оно скончалось только вмѣстѣ съ ихъ жизнью, и еще сіяло въ мірѣ какъ заря вечерняя—сіяло въ благополучіи многочисленнаго ихъ потомства.

Здѣсь заключается исторія *дремутаго лѣса*.

„А злой волшебникъ, а пламенные шары, которые вылепали изъ

лѣсу; а страшное чудовище, которое расхаживало наравнѣ съ соснами; а огненные глаза его, которые саженой на сто все вокругѣ освѣщали; а молодые лошади, которыя возвращались домой всѣ въ ранахъ, всѣ въ крови?“—Вы пребудете изъясненія, друзья мои! Знайте же, что слухъ о зломъ волшебникѣ принадлежалъ къ числу нелѣпыхъ басенъ, до которыхъ издавна охотники добрые люди; что пламенные шары сосставлялись изъ обыкновенныхъ воздушныхъ огней; что ужасное чудовище существовало только въ воображеніи робкихъ поселянъ, а свѣтлые глаза его были ничто иное, какъ маленькіе червячки, которыя въ лѣпнія ночи блестятъ на травѣ и на деревьяхъ; что молодыхъ лошадей кусалъ въ бору не кумъ Велзевуловъ, а сильной оводъ.

НАТАЛЬЯ,
БОЯРСКАЯ ДОЧЬ.

Кто изъ насъ не любитъ тѣхъ временъ, когда Рускіе были Рускими; когда они въ собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своимъ языкомъ и по своему сердцу, то ешь говорили такъ, какъ думали? По крайней мѣрѣ я люблю сіи времена; люблю на быспрыхъ крыльяхъ воображенія лепшась въ ихъ опдаленную мрачность, подѣ сѣнію давно-исплѣвшихъ вязовъ искашь брадапыхъ моихъ предковъ, бесѣдовать съ ними о приключеніяхъ древности, о характерѣ славнаго народа Рускаго

и съ нѣжностію цѣловать ручки у моихъ прабабушекъ, копорыя не могуць насмотрѣться на своего почиппельнаго правнука, не могуць наговориться со мною (ибо женщины, а особливо спарыя, во всякія времена бывали говорливы) и не могуць надивиться моему разуму, попому что я, рассуждая съ ними о спарыхъ и новыхъ модахъ, всегда отдаю преимущество ихъ подкапкамъ и шубейкамъ передъ нынѣшними *bonnets à la...* и всѣми Галло-Албіонскими нарядами, блиспающими на Московскихъ красавицахъ въ концѣ осьмагонадесять вѣка. Такимъ образомъ (конечно понятнымъ для всѣхъ чипапелей) спарая Русь извѣстна мнѣ болѣе, нежели многимъ изъ моихъ согражданъ; и еспли угрюмая Парка еще нѣсколько лѣтъ не перерѣжетъ жизненной моей нити, то наконецъ не найду я и мѣста въ головѣ своей для всѣхъ анекдотовъ и повѣ-

спей, рассказываемыхъ мнѣ живыми прошедшихъ сполѣтій. Чпобы облегчить не много грузъ моей памяти, намѣренъ я сообщить любезнымъ чипапелямъ одну былъ или испорію, слышанную мною въ области пѣней, въ царствѣ воображенія, отъ бабушки моего дѣдушки, копорая въ свое время почипалась весьма краснорѣчивою, и почти всякой вечеръ сказывала сказки Царицѣ М. Н. Только спрашусь обезобразить повѣсть ея; боюсь, чпобы спарушка не примчалась на облакъ съ пого свѣта и не наказала меня клюкою своею за худое риперспиво. . . Ахъ нѣтъ! проспипи безразсудность мою, великодушная пѣнь — пипи неудобна къ пипакому дѣлу! Въ самой земной жизни своей была пипи смирна и незлобна какъ юная овечка; рука пипоя не умерпвила здѣсь ни комара, ни мушки, и бабочка всегда покойно опдыхала на носу пипоемъ: и шакъ возможно

ли, чптобы теперь , когда ты плаваешь въ морѣ неописаннаго блаженства , и дышишь чиспѣйшимъ ээиромъ неба — возможно ли, чптобы рука пвоя поднялась на пвоего покорнаго праправнука? Нѣпѣ! ты дозволишь ему безпрепятствено упражняться въ похвальномъ ремеслѣ марапъ бумагу , взводишь не былицы на живыхъ и мерпвыхъ , испытываешь терпѣніе своихъ чипапелей, и наконецъ, подобно вѣчно-зѣвающему богу Морфею , низвергаешь ихъ — на мягкіе диваны и погружаешь въ глубокой сонъ. . . . Ахъ! въ самую сію минупу я вижу необыкновенной свѣпѣ въ пемномъ моемъ коридорѣ ; вижу огненные круги , копорые вершались съ блескомъ и съ прескомъ , и наконецъ — о чудо ! — являющъ мнѣ пвой образъ , образъ неописанной красоты, неописаннаго величества! Очи пвои сіяющъ какъ солнца ; уста пвои албющъ какъ заря упренная,

VI.

15

какъ вершины снѣжныхъ горъ при восходѣ дневнаго свѣтила — пы улыбаешься, какъ юное швореніе въ первый день бытія своего улыбалось — и въ восторгѣ слышу я *сладо-гремящія* слова швои: „продолжай, любезной мой праправнукъ!“ Такъ, я буду продолжашь, буду; и вооружась перомъ моимъ, мужеспвенно начершаю испорію *Маталви, боярской дочери*, испорію, копорую, какъ выше сказано, слышалъ я отъ тебя въ царствѣ шѣней. — Но прежде должно мнѣ отдохнушь; восторгъ, въ копорой привело меня явленіе пра-прабабушки, упомилъ душевныя мои силы. На нѣсколько минушь кладу перо — и сіи написанныя спроки да будушь вспупленіемъ или предисловіемъ!

Въ престольномъ градѣ славнаго Рускаго царства, въ Москвѣ бѣлокаменной, жилъ Бояринъ Матвѣй

Андреевъ, человекъ богатой, умной, вѣрной слуга Царской, и, по обычаю Рускихъ, великой хлѣбосоль. Онъ владѣлъ многими помѣстьями, и былъ не обидчикомъ, а покровителемъ и заступникомъ своихъ бѣдныхъ сосѣдей,—чему въ наши просвѣщенные времена можетъ быть не всякой повѣришь, но что въ старину совсѣмъ не почисалось рѣдкостію. Царь называлъ его правымъ глазомъ своимъ, и правой глазъ никогда Царя не обманывалъ. Когда ему надлежало разбирать какую нибудь важную пѣсьбу, онъ призывалъ къ себѣ въ помощь Боярина Машвѣя, и Бояринъ Машвѣй, кладя чистую руку на чистое сердце, говорилъ: *сей правъ* (не по какому-то указу, состоявшемуся въ такомъ-то году, но) *по моей совѣсти; сей виноватъ по моей совѣсти*—и совѣсть его была всегда согласна съ правдою и съ совѣстію Царскою. Дѣло рѣшилось безъ замедленія:

правой подымалъ на небо слезящее око благодарности, указывая рукою на добраго Государя и добраго Боярина; а виноватой бѣжалъ въ густые лѣса, сокрывъ спыдъ свой опъ челоуѣковъ.

Еще не можемъ мы умолчать объ одномъ похвальномъ обыкновении Боярина Матвѣя, обыкновеніи, которое доспойно подражанія во всякомъ вѣкѣ и во всякомъ царствѣ; а именно, каждой дванадесяшой праздниѣ поспавлялись длинныя сполы въ его горницахъ, чиспыми скапершми накрышые, и Бояринъ, сѣдя на лавкѣ подлѣ высокихъ воропъ своихъ, звалъ къ себѣ обѣдать всѣхъ мимоходящихъ бѣдныхъ (*) людей, сколько ихъ могло помѣспиться въ жилищѣ боярскомъ; по помѣ, собравъ полное число, возвращался въ домъ, и указавъ мѣспо

(*) Въ истинѣ сего увѣрлялъ меня не одинъ старой челоуѣкъ.

каждому гостю, садился самъ между ими. Тупѣ въ одну минушу являлись на споллахъ полныя чаши и блюда, и ароматической парѣ горячаго кушанья какъ бѣлое понкое облако вился надъ головами обѣдающихъ. Между шѣмъ хозяинъ ласково бесѣдовалъ съ гостями, узнавалъ ихъ нужды, подавалъ имъ хорошіе совѣты, предлагалъ свои услуги, и наконецъ веселился съ ними какъ съ друзьями. Такъ въ древнія Папріархальныя времена, когда вѣкъ человѣческой былъ не споль крапокъ, почпенными сѣдинами украшенный спарецъ насыщался земными благами со многочисленнымъ своимъ семействомъ—смопрѣлъ вокругъ себя, и видя на всякомъ лицѣ, во всякомъ взорѣ живое изображеніе любви и радости, восхищался въ душѣ своей.—Послѣ обѣда всѣ неимуціе братья, наполнивъ виномъ свои чарки, восклицали въ одинъ голосъ: *Доброй,*

Доброй бояринъ и отецъ нашъ! мы пьемъ за твое здоровье! Сколько капель въ нашихъ таркахъ, столько лѣтъ живи благополучно! Они пили, и благодарныя слезы ихъ капали на бѣлую скаперть.

Таковъ былъ Бояринъ Матвѣй, вѣрной слуга Царской, вѣрной другъ человѣчества. Уже минуло ему шестидесятъ лѣтъ; уже кровь медленнѣе обращалась въ жилахъ его; уже тихое препепаніе сердца возбуждало наступленіе жизненнаго вечера и приближеніе ночи—но доброду ли бояться сего густаго, непроницаемаго мрака, въ кошоромъ теряющія дни человѣческіе? Ему ли спрашиваться сего тѣнистаго пупи, когда съ нимъ доброе сердце его, когда съ нимъ добрыя дѣла его? Онъ идетъ впередъ безпрепепно, наслаждается послѣдними лучами заходящаго свѣтила, обращаетъ покойной взоръ на прошедшее, и съ радостнымъ—хотя

темнымъ, но не менѣе того радоспнымъ предчувспвіемъ заносипъ ногу въ оную неизвѣспность. — Любовь народная, милоспъ Царская были наградою добродѣпелей спараго Боярина ; но вънцемъ его щаспїя и радоспей была любезная Напалья, единспвенная дочь его. Уже давно оплакалъ онъ мапъ ея, копорая заснула въчнымъ сномъ въ его объспїяхъ; но кипарисы супружеской любви покрылись цвѣспами любви родипельской—въ юной Напальѣ увидѣлъ онъ новой образъ умершей, и, вмѣспо горькихъ слезъ печали, возсіяли въ глазахъ его сладкія слезы нѣжності. Много цвѣсповъ въ полѣ, въ рощахъ и на лугахъ зеленыхъ; но нѣспъ подобнаго розѣ; роза всѣхъ прекраснѣе: много было красавицъ въ Москвѣ бѣлокаменной, ибо царспво Руское искони почипалось жилищемъ красосы и прїятноспей; но никакая красавица не могла сравняпъся съ

Напальею — Напалья была всѣхъ прелестнѣе. Пусть чипапелъ вообразитъ себѣ бѣлизну Италіанскаго мрамора и Кавказскаго снѣга: онѣ все еще не вообразитъ бѣлизны лица ея — и предсавя себѣ цвѣтъ Зефировой любовницы, все еще не будетъ имѣть совершеннаго понятія объ алоспи щекъ Напальиныхъ. Я боюсь продолжатъ сравненіе, чпобы не наскучитъ чипапелю повпореніемъ извѣснаго; ибо въ наше роскозное время весьма испоцился магазинъ пищическихъ уподобленій красоты, и не одинѣ писапелъ съ досады кусаетъ перо свое, ища и не находя новыхъ. Довольно знашь и того, чпо самые богомольные спарики, видя Боярскую дочь у обѣдни, забывали класъ земные поклоны, и самыя приспраспныя мапери опдавали ей преимущество передъ своими дочерями. Сокрапъ говорилъ, чпо красота пѣлесная бываетъ всегда

изображеніемъ душевной. Намъ должно повѣришь Сократу, ибо онъ былъ впервыхъ искуснымъ ваяпелемъ, (слѣдственно зналъ принадлежності красоты шѣлесной) а во впорыхъ мудрецомъ или любипелемъ мудрости (слѣдственно зналъ хорошо красоту душевную). По крайней мѣрѣ наша прелеспная Напалья имѣла прелеспную душу, была нѣжна какъ горлица, невинна какъ агнецъ, мила какъ Май мѣсяцъ; однимъ словомъ, имѣла всѣ свойства благовоспипанной дѣвушки, хопя Рускіе не читали погда ни Локка о *воспитаніи*, ни Руссова *Эмиля*—впервыхъ для того, что сихъ Авпоровъ еще и на свѣтѣ не было, а вовпорыхъ и по тому, что худо знали грамошъ — не читали и воспитывали дѣшей своихъ, какъ Напура воспитываетъ правки и цвѣпочки, по ешь, поили и кормили ихъ, оставляя все прочее на произволь Судьбы; но сія Судьба

была къ нимъ милоспива , и за до-
вѣренность , копорую имѣли они
къ ея всемогущеспву , награждала
ихъ почпи всегда добрыми дѣшьями,
ушѣшеніемъ и подпорою ихъ спа-
рыхъ дней.

Одинъ великой Психологъ , ко-
пораго имени я право не упомню,
сказалъ , что описаніе дневныхъ
упражненій человека еспъ вѣрнѣй-
шая характеристиксика его сердца.
По крайней мѣрѣ я такъ думаю , и
сѣ позволенія моихъ любезныхъ чи-
тапелей опишу , какъ Напалья, Бо-
ярская дочь , проводила время свое
опѣ восхода до закапа краснаго
солнца. Лишь полько первые лучи
сего великолѣпнаго свѣшила пока-
зывались изъ-за ушпеняго облака,
изливая на пихую землю жидкое ,
неосязаемое золопо: красавица наша
пробуждалась , опкрывала черные
глаза свои , и перекрестившись бѣ-
лою апласною , до нѣжнаго локпя
обнаженною рукою , вспавала , надѣ-

вала на себя шонкое шелковое плашье, камчатную пѣлогрѣю, и сѣ распущенными темнорусыми волосами подходила кѣ круглому окну високаго своего перема, чшобы взглянушь на прекрасную картину оживляемой Напуры — взглянушь на злопоглавую Москву, сѣ копорой лучезарной день снималѣ шуманный покровѣ ночи, и копорая, подобно какой нибудѣ огромной пшицѣ, пробужденной гласомѣ ушра, вѣ вѣянїи вѣшперка спряхивала сѣ себя блестящую росу — взглянушь на Московскїя окреспности, на мрачную, гуспую, необозримую Марьину роцу, копорая какѣ сизый, кудрявый дымѣ перялась опѣ глазѣ вѣ неизмѣримомѣ опдаленїи, и гдѣ жили погда всѣ дикїе звѣри сѣвера; гдѣ спрашной ревѣ ихѣ заглушалѣ мелодїи пшицѣ поющихѣ. Сѣ другой спороны являлись Напальину взору сверкающїе изгибы Москвы рѣки, цвѣшущїя поля и ды-

мящіяся деревни, опкуда сѣ веселыми пѣснями выбѣжали прудолюбивые поселяне на работы свои — поселяне, копорые и по сіе время ни вѣ чемѣ не перемѣнились, пакѣ же одѣваюшся, пакѣ живущѣ и работающѣ, пакѣ прежде жили и работали, и среди всѣхѣ измѣненій и личинѣ представляющѣ намѣ еще истинную Рускую фізіономію. Напалья смопрѣла, опершись на окно, и чувствовала вѣ сердцѣ своемѣ шихую радость; не умѣла краснорѣчиво хвалишѣ Напуры, но умѣла ею наслаждашся; молчала и думала: *какѣ хороша Москва бѣлокаменная! какѣ хороши ея окружности!* Но шого не думала Напалья, чшо сама она вѣ упреннемѣ своемѣ нарядѣ была всего прекраснѣе. Юная кровь, разгоряченная ночными сновидѣніями, красила нѣжныя щеки ея албйшимѣ румянцемѣ; солнечные лучи играли на бѣломѣ ея лицѣ, и проницая сквозь черныя, пу-

шишныя ресницы, сіяли въ глазахъ ея свѣплѣ, нежели на золотѣ. Волосы, какъ темно-кофейной бархатѣ, лежали на плечахъ и на бѣлой, полу-опкрытой груди; но скоро прелесная скромность, стыдясь самаго солнца, самаго вѣперка, самыхъ нѣмыхъ стѣнъ, закрывала ее пологномъ понкимъ. По помѣ будила она свою няню, вѣрную служанку ея покойной мапери. *Вставай, мама!* говорила Напалья: *скоро благовѣстятъ къ обѣднѣ.* Мама вспавала, одѣвалась, называла свою барышню раннею ппичкою, умывала ее ключевою водою, чесала ея длинные волосы бѣлымъ коспянымъ гребнемъ, заплепала ихъ въ косу, и украшала голову нашей прелесницы жемчужною повязкою. Такимъ образомъ снарядившись, дожидались оцѣ благовѣспа, и заперевъ замкомъ свѣплицу свою, (чшобы въ опсупсвие ихъ не закрался въ нее какой нибудь недоброй человѣкъ) оп-

правлялись къ обѣднѣ. „Всякой
 день?“ спросилъ чипапель. Конечно —
 шаковъ былъ въ старину обы-
 чай — и развѣ зимою одна жестко-
 ная вьюга, а лѣпомъ проливной
 дождь съ грозою могли погда удер-
 жапъ красную дѣвицу отъ испол-
 ненія сей набожной должности. Спа-
 новясь всегда въ уголкѣ прапезы,
 Напалья молилась Богу съ усерді-
 емъ, и между шѣмъ изъ подлобья
 посмапривала на право и на лѣво.
 Въ старину не было ни клобовъ,
 ни маскарадовъ, куда нынѣ бѣздяпъ
 себя казапъ и другихъ смѣрпъ :
 и шакъ гдѣ же, какъ не въ церкви
 могла погда любопытная дѣвушка
 поглядѣпъ на людей? Послѣ обѣдни
 Напалья раздавала всегда нѣсколь-
 ко копѣекъ бѣднымъ людямъ, и при-
 ходила къ своему родителю, съ
 нѣжною любовію поцѣловапъ его
 руку. Старецъ всегда плакалъ отъ
 радости, видя, что дочь его день
 ото дня спановилась лучше и ми-

лѣе, и не зналъ, какъ благодарить Бога за такой неоцѣненной даръ, за такое сокровище. Напалья садилась подлѣ него, или шипъ въ пальцахъ, или плесни кружево, или сучить шелкъ, или низать ожерелье. Нѣжной родитель хопѣлъ смотрѣть на работу ея, но вмѣсто того смотрѣлъ на нее самое, и наслаждался безмолвнымъ умилениемъ. Чипапелъ! знаешь ли ты по собственному опыту родительскія чувства? Если нѣтъ, то вспомни по крайней мѣрѣ, какъ любовались глаза твои песпрою гвоздичкою или бѣленькимъ ясиномъ, побою посаженнымъ; съ какимъ удовольствіемъ разсмапривалъ ты ихъ краски и пѣни, и сколь радовался мыслию: *это мой цѣтокъ; я посадилъ его и выростилъ!* вспомни, и знай, что опцу еще веселѣе смотрѣть на милую дочь, и веселѣе думать: *она моя!*—Послѣ Рускаго сышнаго обѣда Бояринъ Матвѣй

ложился опдыхаць, а дочь свою съ ея мамою оппускалъ гуляць или въ садъ, или на большой зеленой лугъ, гдѣ нынѣ возвышаются *красныя ворота* съ прубящею Славою. Напалья рвала цвѣтны, любовалась лепающими бабочками, пипалась благоуханіемъ травъ, возвращалась домой весела и покойна, и принималась снова за рукодѣлье. Наспупалъ вечеръ — новое гулянье, новое удовольствіе; иногда же юныя подруги приходили дѣлать съ нею часы прохлады, и разговариваць о всякой всячинѣ. Самъ доброй Бояринъ Машвѣй бывалъ ихъ собесѣдникомъ, есъли государственныя или нужныя домашнія дѣла не занимали его времени. Съдая борода его не пугала молодыхъ красавиць; онъ умѣлъ забавляць ихъ пріятнымъ образомъ, и рассказывалъ имъ приключенія благочестиваго Князя Владиміра и могучихъ богатырей Россійскихъ.

Зимою, когда не лъзя было гуляшь ни въ саду ни въ полѣ, Напалья кашалась въ саняхъ по городу, и бѣдила по вечеринкамъ, на копорыя собирались однѣ дѣвушки, пѣвшипсья и веселипсья и невиннымъ образомъ сокращапъ время. Тамъ мамы и няни выдумывали для своихъ барышенъ разныя забавы; играли въ жмурки, пряпались, хоронили золопо, пѣли пѣсни, рѣзвились не нарушая благоприспойности, и смѣялись безъ насмѣшекъ, шакъ чпо скромная и цѣломудренная Дриада могла бы всегда присушствовати на сихъ вечеринкахъ. Глубокая полночь разлучала дѣвушекъ, и прелестная Напалья въ объятіяхъ мрака наслаждалась покойнымъ сномъ, копорымъ всегда юная невинность наслаждается.

Такъ жила Боярская дочь, и семнадцатая весна жизни ея наспушила; справка зазеленѣлась, цвѣтпы расцвѣли въ полѣ, жаворонки за-

пѣли—и Напалья, сидя поушру въ свѣшлицѣ своей подѣ окномѣ, смопрѣла въ садѣ, гдѣ съ кусточка на кусточекѣ порхали ппички, и нѣжно лобызаясь своими маленькими носиками, прыпались въ густопу листьевѣ. Красавица въ первой разѣ замѣшила, что онѣ летали парами—сидѣли парами, и скрывались парами. Сердце ея какъ будто бы вздрогнуло—какъ будто бы какой нибудь чародѣй допронулся до негѣ волшебнымъ жезломъ своимъ! Она вздохнула—вздохнула въ другой и въ третій разѣ—посмопрѣла вкругѣ себя—увидѣла, что съ нею никого не было, никого, кромѣ спарой няни (которая дремала въ углу горницы на красномъ весеннемъ солнышкѣ)—опячь вздохнула, и вдругѣ бриллиантовая слеза сверкнула въ правомъ глазѣ ея, — попомѣ и въ лѣвомъ—и обѣ выкапились—одна капнула на грудь, а другая ошановилась на румяной

щекѣ, въ маленькой нѣжной ямкѣ, копорая у милыхъ дѣвущекъ бываеѣтъ знакомъ пого, чпо Купидонѣ цѣловалѣ ихѣ при рожденіи. Напалья подгорюнилась—чувспвова- ла нѣкопорую груспѣ, нѣкопорую помноспѣ въ душѣ своей; все ка- залось ей не шакѣ, все неловко; она вспала и опяѣтъ сѣла — наконецѣ, разбудивѣ свою маму, сказала ей, чпо сердце у нее поскуеѣтъ. Спарушка начала креспипѣ милую свою барышню, и сѣ нѣкопорыми *набож- ными оговорками* (*) бранипѣ пого человекѣ, копорой взглянулѣ на пре- красную Напалью не чиспымѣ гла- зомѣ, или похвалилѣ ея прелеспи не чиспымѣ языкомѣ, не опѣ чи- спаго сердца, не въ доброй часѣ; ибо спарушка была увѣрена, чпо ее сглазили, и чпо. внупренняя поска ея происходипѣ не опѣ чего дру-

(*) На прим. *прости Гослоди*, и прочее пому подобное, чпо можно еще слы- шашѣ и опѣ нынѣшнихѣ нянюшекѣ.

гова. Ахъ добрая спарушка! хопя шы и долго жила на свѣшѣ, однакожь многова не знала; не знала, чпо и какъ въ нѣкопорыя лѣта начинается у нѣжныхъ дочерей боярскихъ; не знала - - - Но можетъ бытъ и чипапели (если до сей минушы они все еще держатъ въ рукахъ книгу и не засыпаютъ) — можетъ бытъ и чипапели не знаютъ, чпо за бѣда случилась вдругъ съ нашею Героинею; чего она искала глазами въ горницѣ, отъ чего вздыхала, плакала, грустила. Извѣстно, чпо до сего времени веселилась она какъ вольная ппашка; чпо жизнь ея шекла, какъ прозрачной ручеекъ спремился по бѣленькимъ камешкамъ между злчныхъ, цѣшущихъ бережковъ: чпо жь сдѣлалось съ нею? Скромная Муза, повѣдай! - - - Съ небснаго лазореваго свода, а можетъ бытъ откуда нибудь и повыше, слѣбла какъ маленькая ппичка Колибри, порхала,

порхала по чиспому, весеннему воздуху, и влешбла вб Напальино нбжное сердце — *потребность любить, любить, любить!!!* Вопб вся загадка; вопб причина Красициной груспи — и еспли она покажется кому нибудь изб чипапелей не совсбмб поняпноу, по пуспб пребуешб онб подробнбйшаго извясненія опб любезнбйшей ему осьмнадцапилбпней дбвушки.

Сб сего времени Напалья во многомб перембнилась — спала не пакб жива, не пакб рбзва — иногда задумывалась, — и хопя по прежнему гуляла вб саду й вб полб, хопя по прежнему проводила вечера сб подругами, но не находила ни вб чемб прежняго удовольспвія. Такб челобкб, вышедшій изб лбшб дбшспва, видипб игрушки, которыя соспавляли забаву его младенчеспва, — берется за нихб, хочепб играшб; но чувспвуя, чпо онб уже не веселяшб его,

оставляеѣ ихъ со вздохомъ. — Красавица наша не умѣла самой себѣ даѣь опчета въ своихъ новыхъ, смѣшенныхъ, шемныхъ чувспавахъ. Воображеніе предспаляло ей чудеса. На примѣрѣ, часпо казалось ей, (не только во снѣ, но даде и наяву) что передъ нею, въ мерцаніи опдаленной зари, носипся какой-то образъ, прелеспной, милой призракъ, копорой маниѣь ее къ себѣ Ангельскою улыбкою, и по помѣ исчезаеѣ въ воздухъ. *Ахъ!* восклицала Напалья, и проспепрыя руки ея медленно опускались къ землѣ. Иногда же воспалиннымъ мыслямъ ея предспалялся огромной храмъ, въ копорой пысячи людей, мушинъ и женщинъ, спѣшили съ радоспными лицами, держа другъ друга за руку. Напалья хотѣла пакже войти въ него; но невидимая рука удерживала ее за одежду, и неизвѣспный голосъ говорилъ ей: *стой въ притворѣ храма; никто безъ*

милаго друга не входитъ въ его внутренность. — Она не понимала сердечныхъ своихъ движеній; не знала, какъ полковапъ сны свои; не разумѣла, чего желала; но живо чувствовала какой-то недостапокъ въ душѣ своей, и помилась. — Такъ, красавицы! ваша жизнь съ нѣкопрыхъ лѣпъ не можетъ быть щаслива, еспли печепъ она какъ уединенная рѣка въ пуспынѣ; а безъ милаго паспушка цѣлой свѣпъ для васъ пуспыня, и веселые голоса подругъ, веселые голоса ппичекъ кажутся вамъ печальными опзывами уединенной скуки. Напрасно, обманывая самихъ себя, хопите вы пуспопу души своей наполнишь чувствами дѣви-ческой дружбы; напрасно избираете лучшую изъ подругъ своихъ въ предметъ нѣжныхъ побужденій вашего сердца! Нѣпъ, красавицы, нѣпъ! сердце ваше желаетъ чего-то другога: оно хочетъ лакого

сердца, которое не приближалось бы к нему без сильного препятствия; которое вместе с ним составляло бы одно чувство, необходимое, страстное, пламенное — а где найти его, где? Конечно не в Дафне, конечно не в Хлое, которые вместе с вами могут только горевать, тайно или явно — горевать и крушиться, желая и не находя того, чего вы сами ищете и не находите в холодной дружбе, но что найдете — или в пропивном случае вся жизнь ваша будет без покойным, тяжёлым сном — найдете в тени миршовой беседки, где сидит теперь в унынии, в поскв милой юноша с светлыми голубыми глазами, и в печальных пьесах жалуется на вашу наружную жестокость. — Любезной читатель! проси меня о снижении! Не один Сперн был рабом пера своего. — Обращимся снова к нашей повести.

Бабушка моего дѣдушки съ великимъ краснорѣчіемъ описывала грусть нѣжной боярской дочери, можетъ быть опъ того, что она знала ее по собственному своему опыту; но я, покорной ея праправнукъ, весьма ослабилъ копію сего описанія. Гувспвукъ—но пособишь не чѣмъ—и такъ далѣе!

Бояринъ Магвѣй скоро примѣтилъ, что Напалья спала пасмурнѣе; родительское сердце его попревожилось. Онъ спрашивалъ ее съ нѣжной заботливостію о причинѣ такой переменны, и наконецъ заключивъ, что дочь его не можетъ, отправилъ нарочнаго гонца въ сподобней шепкѣ своей, которая жила въ пемношѣ Муромскихъ лѣсахъ; собирала травы и корни, обходилась болѣе съ волками и медвѣдями, нежели съ людьми Рускими, и прослыла естли не чародѣйкою, то по крайней мѣрѣ велемудрою старушкою, искусною въ ле-

ченіи всѣхъ недуговъ человѣческихъ. Бояринъ Маввѣй описаѣ ей всѣ признаки Напальиной болѣзни, и просилъ, чшобы она посредствомъ своего искусства возвратила внука своей здравіе, а ему спарику радость и спокойствіе. — Успѣхъ сего посольства остается въ неизвѣстности; впрочемъ нѣтъ большой нужды и знать его. Теперь должны мы приступить къ описанію важнѣйшихъ приключеній.

Время и въ спарину такъ же скоро летѣло, какъ нынѣ, и между тѣмъ, какъ наша красавица вздыхала и помилаь, годъ перевернулся на оси своей: зеленые ковры весны и лѣта покрылись пушистымъ снѣгомъ; грозная царица хлада возсѣла на ледяной престолъ свой, и дохнула вьюгами на Руское царство; по еспь, зима наступила, и Напалья по своему обыкновенію пошла однажды къ обѣдѣ. Помолвишись съ усердіемъ, она ненарочно

обратила глаза свои къ лѣвому крылосу — и что же увидѣла? Прекрасной, молодой человекъ, въ голубомъ кафтанѣ съ золотыми пуговицами, споялъ шамъ какъ царь среди всѣхъ прочихъ людей, и блестящій, проницательный взоръ его вспрѣпился съ его взоромъ. Напалъ въ одну секунду вся покраснѣлась, и сердце ея, задрепетавъ сильно, сказало ей: *вотъ онъ!* . . . Она потупила глаза свои, но не надолго; снова взглянула на красавца, снова запылала въ лицѣ своемъ, и снова задрепетала въ своемъ сердцѣ. Ей казалось, что любезной призракъ, копорой ночью и днемъ прельщалъ ея воображеніе, былъ ничто иное, какъ образъ сего молодого человека — и потому она смотрѣла на него какъ на своего милаго знакома. Новой свѣтлостью возсіялъ въ душѣ ея, какъ будто бы пробужденной явленіемъ солнца, но еще не пришедшей въ себя послѣ многихъ не-

связныхъ и замѣшанныхъ сновидѣній, волновавшихъ ее въ печеніе долгой ночи. „И такъ—думала На-
 „палья — и такъ подлинно есъ на
 „свѣтѣ шакой милой красавецъ, ша-
 „кой человекъ,—шакой прелестной
 „юноша? . . . Какой роспѣ! какая
 „осанка! какое бѣлое, румяное ли-
 „це! А глаза, глаза у него какъ
 „молніи; я, робкая, боюсь глядѣшь
 „на нихъ. Онъ на меня смоприпѣ,
 „смоприпѣ очень приспально —
 „даже и шогда, когда молишся. Ко-
 „нечно и я знакома ему; можешъ
 „бышь и онъ, подобно мнѣ, гру-
 „спилъ, вздыхалъ, думалъ, думалъ
 „и видѣлъ меня, — хопя шемно,
 „однакожь видѣлъ, шакъ какъ я ви-
 „дѣла его въ душѣ моей.“

Чишашель долженъ знашь, что мысли красныхъ дѣвушекъ бы-
 ваюшъ очень быспры, когда въ сердѣ у нихъ начинаешъ ворошиться
 шо, чего онъ долго не называюшъ
 именемъ, и что Нашалья еъ сн ми-

нупы чувствовала. Обѣдня показала ей очень корошка. Няня десять разъ дергала ее за камчатную пѣлогрѣю, и десять разъ говорила ей: *пойдемъ, барышня; все кончилось*. Но барышня все еще не прогалась съ мѣста, для того что и прекрасной незнакомецъ споялъ какъ вкопаной подлѣ лѣваго крылоса; они посматривали другъ на друга, и шихонько вздыхали. Сія нѣмая сцена продолжалась нѣсколько минути; но спарая мама, по слабости зрѣнія своего, ничего не видала, и думала, что Напалья читаетъ про себя молитвы и для того неидетъ изъ церкви. Наконецъ дьячекъ загремѣлъ ключами: шупъ красавица опомнилась, и видя, что церковь хопятъ запирашь, пошла къ дверямъ; а за нею и молодой человекъ — она на лѣво, онъ на право. Напалья раза два обспупилась; раза два роняла плапокъ, и должна была ворочаться назадъ;

незнакомецъ управляя кушакъ свой, споялъ на одномъ мѣстѣ, смотрѣлъ — на красавицу, и все еще не надѣвалъ бобровой шапки своей, хотя на дворѣ было холодно.

Нашалья пришла домой, и ни о чемъ больше не думала, какъ о молодомъ человѣкѣ въ голубомъ кафтанѣ съ золотыми пуговицами. Она была не печальна, однако жъ и не очень весела, подобно шакому человеку, которъй наконецъ узналъ, въ чемъ состоишь его блаженство, но имѣетъ еще слабую надежду имъ насладиться. За обѣдомъ она не ѣла, по обыкновенію всѣхъ влюбленныхъ — ибо для чего не сказать намъ прямо и просто, что Нашалья влюбилась въ незнакомца? „Въ одну мину?“ (скажетъ чипапель:) „увидѣвъ въ первой разѣ, и не слыхавъ опъ него ни слова?“ Милоспивые государи! я рассказываю, какъ происходило самое дѣло: не сомнѣвайтесь въ истинѣ; не сомнѣвай-

песь въ силѣ того взаимнаго влеченія, которое чувствуютъ два сердца, другъ для друга сотворенныя! А кто не вѣришь симпатіи, пошѣй поди отъ насъ прочь, и не читай нашей испорціи, которая сообщается только для однихъ чувствительныхъ душъ, имѣющихъ сію сладкую вѣру!—

Когда Бояринъ Матвѣй послѣ обѣда заснулъ — (не на Вольперскихъ креслахъ, такъ какъ нынѣ сѣяшъ бояре, а на широкой дубовой лавкѣ) — Напалья пошла съ нянею въ свѣщницу свою, сѣла подъ любимымъ окномъ, вынула изъ кармана бѣлой плапокъ, хотѣла что-то сказать, но раздумала — взглянула на окончины, расписанныя морозомъ — оправила жемчужную повязку на головѣ своей, и потомъ, смотря себѣ на колѣни, тихимъ и немного дрожащимъ голосомъ спросила у няни, каковъ показался ей молодой человекъ, бывший у обѣдни? Спа-

рушка не понимала, о комъ говоришь она. Надлежало извясниться; но легко ли это для спыдливой дѣвушки? *Я говорю о томъ*, продолжала Напалья — *о томъ, которой — которой былъ всѣхъ лучше.* Няня все еще не понимала, и красавица принуждена была сказать, что онъ споялъ подлѣ лѣваго крылоса, и вышелъ изъ церкви за нами. „Я не примѣшила его“ — холодно отвѣчала спарушка, и Напалья шихонько пожалала прекрасными своими плечиками, удивляясь, какъ можно было его не примѣшить!

На другой день Напалья пришла всѣхъ ранѣе къ обѣднѣ, и вышла всѣхъ позже изъ церкви; но красавица въ голубомъ кафтанѣ памѣ не было — на прерпій день шакже не было, и чувствивпельная Боярская дочь не хопѣла ни пипь ни бспь, переспала спать и насилу ходить могла, однако жь спаралась шаипь

внутреннее свое мучение какъ опѣ
 родилеля, пакѣ и опѣ няни. Толь-
 ко по ночамъ лились слезы ея на
 мягкое изголовье. „Жестокой! (ду-
 мала она) жестокой! за чѣмъ скры-
 ваешься опѣ глазъ моихъ, кото-
 рые тебѣ всеминутно ищутъ: Раз-
 вѣ ты хочешь безвременной смер-
 ти моей? Я умру, умру—и ты не
 выронишь ни слезки на гробѣ зло-
 щасливой!“ — Ахъ! для чего самая
 нѣжнѣйшая, самая пламеннѣйшая
 изъ спрашекъ родится всегда съ
 горестію? ибо какой влюбленной не
 вздыхаетъ, какой влюбленной не
 поскуетъ въ первые дни спрашки
 своей, думая, что его не любятъ
 взаимно!

На четвертой день Напалья
 опять пошла къ обѣднѣ, не смо-
 ря ни на слабость свою, ни на же-
 стокую морозъ, ни на то, что Бо-
 яринъ Машей, примѣшивъ нака-
 нунѣ необыкновенную блѣдность
 на лицѣ ея, просилъ ее беречь

себя и не выходишь со двора въ холодное время. Еще никого не было въ церкви. Красавица, стоя на своемъ мѣстѣ, смопрѣла на двери. Вошелъ первой человекъ—не онъ! вошелъ другой—не онъ! прешій, чепверпой—все не онъ! вошелъ пяшой, и всѣ жилки запрепепали въ Напальѣ—это онъ, поплъ красавецъ, копорого образъ навсегда въ душѣ ея впечатлѣлся! Отъ сильнаго внупреннаго волненія она едва не упала, и должна была оперешся на плечо няни своей. Незнакомецъ поклонился на всѣ чепыре спороны, а ей особливо, и припомѣ гораздо ниже и почпипельнѣе, нежели прочимъ. Томная блѣдность изображалась на его лицѣ, но глаза его сіяли еще свѣплѣе прежняго; онъ смопрѣлъ почпи безпрестанно на прелесипную Напалью (копорая отъ нѣжныхъ чувспвѣ спала еще прелесипнѣе), и вздыхалъ такъ неосторожно, что

она примѣшила движеніе груди его, и не взирая на свою скромность, угадывала причину. Любовь, надеждою оживляемая, албла въ сію минушу на щекахъ милой нашей красавицы; любовь сіяла въ ея вѣкахъ; любовь билась въ ея сердцѣ; любовь подымала руку ея, когда она крестилась. — Часъ обѣдни былъ для нее одною блаженною секундою. Всѣ спали выходить изъ церкви; она вышла послѣ всѣхъ, а съ нею и молодой человекъ. Въспомогло того, чтобы иппи опянь въ другую сторону, онъ пошелъ уже слѣдомъ за Нашальею, которая поглядывала на него и черезъ правое и черезъ лѣвое плечо свое. Чудное дѣло! любовники никогда не могутъ насмотрѣться другъ на друга, подобно какъ алчной корысполубецъ не можетъ никогда насыпиться золопомъ. — У воротъ Боярскаго дому Нашалья въ послѣдній разъ взглянула на красавца, и нѣжнымъ взоромъ сказала

ему: *прости, милой незнакомецъ!* Калипка хлопнула, и Напальѣ послышалось, что молодой человекъ вздохнулъ; по крайней мѣрѣ она сама вздохнула. — Спарушка няня была на сей разъ примѣшливѣе и не дожидавшись еще ни слова отъ Напальи, начала говорить о незнакомомъ красавцѣ, которой провожалъ ихъ отъ церкви. Она хвалила его съ великимъ жаромъ; доказывала, что онъ похожъ на ея покойнаго сына; не сомнѣвалась въ знаменитомъ родѣ его, и желала барышнѣ своей такого супруга. Напалья радовалась, краснѣлась, задумывалась, опивѣчала: *да! нѣтъ!* и сама не знала, что опивѣчала.

На другой, на прерпій, на четвертой день опять ходили къ обѣднѣ; видѣли, кого видѣть желали — возвращались домой, и у воротъ говорили нѣжнымъ взоромъ: *прости!* Но сердце красной дѣвушки есть удивительная вещь: чѣмъ оно до-

вольно нынѣ, шѣмѣ не довольно завпра—все болѣе и болѣе, и желаніямѣ конца нѣтъ. Такимѣ образомѣ и Напальѣ показалось уже мало того, чѣобы смотрѣть на прекраснаго незнакомца, и видѣть нѣжность въ глазахѣ его; ей захопѣлось слышать его голосѣ, взявъ его за руку, бытъ поближе къ его сердцу, и проч. Чѣо дѣлать? какѣ бытъ? Такія желанія искоренять шрудно; а когда они не исполняются, красавицѣ бываетѣ грустно.—Напалья опять принялась за слезы. Судьба, Судьба! уже ли ты не сжалишься надѣ нею? Уже ли захочешь, чѣобы свѣтлые глаза ея опѣ слезѣ померкли?—Посмотримѣ, чѣо будетѣ.

Однажды передѣ вечеромѣ, когда Боярина Машвѣя не было дома, Напалья увидѣла въ окно, чѣо калипка ихѣ распворилась—вошелѣ человекѣ въ голубомѣ кафшанѣ, и работа выпала изѣ рукѣ Напальи-

ныхъ — ибо сей человекъ былъ прекрасной незнакомецъ. Няня! сказала она слабымъ голосомъ: *кто это?* Няня посмотрѣла, улыбнулась и вышла вонъ.

„Онъ здѣсь! няня усмѣхнулась; пошла къ нему, вѣрно къ нему — ахъ, Боже мой! что будетъ?“ думала Напалья, смотрѣла въ окно и видѣла, что молодой человекъ вошелъ уже въ сѣни. Сердце ея лепѣло къ нему на встрѣчу; но нѣкопорая робость говорила ей: *останься!* Красавица повиновалась сему послѣдному голосу, только съ мучительнымъ принужденіемъ, съ великою поскою: ибо всего несноснѣе пропивишься влеченію своего сердца. Она вспавала, ходила, бралась за то и за другое, и чепверпъ часа показалась ей годомъ. Наконецъ дверь распворилась, и скрыпъ ея попрясъ Напальину душу. Вошла няня — взглянула на барышню, улыбнулась, и — не сказала ни

слова. Красавица также не начинала говорить, и только одним робким взором спрашивала: *что, няня? что?* Спарушка как будто бы веселилась ея смущением, ея непрерывным — долго молчала и спустя уже несколько минуток, сказала ей: „знаешь ли, барышня, что эпотъ молодой человекъ боленъ?“ — *Боленъ? какъ?* спросила Напалья, и цвѣтъ въ лицѣ ея перемѣнился. — „Очень боленъ, продолжала няня: у него такъ болитъ сердце, что бѣдной не можешь ни пить ни ѣсть, блѣденъ какъ полотно, и на силу ходитъ. Ему сказали, что у меня есть лекарство на эту болѣзнь, и для того онъ прибѣлъ ко мнѣ, плачетъ горькими слезами, и проситъ, чтобы я помогла ему. Повѣришь ли, барышня, что у меня слезы на глазахъ навернулись? Такая жалость!“ — Что же, няня? дала ли ты ему лекарство? — „Нѣтъ; я велѣла подождать.“ —

Подождать? гдѣ?—, „Вѣ нашихъ сѣ-
 няхъ.“— Можноли? Тамъ превели-
 кой холодъ; со всѣхъ споронъ не-
 сешь, а онъ боленъ!—, „Чтожь мнѣ
 дѣлать? Внизу у насъ лпакой чадъ,
 что онъ можетъ угорѣть до смер-
 ти: куда жь его ввеси, пока изго-
 повлю лекарство? Развѣ сюда?
 Развѣ прикажешь ему войти въ пе-
 ремъ? Это будетъ доброе дѣло, ба-
 рышня; онъ человекъ честной —
 спанетъ за тебя Богу молишься,
 и никогда не забудетъ швоей ми-
 лости. Теперь же бапюшки нѣтъ
 дома — сумерки, темно — никто
 не увидитъ, и бѣды никакой нѣтъ:
 вѣдь только вѣ сказкахъ муцины
 бывають спрашны для красныхъ
 дѣвушекъ! Какъ думаешь, судары-
 ня?“ Напалья (не знаю, отъ чего)
 дрожала, и прерывающимся голо-
 сомъ отвѣчала ей: *я думаю. . . .*
какъ хочешь. . . . ты лучше моего
знаешь. Тутъ няня отворила дверь
 — и молодой человекъ бросился къ

ногамъ Напальинымъ. Красавица ахнула, и глаза ея на минушу закрылись; бѣлыя руки повисли, и голова приклонилась къ высокой груди. Незнакомецъ осмѣлился поцѣловать ея руку, въ другой, въ претій, четвертой разъ — потомъ осмѣлился поцѣловать красавицу въ розовыя губы, въ другой, въ претій, четвертой разъ, и съ такимъ жаромъ, что мама испугалась, и закричала: *баринъ! баринъ! помни уговоръ!* Напалья открыла черные глаза свои, копорые прежде всего вспрѣпились съ черными глазами знакомаца, ибо они ея минушу были къ нимъ всего ближе; и въ нѣхъ и въ другихъ изображались пламенныя чувства, любовію кипящее сердце. Напалья съ прудомъ могла приподнять голову, чтобы вздохомъ облегчить грудь свою. Тогда молодой человекъ началъ говорить — не языкомъ романовъ, но языкомъ истинной чув-

VI. 16

спвишельности; сказалъ простыми, но нѣжными, спрашными словами, что онъ увидѣлъ и полюбилъ ее, полюбилъ шакъ, что не можетъ быть щаспливъ и не хочетъ жить безъ взаимной любви ея. Красавица молчала; только сердце и взоры ея говорили — но недовѣрчивой незнакомецъ желалъ еще словеснаго подтвержденія, и споя на колѣняхъ, спросилъ у нее: „Напалья, прекрасная Напалья! любишь ли меня? Твой опвѣпъ рѣшишь судьбу мою: и могу быть щаспливѣйшимъ челоувѣкомъ на свѣпѣ, или шумящая Москва-рѣка будетъ гробомъ моимъ.“ — „Ахъ барышня! сказала жалоспливая няня: опвѣчай скорѣе, что онъ тебѣ нравенъ! Уже ли захочешь ты погубить его душу?“ — *Ты милъ сердцу моему*, произнесла Напалья нѣжнымъ голосомъ, положивъ руку на плечо его. *Дай Богъ*, примолвила она, поднявъ глаза на небо, и обративъ ихъ снова

на восхищеннаго незнакомца—*дай Богъ, чтобъ я была столько же мила тебѣ!* Они обняли другъ друга; казалось, что дыханіе ихъ оспановилось. Кпо видалъ, какъ въ первой разѣ цѣломудренныя любовники обнимаются; какъ въ первой разѣ добродѣтельная дѣвушка цѣлуетъ милаго друга, забывая въ первой разѣ дѣвическую спыдливосць: пусть пошъ и вообразитъ себѣ сію картину; я не смѣю описывать ее,—но она была прогашельна — самая спарая няня, свидѣтельница тако-го явленія, выронила капли двѣ слезъ и забыла наномнить любовнику объ уговорѣ; но богиня непорочности присущспвовала невидимо въ Напальиномѣ теремѣ.

Послѣ первыхъ минушъ нѣмаго воспорга молодой человѣкъ, сморя на красавицу, залился слезами. *Ты плачешь?* сказала Напалья нѣжнымъ голосомъ, приклонивъ голову свою къ его плечу.—, „Ахъ! я дол-

женѣ открылъ шебѣ мое сердце, прелестная Напалья! (*) отвѣчалъ онъ: оно еще не совершенно увѣрено въ своемъ щасіи. — *Чтожь ему надобно?* спросила Напалья, и съ неперпѣніемъ ожидала отвѣта. — „Обѣщай, что ты исполнишь мое пребываніе.“ — *Скажи, скажи; что такое? Исполню, все сдѣлаю, что велишь мнѣ!* — „Въ нынѣшнюю ночь, когда зайдетъ мѣсяцъ — въ то время, какъ поютъ первые пѣшухи — я приѣду въ саняхъ къ вашимъ воротамъ; ты должна ко мнѣ выйти и ѣхать со мною: вопъ чего опъ себя пребую!“ — *Ѣхать? въ нынѣшнюю ночь? куда?* — „Сперва въ церковь, гдѣ мы обвѣнчаемся; а по

(*) Читатель догадается, что старинные любовники говорили не совсѣмъ такъ, какъ здѣсь говорятъ они; но погдашняго языка мы не могли бы теперь и понимать. Надлежало только *нѣкоторыя образы поддѣлаться подъ древній колоритъ.*

шомъ шуда, гдѣ я живу.“ — *Какъ? безъ вѣдома отца моего? безъ его благословенія? — „Безъ его вѣдома, безъ его благословенія, или я погибъ!“ — Боже мой! . . . Сердце у меня замерло. Уѣхать тихонько изъ дому родительскаго! Что же будетъ съ батюшкою? Онъ умретъ съ горя, и на душѣ моей останется страшной грѣхъ. Милой другъ! для чего намъ не броситься къ ногамъ его? Онъ полюбитъ тебя; благословитъ, и самъ отпуститъ насъ въ церковь. — „Мы бросимся къ ногамъ его, но черезъ нѣкоторое время. Теперь онъ не можетъ согласиться на бракъ нашъ. Самая жизнь моя будетъ въ опасности, когда меня узнаютъ.“ — *Когда тебя узнаютъ? тебя, милаго душѣ моей? . . . Боже мой! какъ люди злы, если ты говоришь правду! Только я не могу повѣрить. Скажи мнѣ, какъ тебя зовутъ? — „Алексѣемъ.“ — Алексѣемъ? Я всегда любила это имя.**

Что жь бѣды, естли тебя узнаютъ?
 —, Все будетъ тебѣ извѣстно, ко-
 гда ты согласишься сдѣлать меня
 щаспливымъ. Прелеспная, милая
 Напалья! время проходишь; мнѣ не
 лзя быть долѣе съ тобою. Чпобы
 родипель швой, копораго я самъ
 люблю и почишаю за добрыя дѣла
 его—чпобы родипель швой не со-
 крушался и не почипалъ дочери сво-
 ей погибшею, я напишу къ нему
 письмо, и увѣдомлю, чпо ты жи-
 ва, и чпо онъ можетъ скоро уви-
 дѣть тебя. Скажи, скажи, чѣго ты
 хочешь: жизни моей или смер-
 ти?—При сихъ словахъ, произне-
 сенныхъ твердымъ голосомъ, онъ
 вспалъ, и смолрѣлъ огненными,
 пламенными глазами на красавицу.
 „Ты меня спрашиваешь?“ сказала
 она съ чувствительностию: „развѣ
 я не обѣщала тебѣ повиноваться?
 Съ самага младенчества привыкла
 я любить моего родипеля, попому
 чпо и онъ любилъ меня, очень,

очень любишь—(пусть Наталья обтерла платкомъ слезы свои, копорья одна за другою капали изъ глазъ ея)—тебя знаю не давно, а люблю еще больше, нежели его; какъ это случилось, не знаю.“ — Алексѣй обнялъ ее съ новымъ восхищеніемъ, снялъ золопой перстень съ руки своей, надѣлъ его на руку Натальѣ, сказалъ: *ты моя!* и скрылся какъ молнія. Старушка няня проводила его со двора.

Кто будетъ обвинять Наталью; кто будетъ порицать ее за то, что она, видѣвъ только раза при молодого человѣка, и услышавъ отъ него нѣсколько пріяпныхъ словъ, вдругъ рѣшилась бѣжать съ нимъ изъ родительскаго дому, не зная, куда — поручить судьбу свою незнакомому человѣку, котораго, по собственнымъ рѣчамъ его, можно было считать подозрительнымъ—а что всего болѣе, оставивъ шакого добраго, чувствительнаго, нѣжнаго

опца: попѣ не знаетѣ, что есть любовь; не знаетѣ ея всемогущества. Ахъ! она можешѣ сдѣлать преступникомъ самаго добродѣшльнѣйшаго челоуѣка! И кпо, любивѣ пламенно въ жизни своей, не поспунилѣ ни въ чемѣ прошивѣ спрогой нравспвенности: попѣ—щаспливѣ! щаспливѣ шѣмѣ, что спрасшѣ его не была въ прошивошоложности сѣ добродѣшелис—иначе послѣдняя признала бы слабосшѣ свою, и слезы щщепнаго раскаянїя полились бы рѣкою. Лѣпописи челоуѣческаго сердца увѣряюпѣ насѣ въ сей печальной испинѣ.

Чпо принадлежишѣ до няни, по молодой челоуѣкѣ (послѣ шого, какѣ онѣ увидѣлѣ Нашалью въ церкви) нашелѣ способѣ переговоритѣ сѣ нею и склонилѣ ее на свою спорону разными пышными обѣщанїями и подарками. Увы! кого не ослѣпляешѣ серебро и золото, а особливо подѣ спаросшѣ, когда корыспо-

любіе бываепѣ главною спраспію челоуѣка! Спарушка забыла по, чпо она болѣе сорока лѣпѣ служи- ла безпорочно и вѣрно вѣ домѣ Бо- ярина Машвѣя — забыла и продала себя незнакомцу. Однакожь, по оспашку чеспности, взяла сѣ него слово женишься на прекрасной На- палѣ, и до того времени не упо- шребляпѣ во зло ея любви и невин- ности.

Напалѣ, по уходѣ своего любов- ника, спояла нѣсколько минутѣ не- подвижно; на лицѣ ея видны были знаки сильныхъ душевныхъ дви- женій, но не сомнѣнія, не колеба- мости — ибо она уже рѣшилась! и хопя тихой голосѣ изѣ глубины сердца, какѣ будпо бы изѣ опдален- ной пещеры, спрашивалѣ ее: *что ты дѣлаешь, безразсудная?* но дру- гой толосѣ, гораздо сильнѣйшій, вѣ помѣ же самомѣ сердцѣ опвѣчалѣ за неѣ: *люблю!*

Няня возврапилась успокоишь

VI.

17

Напалью, говоря ей, что она будетъ супругою молодого красавца, и что жена, по самому закону, должна все оставить и все забыть для мужа своего.— „Забышь?“ перервала Напалью, вслушавшись въ послѣднія слова: „нѣтъ! я буду помнить моего родителя, буду всякой день объ немъ молиться. Къ тому же онъ сказалъ, что мы скоро бросимся къ ногамъ бапюшкинымъ — не такъ ли, няня?“— *Конечно, барышня!* отвѣчала спарушка; *а что онъ сказалъ, то будетъ.*— „Вѣрно будетъ!“ сказала Напалью, и лице ея спало веселбе.

Бояринъ Машвѣй возвратился домой поздно, и думая, что дочь его уже спитъ, не зашелъ къ ней въ перемъ. Полночь приближалась — Напалью думала не обо снѣ, а объ миломъ другѣ, которому навѣки отдавала она сердце свое, и котораго съ нетерпѣніемъ ожидала къ себѣ. Еще мѣсяцъ^ъ сиялъ на небѣ — мѣ-

сяць, которымъ прежде глаза ея всегда веселились; теперъ онъ спалъ ей непріятеиъ; теперъ думала красавица: „Какъ медленно капишься ты по круглому небу! Зайди скорѣе, мѣсяць свѣплый! Онъ, онъ прїѣдетъ за мною, когда ты сокроешься!“ — Луна опустилась — уже часъ ея зашла за кругъ земной — мракъ въ воздухъ стусился — пѣшухи запѣли — мѣсяць исчезъ, и серебрянымъ кольцомъ брякнули въ Боярскія вороища. Напалья вздрогнула. *Ахъ, няня! бѣги, бѣги скорѣе; онъ прїѣхалъ!* — Черезъ минушу явился молодой человекъ, и Напалья бросилась въ его объятія. Воиъ письмо къ своему родителю, — сказалъ онъ, показавъ бумагу. — „Письмо къ моему родителю? Ахъ! прочи его! я хочу слышать, что ты написалъ.“ — Молодой человекъ развернулъ бумагу, и прочилъ слѣдующія спроки: „Я люблю милую дочь свою болѣе всего на

„свѣтъ—ты не согласился бы оп-
 „дашь ее за меня—она ъдетъ со
 „мною—проспи насъ!—любовь все-
 „го сильнѣе—можешъ бышь со
 „временемъ я буду достоинъ на-
 „зыватья зятемъ твоимъ.“ —
 Напалья взяла письмо, и хопя не
 умѣла чипашъ, однакожь смотрѣла
 на него, и слезы лились изъ глазъ
 ея. „Напиши, сказала она, напиши
 еце, чпо я прошу его не плакашь,
 не крушишься, и чпо эта бумага
 мокра опъ слезъ моихъ; напиши,
 чпо я не вольна сама въ себѣ, и
 чпобы онъ или забылъ или про-
 спилъ меня.“

Молодой человекъ вынулъ изъ
 кармана перо и чернилицу—напи-
 салъ, чпо говорила Напалья, и оста-
 вилъ письмо на столѣ. По помѣ
 красавица, надѣвъ лисью шубу свою,
 помолившись Богу, взявъ съ собою
 топъ образъ, копорымъ благосло-
 вила ее покойная мать, и подавъ
 руку щаспливому любовнику, вы-

шла изъ перема, сошла съ высокаго крыльца, со двора, — взглянула на родительской домъ, оберла послѣднія слезы, сѣла въ сани, прижалась къ милому, и сказала: *вези меня, куда хочешь!* Кучеръ ударилъ по лошадамъ, и лошади помчались; но вдругъ раздался жалобной голосъ: *меня покинули, меня бѣдную, несчастную!* Молодой человекъ оглянулся и увидѣлъ бѣгущую няню, копорая оспавалась на минушу въ свѣшлицѣ, чшобы прибрашь нѣкопорыя изъ драгоценныхъ Напальиныхъ вещей, и копорую наши любовники совсѣмъ было-забыли. Лошадей удержали, посадили старушку, снова поскакали, и черезъ чепверть часа выѣхали изъ Москвы. На правой споронѣ дороги, вдали, свѣшился огонекъ: шуда поворопили, и Напалья увидѣла деревянную, низенькую церковь, занесенную снѣгомъ. Алексѣй—(чшпашель не забылъ имени молодого человека) —

Алексѣй ввелъ любовницу свою во внутренность сего великаго храма (конечно не похожаго на поповъ, кошторой представлялся Напаль въ снѣ; но такъ юное воображеніе украшаетъ всѣ предметы!) храма, освѣщеннаго одною маленькою, слабо-горящею лампадою. Тамъ встрѣпилъ ихъ старой священникъ, согбенный бременемъ лѣтъ, и дрожащимъ голосомъ сказалъ имъ: „я долго ждалъ васъ, любезныя дѣти! Внука мой уже заснулъ.“ Онъ разбудилъ мальчика, въ углу церкви спавшаго; поставилъ любовниковъ передъ нагой и началъ ихъ вѣнчать. Мальчикъ чинилъ, пѣлъ, что надобно; съ удивленіемъ глядѣлъ на жениха и невѣсту, и дрожалъ при всякомъ порывѣ вѣтра, копорой шумѣлъ въ худое окно церкви. Алексѣй и Напалья молились усердно, и произнося обѣщанія свои, смотрѣли другъ на друга съ умиленіемъ и сладкими слезами. По совершеніи

обряда престарѣлый священникъ сказалъ новобрачнымъ: *Я не знаю и не спрашиваю, кто вы; но именемъ великаго Бога, Котораго намъ и мракъ ночи и шумъ бури проповѣдуетъ — (въ сіе мгновеніе спрашно зашумѣлъ вѣперѣ) — именемъ Непостижимаго, ужаснаго для злыхъ, для добрыхъ милосердаго, обѣщаю вамъ благоденствіе въ жизни, естли вы будете всегда любить другъ друга; ибо любовь супружеская есть любовь святая, Божеству пріятная, и кто соблюдаетъ ее въ чистомъ сердцѣ — въ нечистомъ же она жить не можетъ — тотъ пріятенъ Всевышнему. Грядите съ миромъ, и помните слова мои!* Новобрачные приняли благословеніе опѣ спарца, поцѣловали съ почпеніемъ руку его, поцѣловали другъ друга, вышли изъ церкви и поѣхали.

Вѣперѣ заносилъ дорогу; но рѣвые кони лепѣли какъ молнія — ноздри ихъ дымились, парѣ вился

сполбомъ , и пушистой снѣгъ опѣ
 копытѣ ихъ подымался вверху обла-
 ками. Скоро путешественники
 наши вѣхали вѣ темнопу лѣса ,
 гдѣ совсѣмъ не было дороги. Спа-
 рушка няня дрожала опѣ страха ;
 но прекрасная Напалья , чувспвуя
 подлѣ себя милого друга , ничего
 не боялась. Молодой супругъ оп-
 водилѣ рукою всѣ вѣпъви и сучья ,
 копорые грозили уколотѣ бѣлое
 лице супруги его. Онѣ держалѣ ее
 вѣ своихъ объятіяхъ , когда сани о-
 пускались во глубину сугробовѣ , и
 жаркими поцѣлуями удалялѣ холодѣ
 опѣ нѣжныхъ розѣ , копорыя цвѣли
 на ухахѣ ея. Около чепырехѣ ча-
 совѣ ѣздили они по лѣсу , пробира-
 ясь сквозѣ ряды высокихѣ деревѣ .
 Уже лошади начинали упомляпся ,
 и сѣ прудомѣ выпаскивали ноги
 свои изѣ глубинѣ снѣжныхъ ; сани
 двигались медленно , и наконецѣ На-
 палья , пожавѣ руку своего любез-
 наго , тихимѣ голосомѣ спросила у

него: *скоро ли мы придемъ?* Алексѣй посмотрѣлъ вокругъ себя, на вершины деревъ, и сказалъ, что жилище его не далеко. Въ самомъ дѣлѣ черезъ нѣсколько минутъ выѣхали они на узкую равнину, гдѣ стоялъ маленькій домикъ, обнесенной высокимъ заборомъ. На встрѣчу къ нимъ вышли пять или шесть человекъ съ пучками зажженной лучины и вооруженные длинными ножами, копоры висѣли у нихъ на кушакахъ. Старушка няня, видя сіе дикое, уединенное жилище, посреди непроходимаго лѣса; видя сихъ вооруженныхъ людей и примѣпивъ на лицахъ ихъ нѣчто суровое и свирѣпое, пришла въ ужасъ, сплеснула руками и закричала: *ахти! мы погибли! мы въ рукахъ—у разбойниковъ!*

Теперь могъ бы я предсавить спрашную карпину глазамъ чипапелей—прельщенную невинность, обманушую любовь, несчастную красавицу во власпи варваровъ, убійцъ

— женою атамана разбойниковъ, свидѣтельницаю ужасныхъ злодѣйствъ, и наконецъ, послѣ мучительной жизни, издыхающую на эшафотѣ подѣ сѣкирою правосудія, въ глазахъ несчастнаго родителя; могъ бы предсавить все сіе вѣроянымъ, еспешвеннымъ, и чувствительной человѣкъ пролилъ бы слезы горести и скорби — но въ такомъ случаѣ я удался бы отъ исторической истины, на которой основано мое повѣствованіе. Нѣтъ, любезной чипапель, нѣтъ! на сей разъ побереги слезы свои — успокойся — спарушка няня ошиблась — Чипалья не у разбойниковъ!

Чипалья не у разбойниковъ!... Но кто же сей шаинспвенный молодой человѣкъ, или, говоря языкомъ Осіанскимъ, *сынъ опасности и мрака*, живущій во глубинѣ лѣсовъ? — Прошу чипапаль далѣе.

Чипалья попревожилась восклицаніемъ няни, схватила Алексѣя за

руку, и смотря ему въ глаза съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, но съ полною довѣренностію къ любимцу души своей, спросила: *гдѣ мы?* Молодой человекъ взянуль со гнѣвомъ на старушку; по помѣ, успремивъ нѣжный взоръ на милую Напалью, опещчалъ ей съ улыбкою: *ты у добрыхъ людей — не бойся!* Напалья успокоилась; ибо пошъ, кого она любила, велѣлъ ей успокоиться!

Вошли въ домикъ, раздѣленной на двѣ половины. „Здѣсь живутъ люди мои (сказалъ Алексѣй, указывая на право) а здѣсь я.“ Въ первой горницѣ висѣли мечи и бердыши, шишаки и панцыри, а въ другой спояла высокая кровать, и передъ иконою Богоматери горѣла лампада. Напалья шутъ же поспавила и свой образъ; помолилась, и взглянувъ умильно на Алексѣя, низехонько поклонилась ему какъ хозяину въ домѣ. Молодой супругъ

снялъ съ красавицы лисью шубу, дыханіемъ своимъ опогрѣлъ ея руки, посадилъ ее на дубовую лавку, смотрѣлъ на прелестную, и плакалъ отъ радости. Милая Напалья вмѣстѣ съ нимъ плакала: ибо нѣжность и щастіе имѣющъ также слезы свои. . .

Красавица забыла свое любопытство, или, лучше сказать, она совсѣмъ не имѣла его, зная то, что милый душѣ ея не можетъ быть дурнымъ человекомъ. Ахъ! еспыли бы всѣ люди, сколько ихъ было тогда въ Рускомъ царствѣ, въ одинъ голосъ сказали Напальѣ: *Алексѣй злодѣй!* она бы съ тихою улыбкою отвѣчала имъ: *нѣтъ! . . . сердце мое знаетъ его лучше, нежели вы; сердце мое говоритъ, что онъ всѣхъ любезнѣе, всѣхъ добрѣе. Я васъ не слушаю.*

Но Алексѣй самъ говоритъ началъ. „Любезная Напалья! сказалъ онъ: тайна жизни моей должна шебѣ

опкрыпсья. Воля Всевышняго соединила насъ навѣки; ничто уже не можетъ разорвать союза нашего. Супругъ не долженъ ничего скрывать отъ супруги своей. И какъ знай, что я сынъ несчастнаго Боярина Любославскаго“ — — —

Сынъ Любославскаго? Возможно ли? Батюшка сказывалъ мнѣ, что онъ пропалъ безъ вѣсти. — „Его уже нѣтъ на свѣтѣ! Выслушай. — Ты не помнишь, но конечно слыхала о тѣхъ волненіяхъ и бунтахъ, которые лѣтъ за тринадцать передъ симъ возмущали спокойствіе нашего царства. Нѣкоторые изъ знаменитѣйшихъ честлюбивыхъ Бояръ восстали противъ законной власти юнаго Государя: но скоро гнѣвъ Божеской наказалъ мятежниковъ — разсѣялись какъ прахъ многочисленные ихъ сообщники, и кровь главныхъ бунтовщиковъ пролилась на лобномъ мѣстѣ. Родитель мой по нѣкоторому подозрѣнію, но совер-

шенно ложному, взявъ былъ подъспражу. Онъ имѣлъ непріятелей, которые хотѣли его погубить; представили доказательство мнимой его измены и согласія съ мятежниками; отецъ мой клялся въ своей невинности, но обстоятельство осуждали его, и рука вышняго судіи гопова была подписать ему смерть... надежда исчезала въ душѣ невиннаго — одинъ Всевышній могъ спасти его — и спасъ. Вѣрный другъ отворилъ ему дверь темницы — и родителю мой скрылся, взявъ съ собою самыхъ усерднѣйшихъ слугъ и меня, двѣнадцатилѣтняго сына своего. Въ предѣлахъ Росіи не было для насъ безопасности: мы удались въ ту страну, гдѣ рѣка Свѣга вливается въ величественную Волгу, и гдѣ многочисленные народы поклоняющіяся лжепророку Магомету — народы суевѣрные, но страннoлюбивые. Они приняли насъ дружески, и мы около десяти лѣтъ

жили съ ними; не имѣли ни въ чемъ недостатка, но безпрестанно горевали о своемъ опечествѣ; сидѣли на высокомъ берегу Волги, и смотря на ея волны, несущіяся отъ странъ Россійскихъ, проливали жаркія слезы; всякая птица, летѣвшая съ запада (*), казалась намъ милѣе; всякую птицу, на западъ летѣвшую, провожали мы глазами и — вздохами. — Между тѣмъ отецъ мой ежегодно посылалъ въ Москву пайнаго гонца, и получалъ письма отъ своего друга, котораго всегда подавали ему надежду, что невинность наша рано или поздно опровергнется, и что мы съ честью можемъ возвратиться въ опечество. Но скорбь изсушила сердце моего родителя; силы его исчезали, и глаза покрывались густымъ мракомъ. Безъ ужаса чувствовалъ онъ приближеніе конца своего — благосло-

(*) То есть, отъ Россіи.

вилъ меня—и сказавъ: *Богъ и другъ нашъ не оставятъ тебя*, умеръ въ моихъ объятіяхъ. Не буду говорить тебѣ о горести бѣднаго сироты; нѣсколько мѣсяцевъ глаза мои не просыхали.—Я уведомилъ друга нашего о моемъ несчастіи: въ опвѣщаніи своемъ, и зъявляя душевную скорбь о кончинѣ невиннаго спрадальца, умершаго въ странѣ иноплемениныхъ, и погребеннаго въ землѣ не Христіанской, сей благодѣтельный другъ звалъ меня въ Россію. „Верснхъ въ до опѣ Москвы „(писалъ онъ), въ дремучемъ, непроходимомъ лѣсу, построилъ я уединенный домикъ, неизвѣстный никому, кромѣ меня и надежныхъ людей моихъ. Тамъ будешь ты жить до времени въ совершенной безопасности. Посланный знаетъ сіе мѣсто.“—Я изъявилъ благодарность мою госпепрїимнымъ жителямъ Волжскихъ береговъ; просился зъ зеленою могилою роди-

пеля моего; поцѣловалъ и оросилъ слезою каждый цвѣточикъ, каждую правку, на ней распущую; возвратился съ вѣрными слугами въ предѣлы Россіи, облобызалъ опечесивенную землю—и въ густотѣ темнаго лѣса, на узкой равнинѣ, нашелъ сей пустынный домикъ, гдѣ пыпеперь со мною, любезная Напалья. Здѣсь встрѣтилъ меня сѣдой спарецъ, и сказалъ дрожащимъ голосомъ: *Ты сынъ Боярина Любославскаго! Господинъ мой, вѣрный другъ его—тотъ, кто хотѣлъ быть вторымъ отцомъ твоимъ, и строилъ для тебя сіе жилище—скончался! Но онъ помнилъ о сиротѣ при кончинѣ своей. Здѣсь найдешь все нужное для жизни; найдешь сокровища: они твои.* — Я поднялъ глаза на небо; молчалъ—и слезы мои капались градомъ. „Кпо будетъ моимъ помощникомъ? думалъ я: моимъ наставникомъ? Я одинъ въ свѣтѣ!...“ „Всевышній! Ты, кому поручилъ

VI.

18.

меня родителъ мой! не оставь бѣдъ,
„наго!“

„Я поселился въ пустынь; видѣлъ у себя множество серебра и злата, но ни мало имъ не успѣшался. Черезъ нѣсколько дней захопѣлось мнѣ побывать въ царственномъ градѣ, гдѣ никто не могъ узнать меня. Старой служитель моего благодѣтеля указалъ мнѣ на деревьяхъ разныя мѣшкы, копорыя вели къ большой Московской дорогѣ, и копорыя никому кромѣ насъ не могли быть поняты. Я увидѣлъ блестящія главы церквей, народное множество, огромные дома, всѣ чудеса царственнаго града, и радостныя слезы сверкнули въ глазахъ моихъ. Златые дни младенчества, дни невинности и забавы, проведенныя мною въ Руской столицѣ, представились моимъ мыслямъ какъ веселое сновидѣнiе. Я искалъ нашего бывшаго дому, и нашелъ однѣ пустыя стѣны, въ копорыхъ порхали летучія

мыши—хладной ужасъ разлился по моей внутренности.

„По помѣ я часто бывалъ въ Москвѣ, и живалъ тамъ по два и по три дни, останавливаясь въ одной тихой гостинницѣ и называя себя иногороднымъ купцомъ; часто видалъ Государя, отца народнаго; часто слышалъ о благодѣяніяхъ родителя своего, когда Бояре, собираясь на площади противъ соборной церкви, рассказывали другъ другу всѣ добрыя и похвальныя дѣла, украшавшія столицу. Возвращаясь въ пустыню, я сражался съ дикими звѣрями, которыхъ мы должны были испреблять для собственной нашей безопасности; но часто, выпуская изъ рукъ добычу, упadalъ на землю и проливалъ слезы. Вездѣ было мнѣ грустно — въ пустомъ лѣсу и среди народа. Съ горестію ходилъ я по улицамъ царственнаго града, и смотря на людей, которые встрѣчались со мною, ду-

малѣ : Они идутѣ къ роднымѣ и ближнимѣ ; ихѣ дожидаются ; и имѣ будутѣ рады — имѣ итти не къ кому ; меня никто не дожидается ; никто о сиротѣ не думаетѣ ! Иногда хотѣлось имѣ броситься къ ногамѣ Государя, увѣрить его въ невинности отца моего, въ моей вѣрности къ Царю благочестивому , и поручить его милосердію судьбу мою ; но какая-то могущественная, невидимая рука не допускала меня исполнить сего намѣренія.

„Пришла мрачная осень, пришла скучная зима ; лѣсное уединеніе сдѣлалось для меня еще несноснѣе . Я чаще прежняго спалѣ вѣздилѣ въ городѣ и — увидѣлѣ себя, прекрасная Напалья . Ты показалась имѣ Ангеломѣ Божиимѣ — — нѣтъ ! говорящѣ, что сіяніе Ангеловѣ ослѣпляетѣ глаза человѣческіе, и что на нихѣ не лзя смотрѣть долго ; а имѣ хотѣлось безпрестанно глядѣть на тебя . Я видалѣ прежде

многихъ красавицъ, дивился ихъ прелестямъ, и часпо думалъ: *Господь Богъ не сотворилъ ничего лучше красныхъ Московскихъ дѣвушекъ*; но глаза мои на нихъ смопрѣли, а сердце молчало и не прогалось—онѣ казались мнѣ *тужими*. Ты же первымъ взглядомъ влила какой-то огонь въ мое сердце; первымъ взглядомъ привлекла къ себѣ душу мою, копорая попчасть полюбила тебя какъ *родную свою*. Мнѣ хотѣлось броситься и прижать тебя къ моей груди, такъ крѣпко, чптобы ничпо уже насъ разлучить не могло. — Ты ушла, и мнѣ показалось, чпто красное солнце закапилось, и ночь наступила. Я стоялъ на улицѣ, и не чувсвовалъ снѣга, копорой на меня сыпался; наконецъ пришелъ въ себя — спалъ разспрашивать, и узнавъ, кпо пы, возврапился въ свою го-спинницу, и размышлялъ о милой дочери Боярина Мапвѣя. Бапюшка

часпо говаривалъ мнѣ о любви, ко-
 порую почувспвовалъ онѣ къ маме-
 ри моей, увидѣвъ ее въ первый
 разѣ, и копорая не давала ему покоя
 до самага того времени, какѣ ихѣ
 повели въ церковь. „Со мною по
 „же дѣлаешся, думалъ я; и мнѣ не
 „льзя бытъ ни покойнымѣ ни ща-
 „спливымѣ безѣ милой Напальи. Но
 „какѣ надѣяпсья? Любимой Царской
 „Бояринѣ захочешѣ ли выдапть дочь
 „свою за шакого человекѣ, копора-
 „го опецѣ почипаешся преспуни-
 „комѣ? Правда, еспьли бы она по-
 „любила меня. . . съ нею и пуспы-
 „ня лучше Москвы бѣлокаменной.
 „Можепѣ бытъ ошибаюсь—поль-
 „ко мнѣ казалось, чпо она взгля-
 „дывала на меня ласково. . . но я
 „вѣрно ошибаюсь. Какѣ эпому
 „бытъ? Такое щаспие не вдругѣ
 „приходипѣ!“—Наспупила ночь—
 и прошла, но глаза мои сномѣ не
 смыкались. Ты безпрестанно была
 передо мною или въ душѣ моей—

креспилась бѣлою рукою своею, и
 пряпала ее подѣ соболью шубейку.
 — На другой день почувствовалъ я
 сильную боль въ головѣ и превели-
 кую слабость, копорая заспавила
 меня около двухъ сутокъ проле-
 жать на постелѣ. — *Такъ! пере-
 рвала Напалья: такъ! я это зна-
 ла; сердце мое тосковало не да-
 ромъ. Ни на другой ни на третій
 день не было тебя у обѣдни.*

„Однакожь и самая болѣзнь не мѣ-
 шала мнѣ о тебѣ думать. Одинъ
 изъ слугъ моихъ былъ въ домѣ шво-
 его родителя, видѣлся съ швоею
 нянею, и уговорилъ ее приппи ко
 мнѣ въ госпинницу. Я открылъ
 спарушкѣ любовь мою; просилъ,
 кланялся, увѣрялъ въ моей благо-
 дарности — и наконецъ она согла-
 силась быть мнѣ помощницею. —
 Прочее ты знаешь. Я видѣлъ тебя
 въ церкви — иногда льспился быть
 любимымъ, примѣчая въ глазахъ
 швоихъ нѣжную умильность, и

краску на лицѣ своемъ, когда встрѣчались наши взоры—наконецъ рѣшился узнать судьбу мою — упалъ къ ногамъ своимъ, и бѣдной сирота спалъ щаспливѣйшимъ человекомъ въ свѣтѣ. Могъ ли я послѣ своего признанія разстаться съ побою? Могъ ли жить подъ другимъ кровомъ, и всякой часъ безпокоиться, и всякой часъ думать: *жива ли она? не угрожаютъ ли ей какія опасности? холодной вѣтеръ не знобитъ ли нѣжнаго лица ея? не тоскуетъ ли ея сердце? ахъ! не сватается ли за прекрасную какой нибудь женихъ, богатой и знатной?* — Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ оставалось умереть, или жить съ побою!— Священникъ загородной церкви, который насъ вѣнчалъ, былъ не подкупленъ, а упрошенъ мною; слезы мои пронули спарца.

„Теперь извѣстно тебѣ, кто супругъ твой; теперь совершились всѣ мои желанія. Грусь, скука!

просшите! Для васъ уже нѣтъ мѣста въ уединенномъ моемъ домикѣ. Милая Напалья любитъ меня; милая Напалья со мною! — Но я вижу помножь въ глазахъ твоихъ; тебѣ надобно успокоиться, любезная души моей. Ночь проходитъ, и скоро утренняя заря покажется на небѣ.“ —

Алексѣй поцѣловалъ Напальнину руку. Красавица вздохнула. *Ахъ! для того нѣтъ съ нами батюшки!* сказала она, прижавшись къ сердцу супруга: *когда мы съ нимъ увидимся? когда онъ благословитъ насъ? когда я при немъ поцѣлую тебя, милаго друга моего?* — „Тотъ (оправдалъ Алексѣй) поплъ милосливый Богъ, Который далъ мнѣ тебѣ, вѣрно все для насъ сдѣлаетъ. Положимся на Него: Онъ пошлетъ намъ случай утѣшить къ ногамъ своего родителя и принять его благословеніе.“

Сказавъ сіи слова, онъ вспалъ и

вышелъ въ переднюю горницу. Тамъ сидѣли люди его съ нянею, копорая (увѣрившись, что они не разбойники, и что длинные ножи служажавъ имъ только обороною опѣлѣсныхъ зѣбрей) перестала бояться, познакомилась съ ними, и съ любопытствомъ спарой женщины спрашивала о молодомъ ихъ господинѣ, о причинѣ пуспыннической жизни его, и проч. и проч. Алексѣй пошепталъ на ухо одному чловѣку, и черезъ минушу никого не осталось въ передней: спарушку схватили подъ руки и увели въ другую половину. Молодой супругъ возвратился къ своей любезной — помогъ ей раздѣться — сердца ихъ бились — онъ взялъ ее за бѣлую руку... Но скромная Муза моя закрываетъ бѣлымъ плапкомъ лице свое — ни слова!.. Священный занавѣсъ опускается, священный и не пронцаемый для глазъ любопытныхъ!

А вы, щаспливые супруги, блаженствуйте въ сердечныхъ воспоргахъ подѣ вліяніемъ звѣздъ небесныхъ; но будьте цѣломудренны въ самыхъ высочайшихъ наслажденіяхъ спраспи своей! Невинная спыдливоспъ да живепѣ съ вами неразлучно — и нѣжные цвѣтпы удовольствія не завянутѣ никогда на супружескомѣ ложѣ вашемѣ! —

Уже солнце взошло высоко на небѣ, и разсыпало по снѣгу миліоны блестящихъ діамантовъ; но въ спальнѣ нашихъ супруговъ все еще царствовало глубокое молчаніе. Спарушка мама давно вспала, разѣдесять подходила къ двери, слушала и ничего не слыхала; наконецѣ вздумала пихонько поспучапся, и сказала довольно громко: *пора вставать — пара вставать!* Черезѣ нѣсколько минутѣ дверь опперли. — Алексѣй былѣ уже въ голубомѣ кафтанѣ своемѣ; но красавица лежала еще на поспелѣ, и долго не могла

взглянушь на спарушку, спыдясъ — не извѣстно чего. Розы на щекахъ ея не много поблѣднѣли; въ глазахъ изображалась томная слабость — но никогда Напалья не была такъ привлекательна, какъ въ сіе упрю. Она одѣлась съ помощію своей няни, помолилась Богу со слезами, и дожидалась супруга своего, копорой между пѣмъ занимался хозяйствомъ, приказывалъ гоповишь обѣдъ и прочее, что нужно въ домашнемъ быту. Когда онъ возвратился къ любезной супругѣ, она съ нѣжностію обняла его и сказала тихимъ голосомъ: *Милой другъ! я думаю о батюшкѣ — ахъ! онъ вѣрно тоскуетъ, платетъ, сокрушается!.. Мнѣ бы хотѣлось объ немъ слышать; хотѣлось бы знать, здоровъ ли онъ* — — Напалья не договорила; но Алексѣй понялъ ея желаніе, и немедленно отправилъ въ Москву человека, чтобы навѣдаться о Бояринѣ Машвѣвѣ.

Но мы предупредимъ сего посланнаго и посмотримъ, что дѣлается въ царственномъ градѣ.— Бояринъ Машвѣй долго ждалъ къ себѣ поупру милой своей Напалыи, и наконецъ пошелъ въ ея перемь. Тамъ все было пусто, все въ безпорядкѣ. Онъ изумился — увидѣлъ на столѣ письмо, развернулъ его, прочиталъ—не вѣрилъ глазамъ своимъ— прочиталъ въ другой разъ—хотѣлъ еще не вѣришь—но дрожащія ноги его подогнулись—онъ упалъ на землю. Нѣсколько минутъ продолжалось его безпамятство. Образумившись, приказалъ онъ людямъ вести себя къ Государю. *Государь!* сказалъ шрепещущій спарецъ — *Государь!* . . . Онъ не могъ говорить, и подалъ Царю Алексѣево письмо. Чело благочестиваго Монарха помрачилось гнѣвомъ. *Кто сей недостойный соблазнитель?* сказалъ онъ: *но вездѣ найдеть его грозная рука правосудія*—сказалъ, и во всѣ

спраны Рускаго царства опправились гонцы, съ повелѣніемъ искашь Наталью и ея похищителя.

Царь утѣшалъ Боярина какъ своего друга. Вздохи и слезы облегчили спѣсненную грудь несчастнаго родителя, и чувство гнѣва въ сердцѣ его уступило мѣсто нѣжной горести. „Богъ видитъ“—сказалъ онъ, взглянувъ на небо—„Богъ видитъ, какъ я любилъ тебя, не-, благодарная, жестокая, милая Наталья! . . . Такъ, Государь! она и шеперь мила мнѣ, болѣе всего на свѣтѣ! . . . Кто увезъ ее изъ родительскаго дому? Гдѣ она? что съ нею дѣлается? . . . Ахъ! на спаси души моихъ я побѣждалъ бы за нею на край свѣта! . . . Можетъ быть какой нибудь злодѣй обольстилъ невинную и послѣ бросилъ, погубилъ ее. . . Нѣтъ! дочь моя не могла полюбить злодѣя! . . . Но для чего же не открылся родителью? . . . Кто бы онъ ни былъ,

„я обнялъ бы его какъ сына. Развѣ
 „Государь меня не жалуешь? Развѣ
 „онъ не спалъ бы жаловать и зя-
 „пя моего?... Не знаю, что ду-
 „мать!... Но ее нѣтъ!.. Я плачу:
 „она не видитъ слезъ моихъ—ум-
 „ру: она не зашворитъ глазъ отца
 „своего, отца, которой полагалъ
 „въ ней жизнь и душу свою!...
 „Правда, безъ воли Всевышняго ни-
 „чего не дѣлается; можетъ быть
 „я заслужилъ наказаніе руки Его...
 „Покоряюсь безъ ропшанія!... Объ
 „одномъ прошу тебя, Господи: будь
 „ей отцомъ милосердымъ во всякой
 „спранѣ. Пусть умру въ горести
 „—лишь бы дочь моя была благо-
 „получна!.. Не лъзя, чтобы она не
 „любила меня; не лъзя...“—(Тутъ
 Бояринъ Машвѣй взялъ письмо, и
 снова прочиталъ его.)—„Ты пла-
 „кала; эта бумага мокра отъ слезъ
 „твоихъ: я буду хранить ее на мо-
 „емъ сердцѣ, какъ послѣдній знакъ
 „любви твоей.—Ахъ! ешьли ты

„ко мнѣ возврапишься, хопя за
 „часѣ до моей смерти... Но какѣ
 „угодно Всевышнему! — Между
 „пѣмѣ опецѣ пвой, сиропа на спа-
 „роспи, будепѣ опцомѣ нецасп-
 „ныхѣ и гореспныхѣ; обнимаю ихѣ
 „какѣ дѣпей своихѣ—какѣ пвоихѣ
 „братій—онѣ скажепѣ имѣ со сле-
 „зами: *друзья! молитесь о Ма-*
 „*талъѣ!*“ — Такѣ говорилѣ Бояринѣ
 Машвѣй, и чувспвительной Царѣ
 былѣ пронупѣ до глубины сердца.

Опнынѣ, добрый Бояринѣ, жизнь
 пвоя покрываепся мракомѣ печали
 — увы! и самая добродѣпель не
 можепѣ насѣ предохранитѣ опѣ
 горести! Безпреспанно будепѣ ты
 думапѣ о милой сердца пвоего —
 вздыхапѣ и сидѣпѣ подгорюнив-
 шись передѣ широкими воротами
 своего дому! Никпо, никпо не при-
 несепѣ тебѣ вѣспи о прелеспной
 Напальѣ! Царскіе гонцы возвра-
 ппяпся, и вздохѣ ихѣ будепѣ опвѣ-
 помѣ на вопросы пвои. Сядупѣ бѣд-

ные за сполы нищелюбиваго Боярина, но хлѣбъ его покажешся имъ горекъ — ибо они увидяшъ скорбь на лицѣ своего благодѣшеля! —

Между тѣмъ Алексѣевъ посланный возвратился въ пуспыню съ извѣспіемъ, что Бояринъ Машвѣй былъ во дворцѣ Царскомъ, и что во всей Россіи велѣно искашь его пропавшей дочери. Но милая Напалья хопѣла знашь болѣе, и спрашивала, что написано было на лицѣ родшеля ея, когда онъ возвращался изъ дворца Государева; вздыхалъ ли онъ, плакалъ ли онъ — не произносилъ ли пихонько ея имени? Посланный не могъ опвѣчашъ ни *да*, ни *нѣтъ*; ибо онъ хопя и видѣлъ Боярина, но смопрѣлъ на него не проницапельными глазами нѣжной дочери. *Для того, сказала Напалья, для того не могу я превратиться въ невидимку или въ маленькую птичку, чтобы слетать въ Москву бѣлокаменную, взглянуть на родителя,*

поцѣловать руку его, вырочить на нее слезу горючую, и возвратиться къ милому моему другу? — „Ахъ нѣтъ! я не пустилъ бы тебя! отвѣчалъ Алексѣй: почему знаешь, что бы могло съ побою случиться? Нѣтъ, мой другъ! я не могу и вздумать о разлукѣ — а ты можешь!“ — Напалья почувствовала нѣжную укоризну, и оправдалась передъ супругомъ улыбкою, слезами и поцѣлуемъ.

Теперь надлежало бы мнѣ описывать щастіе юныхъ супруговъ и любовниковъ, сокрытыхъ лѣснымъ мракомъ отъ цѣлаго свѣта; но вы, которые наслаждаетесь подобнымъ щастіемъ, скажите, можно ли описать его? — Напалья и Алексѣй, живучи въ своемъ уединеніи, не видали, какъ текло или лепѣло время. Часы и минуны, дни и ночи, недѣли и мѣсяцы сливались въ пустынь ихъ какъ спруи рѣчныя, не различаемыя глазомъ

человѣческимъ. Ахъ! удовольствія любви бываютьъ всегда одинаковы, но всегда новы и безчисленны. Напалья просыпалась и — любила; вспавала съ постели и — любила; молилась и — любила; что ни думала, все любила и всѣмъ наслаждалась — Алексѣй по же, и чувства ихъ соспавляли восхищительную гармонію.

Но чипапель не долженъ думать, чтобы они въ уединенной жизни своей только смотрѣли другъ на друга и сидѣли опъ упрядо вечера поджавъ руки — нѣтъ! Напалья принялась за рукодѣлье, за пяльцы, и скоро вышила разными шелками и разными узорами двѣ прекрасныя ширинки: первую для милаго супруга, чтобы онъ упиралъ ею бѣлое лице свое, а другую для любезнаго родителя. *Когда нибудь мы поѣдемъ къ нему!* говорила красавица, и пихонько вздыхала. — Что принадлежить до

Алексѣя, по онѣ, сидя подлѣ своей супруги, рисовалѣ перомѣ разные ландшафты и карпинки—любовался шѣмѣ, что нравилось Натальѣ, и старался поправить то, что ей казалось несовершеннымѣ. Такѣ, любезный чипашель! Алексѣй умѣлѣ рисовать, и припомѣ весьма не худо, ибо сама Природа выучила его сему искусству. Онѣ видѣлѣ образѣ кудрявыхѣ деревѣ въ рѣкахѣ прозрачныхѣ, и вздумалѣ означать шѣнь сѣю на бумагѣ; опышѣ былѣ удаченѣ, и скоро чертежи его сдѣлались вѣрными копіями Напуры; не только дерева, но и другіе предметы изображались имѣ сѣ величайшею точностію. Красавица смопрѣла на движеніе руки его, и дивилась, какѣ онѣ могѣ однѣми черпами пера своего представлять разные виды: то рощу дубовую, то башни Московскія, то дворецѣ Государевѣ.— Но Алексѣй уже не сражался сѣ

дикими звѣрями, такъ какъ прежде; ибо они (какъ будто бы изъ уваженія къ прекрасной Напальѣ, новой обипапельницѣ ихъ дремучаго лѣса) не приближались къ жилищу супруговъ, и ревѣли только въ отдаленіи.

Такимъ образомъ прошла зима; снѣгъ растаялъ; рѣки и ручьи зашумѣли, земля опушилась правкою, и зеленые пучечки распустились на деревьяхъ. Алексѣй выбѣжалъ изъ своего домику, сорвалъ первой цвѣпочекъ и принесъ его Напальѣ. Она улыбнулась, поцѣловала своего друга — и въ самую сію минушу запѣли въ лѣсу весеннія ппички. *Ахъ! какая радость! какое веселье!* сказала красавица: — *мой другъ! пойдѣмъ гулять!* — Они пошли, и сѣли на берегу рѣки. „Знаешь ли, сказала Напалья супругу своему — знаешь ли, чпо прошедшею весною не могла я безъ грусти слушать ппичекъ? Теперь мнѣ кажется, буд-

по я ихъ разумѣю и одно съ ними думаю. Посмотри: здѣсь на куспочкѣ похвѣ двѣ пшпички — кажется, малиновки — посмотри, какъ онѣ обнимаются крылышками; онѣ любящѣ другъ друга, такъ, какъ я люблю тебя, мой другъ, и какъ ты меня любишь! Не правда ли?“ Всякой можешъ вообразить себѣ опхвѣщъ Алексѣевъ и разныя удовольствія, которыя весна принесла съ собою для нашихъ пуспынниковъ.

Но нѣжная дочь, наслаждаясь любовью, не забывала и своего родителя. Алексѣй долженъ былъ всякую недѣлю два или три раза посылать въ Москву человека, навѣдывающагося о Бояринѣ Матвѣѣ. Въспи привозились одинакія: Бояринѣ дѣлалъ добрыя дѣла, печалился, кормилъ бѣдныхъ и говорилъ имъ: *Друзья! помолитесь о Матальѣ!* Матальѣ вздыхала, и смотрѣла на образъ.

Однажды возвратился посланный

сѣ великою поспѣшностію. „Госу-
 „дарь! сказалъ онѣ Алексѣю: Моск-
 „ва въ смященіи. Свирѣпые Ли-
 „шовцы возспали на Руское цар-
 „ство. Я видѣлъ, какъ жители пре-
 „дѣльного града собирались пе-
 „редъ дворцомъ Государевымъ, и
 „какъ Бояринъ Машвѣй, именемъ
 „Царя православнаго, ободрялъ вои-
 „новъ; я видѣлъ, какъ полпы народ-
 „ныя бросали вверхъ шапки свои,
 „воскликая въ одинъ голосъ: *ум-
 „ремъ за Царя Государя! умремъ
 „за отечество, или побѣдимъ Ли-
 „товцевъ!* Я видѣлъ, какъ Руское
 „воинство въ ряды спановилось,
 „какъ сверкали его мечи и берды-
 „ши и копья булапныя. Завпра
 „выдешъ оно въ поле, подѣ началь-
 „ствомъ воеводъ храбрѣйшихъ.“ —
 Сердце Алексѣево запрепало;
 кровь закипѣла — онѣ схватилъ со
 спѣсны мечъ опца своего — взгля-
 нулъ на супругу — и мечъ упалъ
 на землю — слезы показались въ

глазахъ его. Напалья взяла его за руку и не говорила ни слова. — „Любезная Напалья! сказалъ Алексѣй по нѣкопоромъ молчаніи: ты желаешь возрашиться въ домъ къ своему родителю?“

Напалья. Съ побою, мой другъ, съ побою! Ахъ! я не смѣла говоришь тебѣ; полько мнѣ всегда казалось, что мы напрасно скрываемся отъ бапюшки. Увидя насъ, онъ пакъ обрадуешся, что все забудешъ; а я возьму за руку тебя и его, заплачу отъ радости, и скажу: *вотъ они; вотъ тѣ, которыхъ люблю—теперь я совершенно щастлива!*

Алексѣй. Но мнѣ надобно заслужишь прежде милость Царскую. Теперь есть къ тому случай.

Напалья. Какой же, мой другъ?

Алексѣй. Ёхать на войну, срашиться съ неприятелями Рускаго царства, и побѣдишь. Царь увидишь тогда, что Любославскіе любящъ

его, и вѣрно служащѣ своему опечесиву.

Маталья. Побдемъ, мой другъ! Лишь бы ты былъ со мною: я всюду гопова.

Алексѣй. чпо ты говоришь, милая Напалья? Тамъ лепающѣ смерпоносныя спрѣлы; тамъ рубяпся мечами: какъ тебѣ вхашь со мною?

Маталья. И такъ ты хочешь меня оставишь? хочешь моей смерти? попому чпо я не могу жить безъ тебя. Давно ли, мой другъ, давно ли говорилъ ты, чпо никогда не покинешь меня? А пеперь думаешь вхашь одинъ, и еще шуда, гдѣ лепающѣ спрѣлы? Кпо защишишь тебя? . . Нѣтъ, ты возьмешь меня съ собою—или бѣдная Напалья не мила уже сердцу швоему!

Алексѣй обнялъ свою супругу. „Побдемъ, сказалъ онъ, побдемъ, и умремъ вмѣстѣ, еспьли такъ Богу

угодно! Только на войнѣ не бываетъ женщинѣ, милая Напалья!“ — Красавица подумала, улыбнулась, пошла въ спальню и заперла за собою дверь. Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ опшуда прекрасной опрокѣ. . . . Алексѣй изумился; но скоро узналъ въ семѣ юномѣ красавцѣ любезную дочь Боярина Машвѣя, и бросился цѣловать ее. Напалья одѣлась въ платье своего супруга, которое носилъ онѣ будучи принадацапи или чепырнадацапи лѣтѣ. „Я меньшей брагѣтвой, сказала она съ усмѣшкою: теперь дай мнѣ только мечь оспрой и копье булапное, шишакѣ, панцырѣ и щипѣ желѣзной — увидишь, что я не хуже мущины.“ — Алексѣй не могѣ нарадоваться своимѣ милымѣ героемѣ, выбралѣ ему самое легкое оружіе, нарядилѣ его въ панцырѣ, сдѣланной изѣ мѣдныхѣ колецѣ (на копорыхѣ) было подписано: *съ нами Богѣ; никто же на*

ны! (*); вооружилъ людей своихъ, гоповыхъ умереть за любезнаго господина; надѣлъ лапы покойнаго опца своего — и черезъ нѣсколько часовъ въ пустынномъ домикѣ оспалась одна Напальина мама съ двумя спариками.

А мы оставимъ на нѣсколько времени супруговъ нашихъ, въ надеждѣ, что Небо не оставитъ ихъ, и будетъ имъ защипою въ опасностяхъ, шамъ, гдѣ лепаютъ смертоносныя спрѣлы, гдѣ мечи сверкаютъ какъ молніи, гдѣ копья прещаютъ и ломаются, гдѣ кровь человѣческая льется рѣками, гдѣ герои умираютъ за свое отечество и дѣлаются бессмертными. Возвратимся въ Москву — шамъ началась наша исторія, шамъ должно ей и кончиться.

(*) Въ оружейной Московской Палатѣ я видѣлъ много панцрей съ сею надписью.

Увы! какая пуста в столицах Российской! Все тихо, все печально. На улицах не видно никого, кроме слабых спарцев и женщин, которые с унылыми лицами идут в церковь, молят Бога, чтобы Он отвратил грозную пучу от Русского царства, даровал победу православным войнам, и разбил сонмы Липовские. Добросердечный, чувствительный Царь стоит на высоком крыльце своем, и с нетерпением ожидает встать от начальников войска, пошедшего на встречу врагам многочисленным. Боярин Мамвэй неразлучен с Царем благочестивым. „Государь! говорит он: надѣйся на Бога и на храбрость своих поданных, храбрость, которая оплачивает их от всех иных народов. Спрашно разяты мечи Российские; шверда, подобно камню, грудь сынов своих — победа будет всегда верною их подругою“ —.

Такъ говорилъ Бояринъ ; думалъ о благѣ опечества — и вздыхалъ о своей дочери.

Въ пошу, въ пыли прискакалъ вѣстникъ — Царь встрѣчаетъ его на половинѣ крыльца, и дрожащею рукою развертываетъ письмо военачальниковъ. . . . Первое слово есть *побѣда!* — *Побѣда!* восклицаетъ онъ въ радости — *побѣда!* восклицаютъ Бояре — *побѣда!* народъ повсюду — и во всемъ царствѣ — и во всѣхъ сердцахъ было одно чувство: *радость!*

Начальники доносили Государю обо всемъ съ величайшею подробностью. Сраженіе было самое жестокое. Уже первый рядъ Рускаго воинства, шѣснимый безчисленнымъ множествомъ Липовцевъ, начиналъ колебаться, и хотѣлъ уступить врагу сильнѣйшему; но вдругъ какъ громъ загремѣлъ голосъ: *умремъ или побѣдимъ!* и въ то же мгнове-

ніе опѣ рядовъ Россійскихъ отдѣлился молодой воинъ, и съ мечемъ въ рукѣ бросился на непріятелей; за нимъ бросились и другіе; все воинство двинулось, и восклицая: *умремъ или побѣдимъ!* успремилось какъ буря на Липовцевъ, копорые, не взирая на великое число свое, скоро побѣжали и разсѣялись. „Мы не можемъ, писали начальники, восхвалишь по достоинству того юнаго воина, копорому принадлежишь вся честь побѣды, и копорой гналъ, разилъ непріятелей, и собственною рукою плѣнилъ ихъ предводителя. Повсюду слѣдовалъ за нимъ братель его, прекрасной опрокъ, и закрывалъ его щипомъ своимъ. Онъ не хочешъ объявишь имени своего никому, кромѣ шебя Государя.—Побѣжденные Липовцы спѣшають изъ предѣловъ Россіи, и скоро воинство пвсе возвратишься со славою во градъ Москву. Мы сами представимъ Царю непобѣдимаго

юношу, спасишеля опечества, и до-
спойнаго всей швоей милоспи.“ --

Царь съ неперпбнїемъ ожидалъ
своихъ героевъ, и выѣхалъ встрѣ-
пипшь ихъ въ поле, вмѣстѣ съ Бо-
яриномъ Машвѣемъ и съ другими
чиновниками. Въ Москвѣ никого не
оспалось; слабые спарцы, забывъ
слабость свою, спѣшили за городъ
на встрѣчу къ своимъ дѣшямъ; суп-
руги и мапери, неся младенцовъ
или ведя ихъ за руки, спѣшили шу-
да же. Первый рядъ воинспва по-
казался, — впорой и препій; раз-
ноцвѣпныя знамена вѣяли надъ оны-
ми: воины шли съ обнаженными
мечами, ровнымъ шагомъ; назади
ѣхали конные — впереди начальни-
ки, подъ сѣнію профеевъ. Увидѣли
Государя, и восклицанїя: *побѣда и*
здравїе Царю Россїи кому! загре-
мѣли въ воздухъ. Воеводы упали
передъ нимъ на колѣна. Онъ под-
нялъ ихъ и сказалъ съ улыбкою ми-
лоспи: *благодарю ваъ и менельб оте-*

тества.— „Государь! опвѣчали они: мы спарались исполнить должность свою! Но Богъ даровалъ намъ побѣду рукою сего юнаго воина.“ — Тупѣ юный воинѣ, споявшій подлѣ нихъ съ популенными взоромъ, преклонилъ колѣно. *Кто ты, храбрый юноша?* спросилъ Государь, простирая къ нему правую руку свою: *имя твое должно быть славно въ предѣлахъ Русскаго царства.*— „Государь! опвѣчалъ юноша: сынѣ осужденнаго Боярина Любославскаго, скончавшаго дни свои въ спранѣ иновѣрныхъ, приносилъ шебѣ свою голову.“ — Царь поднялъ глаза на небо. „Благодарю Тебя, Боже! (сказалъ онѣ) что Ты посылаешь мнѣ случай хопя опчаспи загладитъ неправосудіе и злобу людей, и за спраданіе невиннаго опца наградилъ dospойнаго сына! Такѣ, храбрый юноша! невинность родипеля швоего опкрылась — къ нещастію, поздно! Увы! я былѣ погда незрѣ-

лымъ опрокѣмъ, и Бояринъ Матвѣй не имѣлъ еще мѣста въ совѣтѣ моемъ. Злые Бояре оклеветали Любославскаго; одинъ изъ нихъ, кончая недавно жизнь свою, признался въ несправедливости доносовъ, по которымъ осудили невиннаго. Видишь слезы мои.—Будь же другомъ Царя своего, первымъ по Бояринъ Матвѣѣ!“—„И пакъ память опца моего, сказалъ Алексѣй, чиспа опѣ поношенія! . . . Но я—я виненъ передъ тобою, Государь великій! я увезъ дочь Боярина Матвѣя изъ родительскаго дому!“—Царь удивился. *Гдѣжь она?* спросилъ онъ съ неперпѣніемъ — — Но Бояринъ нашелъ уже дочь свою: прекрасная Напалья, въ одеждѣ воина, бросилась въ его объятія; шишакъ спалъ съ головы ея, и русые волосы по плечамъ разсыпались. Изумленный, восхищенный родитель не смѣлъ вѣришь сему явленію: но сердце чувствительнаго старца сильнымъ

препепомъ своимъ увбрало его , чпо милая нашлася. Едва могъ онъ перенести радость свою , и упалъ бы на землю, еспьли бы другіе Бояре не поддержали его. Долго не говорилъ онъ ни слова , опустивъ голову на плечо Напаль; наконецъ назвалъ ее именемъ, какъ будто бы желая видѣшь, опкликнется ли она — назвалъ ее своею милою , прекрасною , — и при каждомъ ласковомъ словѣ сіялъ новой лучъ радости на лицѣ его, которе шакъ долго было печальнымъ ! Казалось , будто языкъ его учился произносить давно забытыя имена: споль медленно онъ ихъ выговаривалъ! и повпорялъ спель часпо! Напалья цѣловала его руки. *Ты меня такъ же любишь!* говорила она — *такъ же любишь!* и теплые ручки слезъ договаривали за нее прочее. Все воинство пребывало въ тишинѣ и въ молчаніи. Государь былъ пронупъ сердечно, взялъ Алексѣя за руку и подвелъ его къ Боярину. *Вотъ,*

сказала Напалья—*вотъ супругъ мой! прости его, родитель мой, и люби такъ, какъ меня любишь!* Бояринъ Матвѣй поднялъ голову, посмоп-рѣлъ на Алексѣя и подалъ ему дрожащую руку свою. Молодой чело-вѣкъ хопѣлъ броситься передъ нимъ на колѣни; но спарецъ прижалъ его къ своему сердцу вмѣстѣ съ милою дочерью. . .

Царь. Они достойны другъ дру-га, и будущъ швоимъ ушѣщеніемъ въ спароспи.

„Она дочь моя (сказалъ Бояринъ Матвѣй прерывающимся голосомъ) —онъ сынъ мой— Господи! дай мнѣ умереть въ ихъ объятіяхъ!“

Спарецъ снова прижалъ ихъ къ своему сердцу.

Чипапель вообразилъ себѣ все по-слѣдующее.—Спарушку няню при-везли въ городъ. Бояринъ Матвѣй просилъ ее; и призвавъ къ себѣ по-

го Священника, копорой вѣнчалъ Алексѣя и Напалью, хотѣлъ; чпобы онѣ снова благословилъ ихъ въ его присущствіи. Супруги жили щасливо и пользовались особенною Царскою милоспію. Алексѣй оказалъ важныя услуги своему опечеспву и Государю, услуги, о копорыхъ упоминается въ разныхъ историческихъ рукописяхъ. Благодѣтельной Бояринѣ Машвѣй дожилъ до самой глубокой спароспи, и веселился своею дочерью, своимъ зяпемъ и прекрасными дѣпъми ихъ. Смерпъ явилась ему въ видѣ юнѣйшаго и любезнѣйшаго внука его; онѣ хотѣлъ обнять милаго опрока — и скончался. — Больше я ничего не слыхалъ отъ бабушки моего дѣдушки; но за нѣсколько лѣтѣ передъ симъ, прогуливаясь осенью по берегу Москвы рѣки, близъ темной сосновой роци, нашелъ надгробной камень, заросшій зеленымъ мохомъ и разломленный рукою време-

ни — съ великимъ трудомъ могъ я прочиташъ на немъ слѣдующую надпись: *здѣсь погребенъ Алексѣй Любославской съ своею супругою*. Старые люди сказывали мнѣ, что на семъ мѣстѣ была нѣкогда церковь — вѣроятно, самая та, гдѣ вѣнчались наши любовники, и гдѣ они захопѣли лежать и по смерти своей.

С І Е Р Р А - М О Р Е Н А .

Въ цвѣтущей Андалузїи—шамъ,
гдѣ шумяшъ гордыя пальмы, гдѣ
благоухающъ мирповыя роци, гдѣ
величеспвенный Гвадалквивиръ ка-
пипъ медленно свои воды, гдѣ воз-
выщаепся розмариномъ увѣчанная
Сиерра-Морена (*) — шамъ уви-
дѣлъ я Прекрасную, когда она въ
уныніи, въ горести, спояла подлѣ
Алонзова памяшника, опершись на
него лилейною рукою своею; лучъ
упренняго солнца позлацалъ бѣлую
урну, и возвышалъ прогашельныя
прелести нѣжной Эльвиры; ея ру-
сыя волосы, разсыпаясь по пле-
чамъ, падали на черный мраморъ.

(*) То есть, *черная Гора.*

Эльвира любила юнаго Алонза : Алонзо любилъ Эльвиру , и скоро надѣялся бытъ супругомъ ея ; но корабль , на копоромъ плылъ онъ изъ Маіорки (гдѣ жилъ отецъ его), погибъ въ волнахъ моря. Сія ужасная вѣспь сразила Эльвиру. Жизнь ея была въ опасности. . . . Наконецъ опчаяніе превратилось въ пихую скорбь и помноспь. Она соорудила мраморный памятникъ любимцу души своей , и каждый день орощала его жаркими слезами.

Я смѣшалъ слезы мои съ ея слезами. Она увидѣла въ глазахъ моихъ изображеніе своей горести, въ чувспвахъ сердца моего узнала собственныя свои чувспва , и назвала меня другомъ. Другомъ! . . . Какъ сладоспно было имя сіе въ успахъ любезной! — Я въ первый разъ поцѣловалъ погда руку ея.

Эльвира говорила мнѣ о своемъ незабвенномъ Алонзѣ ; описывала красосу души его , свою любовь ,

свои воспорги, свое блаженство; по помѣ опчаяніе, поску, горесть, и наконецъ — упѣшеніе, опраду, находимую сердцемъ ея въ миломъ дружествѣ. Тупѣ взорѣ Эльвириинѣ блиспалѣ свѣплѣе; розы на лицѣ ея оживлялись и пылали; рука ея съ горячностію пожимала мою руку.

Увы! въ груди моей свирѣпствовало пламя любви: сердце мое сгарало опѣ чувствѣ своихъ; кровь кипѣла — и мнѣ надлежало шайпѣ спраспѣ свою!

Я шайлѣ оную; шайлѣ долго. Языкѣ мой не дерзалѣ именовашѣ пого, чшо пипала въ себѣ душа моя: ибо Эльвира клялась не любипѣ никого, кромѣ своего Алонза; клялась не любипѣ въ другой разѣ. Ужасная кляшва! Она заграждала уста мои.

Мы были неразлучны; гуляли вмѣстѣ на злчныхъ берегахъ величеспвеннаго Гвадалквивира; сидѣли надѣ журчащими его водами, подлѣ горестнаго Алонзова памяшника, въ

пишинѣ и безмолвіи; одни сердца наши говорили. Взоръ Эльвириной, вспрѣчаясь съ моимъ, опускался къ землѣ или обращался на небо. Два вздоха вылетали, соединялись, и мѣшаясь съ зефиромъ, исчезали въ пространствахъ воздуха. Жаръ дружескихъ моихъ объятий возбуждалъ иногда прелесть въ нѣжной Эльвириной груди — быстрый огонь разливался по лицу прекрасной — я чувствовалъ скорое бѣненіе пульса ея — чувствовалъ, какъ она хотѣла успокоиться, хотѣла удержати стремленіе крови своей, хотѣла говорить... но слова на устахъ замирали. — Я мучился и наслаждался.

Часто темная ночь заспигала насъ въ отдаленномъ уединеніи. Звучное эхо повторяло шумъ водопадовъ, который раздавался между высокихъ утесовъ Сьерры - Морены, въ ея глубокихъ расщелинахъ и долинахъ. Сильные вѣтры волновали

и крупили воздухъ; багряныя молніи вились на черномъ небѣ, или блѣдная луна надѣ сѣдыми облаками восходила. — Эльвира любила ужасы Напуры: они возвеличивали, восхищали, пипали ея душу.

Я былъ съ нею! . . . и радовался сгущенію ночныхъ мраковъ. Они сближали сердца наши; они скрывали Эльвиру отъ всей Природы — и я шѣмъ живѣе, шѣмъ *нераздѣльнѣе* наслаждался ея присущіемъ.

Ахъ! можно сражаться съ сердцемъ, долго и упорно; но кто побѣдитъ его? — Бурное спремленіе яростныхъ водъ разрываетъ всѣ оплопы, и каменныя горы распадаются отъ силы огненнаго вещества, въ ихъ нѣдрахъ заключеннаго.

Сила чувствъ моихъ все преодолѣла, и долго-шаймая спрасъ излилась въ нѣжномъ признаніи!

Я споялъ на колѣняхъ, и слезы

мои щеки рѣкою. Эльвира блѣднѣла — и снова уподоблялась розѣ. Знаки страха, сомнѣнія, скорби, нѣжной помноты, мѣнялись на лицѣ ея! . . .

Она подала мнѣ руку, съ умильнымъ взоромъ. — „Жесткокой!“ сказала Эльвира — но сладкой голосъ ея смягчилъ всю жестокость сего упрека — „жесткокой! ты не доволенъ кропкими чувствами дружбы; ты принуждаешь меня нарушить обѣтъ священный и порже-спвенный! . . . Пусть же громы небесные поразятъ клятвопреспуницу! . . . Я люблю себя!“ . . . Огненные поцѣлуи мои запечатали уста ея.

Боже мой! . . . Сія минуца была щасливѣйшею моею жизни!

Эльвира пошла къ Алонзову памянику, спала передъ нимъ на колѣни, и обнимая бѣлую урну, сказала прогашельнымъ голосомъ: „Тѣнь любезнаго Алонза! проспишь

ли свою Эльвиру? . . . Я клялась вѣчно любить себя, и вѣчно любить не преспану; образъ твой сохранится въ моемъ сердцѣ; всякой день буду украшать цвѣтами твой памятникъ; слезы мои будутъ всегда мѣшаться съ упреннею и вечернею росою на семъ хладномъ мраморѣ! — Но я клялась еще не любить никого, кромѣ себя. . . . и люблю! . . . Увы! я надѣялась на сердце свое, и поздно увидѣла опасность! Оно посковало — было одно въ проспранномъ мирѣ — искало утѣшенія — дружба явилась ему въ вѣнцѣ невинности и добродѣтели. . . . Ахъ! . . . любезная пѣнь! проспишь ли свою Эльвиру?“

Любовь моя была краснорѣчива: я успокоилъ милую, и всѣ облака исчезли въ Ангельскихъ очахъ ея.

Эльвира назначила день для нашего вѣчнаго соединенія, предалась нѣжнымъ чувспвамъ своимъ, и я наслаждался небомъ! — Но громъ

собирался надѣ нами. . . . Рука моя
препещеи!

Все радовалось въ Эльвириномѣ
замкѣ; все готовилось къ брачному
пиршеству. Ея родственники лю-
били меня — Андалузія должен-
ствовала бытъ впорымъ моимъ
опечесивомъ!

Уже розы и лиліи на олшарѣ
благоухали, и я приблизился къ
оному съ прелестною Эльвирою,
съ воспоргомъ въ душѣ, съ слад-
кимъ препешомъ въ сердцѣ; уже
священникъ готовился утвердитъ
союзъ нашъ своимъ благословеніемъ
— какъ вдругъ явился незнакомецъ,
въ черной одеждѣ, съ блѣднымъ ли-
цемъ, съ мрачнымъ видомъ; кин-
жалъ блиспалъ въ рукѣ его. „Вѣ-
роломная!“ сказалъ онъ Эльвирѣ:
„ты клялась бытъ вѣчно моею, и
забыла свою кляпву! Я клялся лю-
бить тебя до гроба: умираю. . . .
и люблю!“ . . . Уже кровь лилась
изъ его сердца: онъ вонзилъ кин-

жалъ въ грудь свою, и палъ мертвый на помостъ храма.

Эльвира, какъ громомъ пораженная, въ испугѣ, въ ужасѣ воскликнула: „Алонзо! Алонзо!“ . . . и лишилась памяти. — Всѣ спояли неподвижно. Внезапность спрашнаго явленія изумила присушествующихъ.

Сей блѣдный незнакомецъ, сей грозный самоубійца, былъ Алонзо. Корабль, на копоромъ онъ плылъ изъ Маіорки, погибъ; но Алжирцы извлекли юношу изъ волнъ, чптобы оковать его цѣпями пяжкой неволи. Черезъ годъ онъ получилъ свободу — летѣлъ къ предмету любви своей — услышалъ о замужствѣ Эльвириномъ, и рѣшился наказать ее. . . . своею смертію.

Я вынесъ Эльвиру изъ храма. Она пришла въ себя — но пламя любви навѣкъ угасло въ очахъ и сердцѣ ея.

„Небо спрашно наказало клятво-

преступницу“, сказала мнѣ Эльвира: „я убійца Алонзова! Кровь его палилѣ меня. Удалилѣ оплѣ нещасливой! Земля разспуилася между нами, и щещино будешь проспирапѣ ко мнѣ руки свои! Бездна раздѣлила насѣ навѣрки. Можешь полъко вѣорами своими расправляпѣ неизлечимую рану моего сердца. Удалилѣ оплѣ нещасливой!“

Моя гореспѣ, мое опчаянїе не могли пронупѣ ее. — Эльвира погребла нещасливаго Алонза на помѣ мѣстѣ, гдѣ оплакивала нѣкогда мнимую смерпѣ его, и заключилася вѣ спрочайшемѣ изѣ женскихѣ монастырей. Увы! она не хотѣла проспишѣся со мною! . . . не хотѣла, чшобы я вѣ послѣднїй разѣ обнялѣ ее со всею горячностїю любви, и видѣлѣ вѣ глазахѣ ея хопя одно сожалѣнїе о моей учаспи!

Я былѣ вѣ изспупленїи—искалѣ вѣ себѣ чувспвишельнаго сердца; но сердце подобно камню лежало вѣ

груди моей — искалъ слезъ, и не находилъ ихъ — мершвое, спрашное уединеніе окръжало меня.

День и ночь слились для глазъ моихъ въ вѣчной сумракъ. Долго не зналъ я ни сна, ни отдохновенія; скипался по шѣмъ мѣстамъ, гдѣ бывалъ вмѣспѣ — съ жестокою и нещасною; хотѣлъ найпи слѣды, оспашки, часпи *моей* Эльвиры, напечаплѣнія души ея. . . . но хладъ и пьма вездѣ меня вспрѣчали!

Иногда приближался я къ уединеннымъ спѣнамъ шого монаспыря, гдѣ заключилась неумолимая Эльвира: — шамъ грозныя башни возвышались, желѣзные запоры на врапахъ чернѣлись, вѣчное безмолвіе обипало, и какой-по унылой голосъ вѣщаль мнѣ: „для тебя уже нѣшъ Эльвиры!“

Наконецъ я удалился отъ Сьерры-Морены — оставилъ Андалузю, Гишпанію, Европу — видѣлъ печальные оспашки древней Пальми-

ры, нѣкогда славной и великолѣпной — и шамъ, опершись на развалины, внималъ глубокой, краснорѣчивой пишинѣ, царспвующей въ семъ запусѣннѣи, и одними громами прерываемой. Тамъ, въ объяпяхъ меланхоли, сердце мое размягчилось — шамъ слеза моя оросила сухое плѣнѣе — шамъ, помышляя о жизни и смерти народовъ, живо возчувспвовалъ я суешу всего подлуннаго, и сказалъ самому себѣ: „Чпо еспъ жизнь человѣческая? Чпо бынѣе наше? Единъ мигъ, и все исчезнѣт! Улыбка щаспѣя и слезы бѣдспвѣя покроюпся единою горспѣю черной земли!“ — Си мысли чудеснымъ образомъ успокоили мою душу.

Я возврапился въ Европу, и былъ нѣкопорое время игралищемъ злобы людей, нѣкогда мною любимыхъ; хотѣлъ еще видѣть Андалузю, Сиерру-Морену, и узналъ, что Эльвира преселилась уже въ обипели

небесныя; пролилъ слезы на ея могилѣ, и обперъ ихъ навѣки.

Хладный міръ! я шебя оставилъ!
— Безумныя существа, человеками именуемыя! я васъ оставилъ! Свирѣпспвуйше въ люпыхъ своихъ испупленіяхъ, терзайте, умерщвляйте другъ друга! Сердце мое для васъ мертво, и судьба ваша его не прогаешъ.

Живу шеперь въ спранѣ печальнаго сѣвера, гдѣ глаза мои въ первой разѣ озарились лучемъ солнечнымъ; гдѣ величественная Напура изъ нѣдръ безчувствія приняла меня въ свои объятія и включила въ систему *эфемернаго* бытія.— живу въ уединеніи, и внимаю бурямъ.

Тихая ночь — вѣчной покой — святое безмолвіе! къ вамъ, къ вамъ проспираю мои объятія!

ОСТРОВЪ БОРНГОЛЬМЪ.

Друзья! прошло красное лѣто ;
злапая осень поблѣднѣла ; зелень
увяла ; деревья спояпѣ безъ плодовъ
и безъ лиспьевъ ; шуманное небо
волнуется какъ мрачное море ; зим-
ній пухъ сыплется на хладную зем-
лю — просшимся съ Природою до
радоспнаго весенняго свиданія ; укро-
емся опѣ вьюгѣ и мяпелей — укро-
емся въ шихомѣ кабинетѣ сво-
емѣ ! Время не должно пягопипѣ
нашѣ ; мы знаемъ лекарство опѣ
скуки. Друзья ! дубѣ и береза пы-
лаютѣ въ каминѣ нашемѣ — пусть
свирѣпспвуется вѣшерѣ , и засы-
паютѣ окна бѣлымѣ снѣгомѣ ! Ся-
демѣ вокругѣ алаго огня , и будемѣ
разсказывать другѣ другу сказки и
повѣспи и всякія были.

Вы знаете, что я спрансповалъ въ чужихъ земляхъ, далеко, далеко опъ моего опечеспва, далеко опъ васъ, любезныхъ моему сердцу; видѣлъ много чуднаго, слышалъ много удивительнаго; многое вамъ рассказывалъ, но не могъ рассказать всего, что случилось со мною. Слушайте — я повѣспвую — повѣспвую истину, не выдумку.

Англія была крайнимъ предѣломъ моего пупешеспвія. Тамъ сказалъ я самому себѣ: „опечеспво и друзья „ожидающъ тебя; время успокоишь- ся въ ихъ объятіяхъ; время посвя- „шишь спранническій жезлъ пвой „сыну Майну (*); время повѣспшь „его на густѣйшую вѣпвь шого „дерева, подѣ копорымъ игралъ пы „въ юныхъ лѣпахъ своихъ“ — ска-

(*) Во времена древности спранники, возвращаясь въ опечеспво, посвящали жезлы свои Меркурію.

залъ, и сѣлъ въ Лондонѣ на корабль *Британію*, чѣобы плыть къ любезнымъ спранамъ Россіи.

Быспро капились мы на бѣлыхъ парусахъ вдоль цвѣшущихъ береговъ величественной Темзы. Уже безпредѣльное море засинѣлось передъ нами; уже слышали мы шумъ его волненія — но вдругъ перемѣнился въперъ, и корабль нашъ, въ ожиданіи благопріятнѣйшаго времени, долженъ былъ остановиться прошивъ мѣстечка Гревзенда.

Вмѣстѣ съ Капитаномъ вышелъ я на берегъ; гулялъ съ покойнымъ сердцемъ по зеленымъ лугамъ, украшеннымъ Природою и прудолубиемъ, — мѣстамъ рѣдкимъ и живописнымъ; наконецъ, упомленный жаромъ солнечнымъ, легъ на праву, подъ сполѣпнимъ вязомъ, близъ морскаго берега, и смолѣлъ на влажное проспанство, на пѣнистые валы, которые въ безчисленныхъ рядахъ изъ мрачной опдален-

ности неслися къ острову съ глухимъ ревомъ. Сей унылой шумъ и видъ необозримыхъ водъ начинали склоняпъ меня къ пош дремотѣ, къ пому сладоспному бездѣйспвію души, въ которомъ всѣ идеи и всѣ чувства оспанавливаюпся и цѣпенѣюпъ, подобно вдругѣ замерзающимъ ключевымъ струямъ, и которое еспъ самой разипельнѣйшій и самой піипической образъ смерпи; но вдругѣ вѣспъви попряслись надъ моею головою. . . . Я взглянулъ и увидѣлъ — молодаго человекъ, худаго, блѣднаго, помнаго — болѣе привидѣніе, нежели человекъ. Въ одной рукѣ держалъ онъ гипару, другою срывалъ листочки съ дерева, и смотрѣлъ на синее море неподвижными черными глазами своими, въ которыхъ сіялъ послѣдній лучъ угасающей жизни. Взоръ мой не могъ вспрѣшпиться съ его взоромъ; чувства его были мерпвы для внѣшнихъ предметовъ; онъ

споялъ въ двухъ шагахъ отъ меня, но не видалъ ничего, не слыжалъ ничего.— Нещасной молодой чело-вѣкъ! думалъ я: пы убилъ рокомъ. Не знаю ни имени, ни рода пвоего; но знаю, что пы нещасливъ!

Онъ вздохнулъ; поднялъ глаза къ небу, — опустилъ ихъ опять на волны морскія — опошелъ отъ де-рева, сѣлъ на праву, заигралъ на своей гитарѣ печальную прелюдію, смотря безпреспанно на море, и запѣлъ пихимъ голосомъ слѣдую-щую пѣсню (на Дапскомъ языкѣ; копорому училъ меня въ Женевѣ пріяпель мой Докпоръ N. N.):

Законь осуждаютъ
Предметъ моей любви;
Но кпю, о сердце! можеть
Прошивишься тебѣ?

Какой законъ свяпѣ
Твоихъ врожденныхъ чувствѣ?
Какая власшь сильнѣ
Любви и красопы?

Люблю, — любишь вѣкъ буду.
 Кляните спрась мою,
 Безжалосныя души,
 Жестокія сердца!

Священная Природа!
 Твой нѣжный другъ и сынъ
 Невиненъ предъ тобою.
 Ты сердце мнѣ дала;

Твои дары благіе
 Украсили ее—
 Природа, ты жопѣла,
 Чшобъ Лилу я любилъ!

Твой громъ гремѣлъ надъ нами,
 Но насъ не поражалъ,
 Когда мы наслаждались
 Въ объятіяхъ любви. —

О Борнгольмъ, милый Борнгольмъ!
 Къ шебъ моя душа
 Спремитъя безпрестанно;
 Но щещно слезы лью,

Томлюся и вздыхаю!
 Навѣкъ я удаленъ
 Родительскою кляпвой
 Ошъ береговъ твоихъ!

Еще ли ты, о Лиля!
 Живешь въ поскѣ своей?
 Или я въ волнахъ шумящихъ
 Скончала злую жизнь?

Явися мнѣ, явися,
 Любезнѣйшая пѣнь;
 Я самъ въ волнахъ шумящихъ
 Съ тобою погребусь.

Тупѣ, по невольному внушреннему движенію, хотѣлъ я броситься къ незнакомцу, и прижать его къ сердцу своему; но Капитанъ мой въ самую сію минушу взялъ меня за руку, и сказалъ, что благопріятный вѣтеръ развѣваеиъ наши парусы, и что намъ не должно терять времени. — Мы поплыли. Молодой человекъ, бросивъ гипару и сложивъ руки, смотрѣлъ въ слѣдъ за нами, — смотрѣлъ на синее море. —

Волны пѣнились подъ рулемъ корабля нашего; берегъ Гревзендской скрылся въ опдаленіи; сѣверныя провинціи Англіи чернѣлись на дру-

гомъ краю горизонта — наконецъ все исчезло, и пищицы, копорыя долго вились надъ нами, полетѣли назадъ къ берегу, какъ будто бы успрашенныя необозримою моря. Волненіе шумныхъ водъ и шуманное небо оспались единспвеннымъ предметомъ глазъ нашихъ, предметомъ величеспвеннымъ и спрашнымъ. — Друзья мои! чпобы живо чувспвовашъ всю дерзоспть человѣческаго духа, надобно бытъ на опкрышомъ морѣ, гдѣ *одна тонкая дощетка*, какъ говоришъ Виландъ, *отдѣляетъ насъ отъ влажной смерти*; но гдѣ искусный пловецъ, распуская парусы, лешипъ, и въ мысляхъ своихъ видипъ уже блескъ золота, копорымъ въ другой часпи міра наградинся смѣлая его предпримчивоспть. Nil mortali-bus arduum est—*нѣтъ для смертныхъ невозможнаго*, думалъ я съ Го-раціемъ, перьяясь взоромъ въ безконечности Неппунова царспва.

Но скоро жестокой припадокъ морской болѣзни лишилъ меня чувства. Шестъ дней глаза мои не открывались; и помное сердце, орошаемое пѣною бурныхъ волнъ (*), едва билось въ груди моей. Въ седьмой день я ожилъ, и жопя съ блѣднымъ, но радостнымъ лицемъ вышелъ на палубу. Солнце по числупу лазоревому своду капилось уже къ западу; море, освѣщаемое златыми его лучами, шумѣло; корабль лепѣлъ на всѣхъ парусахъ по гудамъ разсѣкаемыхъ валовъ, которые щепно силились опередить его. Вокругъ насъ, въ разномъ отдаленіи, развѣвались бѣлые, голубые и розовые флаги; а на правой сторонѣ чернѣлось нѣчто подобное землѣ.

Гдѣ мы? спросилъ я у Капитана.
„Плаваніе наше благополучно, ска-

(*) Въ самомъ дѣлѣ пѣна волнъ часто орошала меня, лежащаго почти безъ памяти на палубѣ.

залъ онъ: мы прошли Зундъ; берега Швеціи скрылись опъ глазъ нашихъ. На правой споронѣ видите вы Датской оспровъ Борнгольмъ, мѣсто опасное для кораблей; памъ мѣли и камни шаяпся на днѣ морскомъ. Когда наспушипъ ночь, мы бросимъ якорь.“

Оспровъ Борнгольмъ, оспровъ Борнгольмъ! повпорилъ я въ мысляхъ, и образъ молодаго Гревзендскаго незнакомца оживилъ въ душѣ моей. Печальные звуки и слова пѣсни его опозвались въ моемъ слухѣ. „Они заключающъ въ себѣ шайну сердца его, думалъ я: но кто онъ? Какіе законы осуждающъ любовь несчастнаго? Какая клятва удалила его опъ береговъ Борнгольма, споль ему милаго? Узнаю ли когда нибудь его исторію?“

Между шѣмъ сильной вѣшеръ несъ насъ прямо къ оспрову. Уже опкрылись трезныя скалы его, опкуда съ шумомъ и пѣною сверга-

лись кипящіе ручьи во глубину морскую. Онъ казался со всѣхъ споронъ неприспуннымъ, со всѣхъ споронъ огражденнымъ рукою величественной Напуры; ничего, кромѣ печальнаго, кромѣ спрашнаго, не предспавлялось на сѣдыхъ ушесахъ. Сѣ ужасомъ видѣлъ я шамъ образъ хладной, безмолвной вѣчноспи, образъ неумолимой смерспи, и шого неописаннаго Творческаго могущеспва, передѣ копорымъ все смерпное препешать должно.

Солнце погрузилось вѣ волны — и мы бросили якорь. Вѣтеръ ушпхъ, и море едѣа, едѣа колебалось. Я смопрѣлъ на оспровѣ, копорой какою-шо неизвѣяснимою силою влекѣ меня кѣ берегамъ своимъ; какое-шо шемное предчувспвіе говорило мнѣ: „шамъ можешъ удовлешворпшь своему любопышешву, и Борнгольмъ оспанешся на вѣки вѣ швоей памяспи!“ — Наконецѣ, узнавѣ, что не далеко опѣ берега еспъ рыбащп

хижины, рѣшилъ я просить у Каппана шляпки и бѣхъ на островѣ съ двумя или тремя мапрозами. Онъ говорилъ объ опасности, о подводныхъ камняхъ; но видя непреклонность своего пассажира, согласился исполнить мое требованіе, съ пѣмъ условіемъ, чтобы я на другой день рано поутру на корабль возвратился.

Мы поплыли, и благополучно пристали къ берегу, въ небольшомъ бухомъ заливѣ. Тутъ встрѣтили насъ рыбаки, люди грубые и дикіе, выросшіе на холодной степи, подъ шумомъ валовъ морскихъ, и незнакомые съ улыбкою дружелюбнаго привѣтствія; впрочемъ не хитрые и не злые люди. Услышавъ, что мы желаемъ посмотрѣть островъ и ночевать въ ихъ хижинахъ, они привязали нашу лодку, и повели насъ, сквозь распавшуюся кремнистую гору, къ своимъ жилищамъ. Черезъ полчаса вышли мы на про-

спранныю, зеленую равнину, гдѣ, подобно какъ на долинахъ Альпійскихъ, разсѣяны были низенькіе деревянные домики, рощицы и громады камней. Тутъ оставилъ я своихъ мапировъ, а самъ пошелъ далѣе, чшобы насладаться еще нѣсколько времени пріяпноснями вечера; мальчикъ, лѣтъ одинадцати, былъ проводникомъ моимъ.

Алая заря не угасла еще на свѣпломъ небѣ; розовой свѣтлѣ ея сыпался на бѣлые гранипы, и вдали, за высокимъ холмомъ, освѣщаль осприя башни древняго замка. Мальчикъ не могъ сказать мнѣ, кому принадлежалъ сей замокъ. „Мы шуда не ходимъ, говорилъ онъ, — и Богъ знаетъ, что шамъ дѣлаешя!“ — Я удвоилъ шаги свои, и скоро приблизился къ большому гопическому зданію, окруженному глубокимъ рвомъ и высокою стѣною. Вездѣ царшвовала пишина; вдали шумѣло море; послѣдній лучъ

вечерняго свѣта угасаль на мѣд-
ныхъ шпичахъ башенъ.

Я обошелъ вокругъ замка — во-
ропа были запершы, мосты подня-
шы. Проводникъ мой боялся, самъ
не зная чего, и просилъ меня иппи
назадъ къ хижинамъ; но могъ ли
любопытной человѣкъ уважить па-
кую прозѣбу?

Наспутила ночь, и вдругъ раз-
дался голосъ — эхо повпорило его,
и опяшь все умолкло. Мальчикъ
отъ страха схватилъ меня обви-
ми руками, и дрожалъ какъ пресуп-
никъ въ часъ казни. Черезъ ми-
нупу снова раздался голосъ — спра-
шивали: *кто тамъ?* Чужеземецъ,
сказаль я, приведенный любопыт-
ствомъ на сей оспровъ; и еспльи
госпепрїимство почипаеетъ добро-
дѣшелю въ стѣнахъ вашего замка,
по вы укроете спранника на пем-
ное время ночи. — Опвѣта не было;
но черезъ нѣсколько минутъ загре-
мѣль и опустился съ верху башни

подъемной мостъ : съ шумомъ оп-
ворились воропа — высокой чело-
вѣкъ, въ длинномъ черномъ плащѣ,
вспрѣпилъ меня, взялъ за руку
и повелъ въ замокъ. Я оборотился
назадъ : но мальчикъ, провожапой
мой, скрылся.

Воропа хлопнули за нами; мостъ
загремѣлъ и поднялся. Черезъ об-
ширной дворъ, заросшій куспар-
никомъ, крапивою и полынью, при-
шли мы къ огромному дому, въ ко-
поромъ свѣпился огонь. Высокой пе-
риспиль въ древнемъ вкусѣ велъ къ
желѣзному крыльцу, котораго спу-
сени звучали подъ ногами нашими.
Вездѣ было мрачно и пусто. Въ пер-
вой залѣ, окруженной внутри го-
пической колонадою, висѣла лампа-
да, и едеа, едва изливала блѣдный
свѣтъ на ряды позлащенныхъ спол-
повъ, копорые опъ древности на-
чинали разрушаться ; въ одномъ
мѣстѣ лежали части карниза, въ

другомъ опломки пиласпровѣ, въ шрепьемѣ цѣлыя упавшія колонны. Пушеводисель мой нѣсколько разѣ взглядывалѣ на меня проницательными глазами, но не говорилѣ ни слова.

Все сіе сдѣлало въ сердцѣ моемъ странное впечатлѣніе, смѣшенное опчаспи сѣ ужасомѣ, опчаспи сѣ шайнымѣ неизвѣснымѣ удовольствіемѣ, или лучше сказашѣ, сѣ пріятнымѣ ожиданіемѣ чего-шо чрезвычайнаго.

Мы прошли еще черезѣ двѣ или три залы, подобныя первой, и освѣщенныя шакими же лампадами. По помѣ опворилась дверь на право — въ углу небольшой комнапы сидѣлѣ почтенной сѣдовласой спарецѣ, облокопившись на сполѣ, гдѣ горѣли двѣ бѣлыя восковыя свѣчи. Онѣ поднялѣ голову, взглянулѣ на меня сѣ нѣкопорою печальною ласкою, подалѣ мнѣ слабую свою руку, и сказалѣ шихимѣ, пріятнымѣ голосомѣ: „Хопя вѣчная гореспѣ обипаешѣ въ

спбнахъ здбшняго замка, но спранникъ, пребующій госпепрїимспва, всегда найдешъ въ немъ мирное приспанище. Чужеземецъ! я не знаю шебя; но ты человекъ — въ умирающемъ сердцб моемъ жива еще любовь къ людямъ — мой домъ, мой оббпяпя шебб опверспы. “ — Онб обнялб, посадилб меня, и спараясь развеселилб мрачный видб свой, уподоблялся хопя ясному, но хладному осеннему дню, копорой напоминаешб болбе гореспную зиму, нежели радоспное лбтю. Ему хопблось быпъ привбпливымб, — хопблось улыбкаю вселилб въ меня довбренность и прїапнныя чувспва дружелюбїа; но знаки сердечной печали, углубившіеся на лицб его, не могли исчезнуть въ одну минушу.

„Ты долженб, молодой человекъ — сказалб онб — ты долженб извбспипъ меня о происшеспвїяхъ свбпа, мною оспавленного, но еще

не совсѣмъ забышаго. Давно живу я въ уединеніи; давно уже не слышу ничего о судьбѣ людей. Скажи мнѣ, царспвуеѣ ли любовь на земномъ шарѣ? Курипся ли еиміамъ на олпаряхъ добродѣтели? Благодаренспвуютъ ли народы въ спрапахъ, побою видѣнныхъ?“—Сѣѣѣ наукъ, опѣѣчалъ я, распроспраняетспся болѣе и болѣе; но еще спруитспся на землѣ кровь человѣческая—люютсп слезы нещаспныхъ—хвалятсп имя добродѣтели, и спорятсп о сущестѣе ея.—Спарецѣ вздохнулъ и пожалъ плечами.

Узнавъ, что я Россіанинъ, сказалъ онъ: „Мы происходимъ отъ одного народа съ вашимъ. Древніе жипели оспрововъ Рюгена и Борнгольма были Славяне. Но вы прежде насъ озарились свѣѣѣомъ Христіанспва. Уже великолѣпные храмы, единому Богу посвященные, возносились къ облакамъ въ спрапахъ вашихъ; но мы, во мракѣ идо-

лопоклонства, приносили кровавыя жертвы безчувственнымъ испуканамъ. Уже въ поржественныхъ гимнахъ славили вы великаго Творца вселенной; но мы, ослѣпленные заблужденіемъ, хвалили въ нестройныхъ пѣсняхъ идоловъ баснословія.“—Спарецъ говорилъ со мною объ исторіи сѣверныхъ народовъ, о происшествіяхъ древности и новыхъ временъ; говорилъ пакъ, что я долженъ былъ удивляться уму его, знаніямъ, и даже краснорѣчію.

Черезъ полчаса онъ вспалъ и пожелалъ мнѣ доброй ночи. Слуга, въ черномъ плащѣ, взявъ со стола одну свѣчу, повелъ меня черезъ длинныя узкіе переходы — и мы вошли въ большую комнату, обвѣщенную древнимъ оружіемъ, мечами, копьями, лапами и шишаками. Въ углу, подъ золотымъ балдахиномъ, спояла высокая кровать, украшенная рѣзбою и древними барельефами.

Мнѣ хотѣлось предложитъ множество вопросовъ сему человеку; но онѣ, не дожидаясь ихъ, поклонился и ушелъ въ ту минуточку; желѣзная дверь хлопнула — звукъ спрашно раздался въ пустыхъ стѣнахъ — и все утихло. Я легъ на постелю — смотрѣлъ на древнее оружіе, освѣщаемое сквозь маленькое окно слабымъ лучемъ мѣсяца — думалъ о своемъ хозяинѣ, о первыхъ словахъ его: *здѣсь обитаетъ вѣчная горестъ* — мечталъ о временахъ прошедшихъ, о шѣхъ приключеніяхъ, которыми сей древній замокъ бывалъ свидѣтелемъ — мечталъ, подобно такому человеку, который между гробовъ и могилъ взираетъ на прахъ умершихъ, и оживляетъ его въ своемъ воображеніи. — Наконецъ образъ печальнаго Гревзендскаго незнакомца предспавился душѣ моей, и я заснулъ.

Но сонъ мой не былъ покоенъ. Мнѣ казалось, что всѣ лапы, ви-

сѣвція на стѣнѣ, преврапились въ рыцарей; чпо сіи рыцари приближались ко мнѣ съ обнаженными мечами, и съ гнѣвнымъ лицомъ говорили: „Нещасной! какъ дерзнулъ ты приспавъ къ нашему оспрову? Развѣ не блѣднѣюшъ плавапели при видѣ гранипныхъ береговъ его? Какъ дерзнулъ ты войпи въ спрашное свяпилице замка? Развѣ ужасъ его не гремишъ во всѣхъ окрестностяхъ? Развѣ спранникъ не удаляется опѣ грозныхъ его башенъ? Дерзкой! умри за сіе пагубное любопыпство!“ — Уже мечи заспучали надо мною; уже пысячи ударовъ сыпались на грудь мою — но вдругъ все скрылось — я пробудился, и черезъ минушу опяшь заснулъ. Тупѣ новая мечта возмупила духъ мой. Мнѣ казалось, чпо спрашной громъ раздавался въ замкѣ; желѣзныя двери спучали, окна пряслися, полъ колебался, и ужасное крылапое чудовище, ко-

пораго описать не умѣю, съ ревомъ и свиспомъ лепѣло къ моей постелѣ. Сновидѣніе исчезло; но я не могъ уже спать, чувствовалъ нужду въ свѣжемъ воздухѣ, приближился къ окну, увидѣлъ подлѣ него маленькую дверь, отворилъ ее, и по крушой лѣстницѣ — сошелъ въ садъ.

Ночь была ясная; свѣтъ полной луны осребрялъ темную зелень на древнихъ дубахъ и вязахъ, которые составляли густую, длинную алею. Шумъ морскихъ волнъ соединялся съ шумомъ листьевъ, потрясаемыхъ вѣтромъ. Вдали бѣлѣлись каменные горы, которые, подобно зубчатой стѣнѣ, окружаютъ островъ Борнгольмъ; между ими и стѣнами замка видѣнъ былъ съ одной стороны большой лѣсъ, а съ другой открытая равнина и маленькія рожицы.

Сердце все еще билось у меня отъ страшныхъ сновидѣній, и кровь

моя не переставала волноваться. Я вспунилъ въ шемную алею, подъ кровъ шумящихъ дубовъ, и съ нѣкопорымъ благоговѣйнымъ спрахомъ углублялся во мракъ ея. Мысль о Друидахъ возбудилась въ душѣ моей—и мнѣ казалось, что я приближаюсь къ пому свяпилицу, гдѣ храняпса всѣ таинспва и всѣ ужа-сы ихъ богослуженія. Наконецъ сія длинная алея привела меня къ розмариннымъ куспамъ, за копами возвышался песчаной холмъ. Мнѣ хотѣлось взойпи на вершину его, чтообы опшуда при свѣтѣ ясной луны взглянушь на каршину моря и оспрова; но шушь предспавилось глазамъ моимъ отверспіе во внушренность холма. Оно было не велико, и человекъ съ шрудомъ могъ войпи въ него. Непреодоли-мое любопытспво влекло меня въ сію пещеру, копорая походила бо-лѣе на дѣло рукъ человѣческихъ, нежели на произведепіе дикой На

пуры. Я вошелъ — почувствовалъ сырость и холодъ — но рѣшился итти далѣе, и сдѣлавъ шаговъ десясть впередъ, разсмотрѣвъ нѣскольکو ступеней внизъ и широкую желѣзную дверь, копорая, къ моему удивленію, была не заперта. Какъ будто бы невольнымъ образомъ рука моя опворила ее — пупъ, за желѣзною решепкою, на копорой висѣлъ большой замокъ, горѣла лампада, привязанная ко своду; а въ углу, на соломенной поспелъ, лежала молодая, блѣдная женщина въ черномъ плащѣ. Она спала; русые волосы, съ копорыми переплелись желшья соломенки, закрывали высокую грудь ея, едва, едва дышащую; одна рука, бѣлая, но изсохшая, лежала на землѣ, а на другой покоилась голова спящей. Еспьли бы живописецъ хотѣлъ изобразить помнюю, безконечную, всегдашнюю скорбь, осыпанную маковыми цвѣтами Морфея: то сія женщина

могла бы служить прекраснымъ образцомъ для кисти его.

Друзья мои! кого не прогаепъ видѣ несчастнаго? Но видѣ молодой женщины, страдающей въ подземной пещерѣ — видѣ слабѣйшаго и любезнѣйшаго изъ всѣхъ существъ, угнетеннаго судьбою — могъ бы влиять чувство въ самой камень. Я смотрѣлъ на нее съ горестію, и думалъ самъ въ себѣ: „Какая варварская рука лишила тебя дневнаго свѣта? не ужели за какое нибудь тяжкое преступленіе? Но миловидное лице твое, но тихое движеніе груди твоей, но собственное сердце мое, увѣряютъ меня въ твоей невинности!“

Въ самую сію минуту она проснулась — взглянула на решетку — увидѣла меня — изумилась — подняла голову — вспала — приблизилась, — опустила глаза въ землю, какъ будто бы собираясь съ мыслями — снова устремила

ихъ на меня, хотѣла говорить, и — не начинала.

„Естьли чувствительность спранника — (сказалъ я черезъ нѣсколько минутъ краснорѣчиваго молчанія) — рукою судьбы приведеннаго въ здѣшній замокъ и въ эту пещеру, можетъ облегчить твою участь; естьли искреннее его соспранданіе заслуживаетъ твою довѣренность: пребудь его помощи!“ — Она смопрѣла на меня неподвижными глазами, въ которыхъ видно было удивленіе, нѣкоторое любопытство, нерѣшимость и сомнѣніе. Наконецъ, послѣ сильнаго внушрренняго движенія, которое какъ будто бы электрическимъ ударомъ попрясло грудь ея, опвѣчала она твердымъ голосомъ: „Кто бы ты ни былъ; какимъ бы случаемъ ни зашелъ сюда — чужеземецъ! я не могу пребоовать опѣ себя ничего, кромѣ сожалѣнія. Не въ твоихъ силахъ переменить долю мою.

Я лобызаю руку, которая меня наказываетъ.“ — Но сердце швое невинно? сказалъ я: оно конечно не заслуживаетъ шакого жестокаго наказанія? — „Сердце мое, опвѣчала она, могло бытъ въ заблужденіи. Богъ простишь слабую. Надѣюсь, что жизнь моя скоро кончится. Оспавъ меня, незнакомецъ!“ — Тутъ приближилась она къ решеткѣ, взглянула на меня съ ласкою, и тихимъ голосомъ повпорила: „Ради Бога оспавъ меня! . . . Еслии онъ самъ послалъ шебя — нощъ, котораго спрашное проклятіе гремитъ всегда въ моемъ слухѣ — скажи ему, что я спрадаю, спрадаю день и ночь; что сердце мое высохло опъ горести; что слезы не облегчаютъ уже шоски моей. Скажи, что я безъ ропота, безъ жалобъ сношу заключеніе; что я умру его нѣжною, нещасшною“ — — Она вдругъ замолчала, задумалась, удалилась опъ решетки, спала на колѣни, и

закрыла руками лице свое ; черезъ минушу посмотрѣла на меня , снова пошупила глаза въ землю , и сказала съ нѣжною робостію : „ Ты можешь бытъ знаешь мою исторію ; но еспьли не знаешь , по не спрашивай меня — ради Бога не спрашивай ! . . . Чужеземецъ , проспи ! “ — Я хотѣлъ иппи , сказавъ ей нѣсколько словъ , излившихся прямо изъ души моей ; но взоръ мой еще вспрѣшился съ ея взоромъ — и мнѣ показалось , что она хочеть узнать отъ меня нѣчто важное для своего сердца . Я оспановился , — ждалъ вопроса ; но онъ , послѣ глубокаго вздоха , умеръ на блѣдныхъ успахъ ея . Мы распались .

Вышедши изъ пещеры , не хотѣлъ я зашворить желѣзной двери , чтобы свѣжій , чистой воздухъ сквозь решетку проникъ въ шемницу и облегчилъ дыханіе несчастной . Упренняя заря алѣла на небѣ ; лпички пробудились ; въперокъ свѣ-

валъ росу съ кусповъ и цвѣпочковъ, копорые росли вокругъ песчаного холма. — Боже мой! думалъ я — Боже мой! какъ гореспно бышь исключеннымъ изъ общеспва живыхъ, вольныхъ, радоспныхъ пварей, копорыми вездѣ населены необозримыя проспранспва Напурры! Въ самомъ сѣверѣ, среди высокихъ мшиспыхъ скалъ, ужасныхъ для взора, пвореніе руки Твоей прекрасно, — пвореніе руки Твоей восхищасптъ духъ и сердце. И здѣсь, гдѣ пѣниспья волны отъ начала міра сражаються съ граниспными ушесами, — и здѣсь десница Твоя напечаплѣла живые знаки Творческой любви и благоспи; и здѣсь въ часъ ушпа розы цвѣшуптъ на лазоревомъ небѣ; и здѣсь нѣжные зефиры дышасптъ аромапами; и здѣсь зеленые ковры расппилающся какъ мягкой бархасптъ подъ ногами человѣка; и здѣсь поющптъ ппички — поющптъ весело для веселаго,

печально для печальнаго, пріятно для всякаго; и здѣсь скорбящее сердце въ объятіяхъ чувствительной Природы можетъ облегчиться отъ бремени своихъ горестей! Но — бѣдная, заключенная въ шемницѣ, не имѣетъ сего утѣшенія; роса утренняя не окропляетъ ея помнаго сердца; вѣтерокъ не освѣжаетъ исплѣвшей груди; лучи солнечные не озаряютъ помраченныхъ глазъ ея; пихія, бальзамическія изліянія луны не пипаютъ души ея кропкими сновидѣніями и пріятными мечтами. Творецъ! почею даровалъ Ты людямъ гибельную власть дѣлать несчастными другъ друга и самихъ себя? — — Силы мои ослабѣли и глаза закрылись, подѣ вѣтвями высокаго дуба, на мягкой зелени. Сонъ мой продолжался около двухъ часовъ.

„Дверь была отворена; чужестранецъ входилъ въ пещеру“ — вопль чпо слышалъ я, проснувшись

— открылъ глаза и увидѣлъ старца, хозяина своего; онъ сидѣлъ въ задумчивости на дерновой лавкѣ, шагахъ въ пяти отъ меня; подлѣ него споялъ попъ чловѣкъ, копорой ввелъ меня въ замокъ. Я подошелъ къ нимъ. Старецъ взглянулъ на меня съ нѣкопорою суровостию; вспалъ, пожалъ мою руку — и видѣ его сдѣлался ласковѣе. Мы вошли вмѣстѣ въ густую алею, не говоря ни слова. Казалось, что онъ въ душѣ своей колебался, и былъ въ нерѣшимости; но вдругъ оспановился, и успремивъ на меня проницапельный, огненный взоръ, спросилъ пвердымъ голосомъ: *ты видѣлъ се?* — Видѣлъ, отпвѣчалъ я, видѣлъ, не узнавъ, кто она, и за что спрадасть въ шемницѣ. — Узнаешь, сказалъ онъ, узнаешь, молодой чловѣкъ, и сердце швое обольепся кровію. Тогда спросишь у самого себя: за что Небо изліяло всю чашу гнѣна Своего на сего слабаго, сѣдаго

спарца; спарца, копорой любилъ добродѣшель; копорой чпилъ святыя законы Его? — Мы сѣли подѣ деревомъ, и спарецъ разсказалъ мнѣ ужаснѣйшую испорію — испорію, копорой вы теперь не услышите, друзья мои; она оспаешся до другаго времени. На сей разъ скажу вамъ одно по, что я узналъ шайну Гревзендскаго незнакомца, — шайну спрашную! —

Маппрозы дожидались меня у воротъ замка. Мы возврапились на корабль, подняли парусы, и Борнгольмъ скрылся отъ глазъ нашихъ.

Море шумѣло. Въ горесшной задумчивости споялъ я на палубѣ, взявшись рукою за мачпу. Вздохи пѣснили грудь мою — наконецъ я взглянулъ на небо, — и вѣперъ свѣялъ въ море слезу мою.

МАРѢА ПОСАДНИЦА,
ИЛИ
ПОКОРЕНІЕ НОВАГОРОДА.

Историческая Повѣсть.

(Вошъ одинъ изъ самыхъ важнѣйшихъ случаевъ Россійской Истории! говоришь Издашель сей повѣсти. Мудрый Іоаннъ долженъ былъ для славы и силы отечества присоединить область Новгородскую къ своей Державѣ: хвала ему! Однакожь сопротивленіе Новгородцевъ не есть бунтъ какихъ нибудь Якобинцевъ: они сражались за древніе свои успавы и права, данныя имъ ошчаспи самими Великими Князьями: на примѣрѣ, Ярославомъ, ушвердшелемъ ихъ вольности. Они поступили полько безразсудно: имъ должно было предвидѣть, что сопротивленіе обратшся въ гибель Новугороду, и благоразуміе шребовало ошъ нихъ охошной жершвы.

Въ нашихъ лѣтописяхъ мало подробностей сего великаго происшествія; но случай доставилъ мнѣ въ руки старинный манускриптъ, копорый сообщаю здѣсь любителямъ Истории и — сказокъ, исправивъ только слогъ его, темный и невразумительный. Думаю, что это писано однимъ изъ знашныхъ Новгородцевъ, переселенныхъ Великимъ Княземъ Иоанномъ Васильевичемъ въ другіе города. Всѣ главныя происшествія согласны съ Исторіею. И лѣтописи и старинныя пѣсни опдають справедливость великому уму Марѣы Борецкой, сей чудной женщины, копорая умбла овладѣть народомъ и хотѣла (весьма не ксплаши!) бышь Капономъ своей Республики.

Кажешся, что старинный Авторъ сей повѣсти даже и въ душѣ своей не винилъ Иоанна. Это дѣлаеть честь его справедливости, хотя при описаніи нѣкопрыхъ случаевъ кровь Новгородская явно играетъ въ немъ. Тайное побужденіе (motif), данное имъ фанатизму Марѣы, доказываетъ, что онъ видѣлъ въ ней только *страстную*, пылкую, умную, а не великую и не добродѣтельную женщину.)

КНИГА ПЕРВАЯ.

Раздался звукъ *Всего* колокола, и вздрогнули сердца въ Новѣгородѣ. Отцы семействъ вырываются изъ объятій супругъ и дѣтей, чпобы спѣшишь, куда зовешъ ихъ опечесство. Недоумѣніе, любопытство, страхъ и надежда влекутъ гражданъ шумными толпами на великую площадь. Всѣ спрашивають: никто не опвѣстуетъ. . . Тамъ, пропивъ древняго дому Ярославова, уже собралися Посадники съ золотыми на груди медалями, Тысяцкіе съ высокими жезлами, Бояре, Люди Жиные со знаменами и Староспы всѣхъ пяпи Концовъ Новгородскихъ (*) съ серебряными сѣкирами. Но еще не видно никого на мѣстѣ лобномъ или Вадимовомъ (гдѣ возвышался мраморный образъ сего Випязя). Народъ

(*) Такъ назывались части города: Конецъ *Неровскій*, *Гончарскій*, *Славянский*, *Загородскій* и *Плотинскій*.

крикомъ своимъ заглушаетъ звонъ колокола, и пребуетъ открытія Веча. Іосифъ Дблінскій, именитый гражданинъ, бывшій семь разъ Степеннымъ Посадникомъ — и всякой разъ съ новыми услугами опечесиву, съ новою чеспію для своего имени — всходипъ на желбзныя ступени, открываепъ сѣдую, почпенную свою голову, смиренно кланяется народу и говоритъ ему, что Князь Московскій прислалъ въ Великій Новгородъ своего Боярина, копорый желаепъ всенародно объявипъ его пребованія. . . Посадникъ сходипъ — и Бояринъ Іоанновъ яляется на Вадимовомъ мѣспѣ, съ видомъ гордымъ, въ одеждѣ воинской, и мечемъ препоясанный. То былъ Воевода, Князь Холмскій, мужъ благоразумный и пвердый — правая рука Іоаннова въ предпріятіяхъ воинскихъ, око его въ дѣлахъ государспвенныхъ — храбрый въ битвахъ, велерѣчивый въ Совѣщѣ. Всѣ

безмолвствующѣ. Бояринѣ хочещѣ
говорить. . . но юные, надменные
Новгородцы восклицающѣ: *смирись
предѣ великимѣ народомѣ!* Онѣ мед-
лищѣ — тысячи голосовѣ повпо-
ряющѣ: *смирись предѣ великимѣ на-
родомѣ!* Бояринѣ снимаетѣ шлемѣ
сѣ головы своей — и шумѣ умол-
каетѣ.

„Граждане Новгородскіе!“ вѣ-
щаетѣ онѣ: „Князь Московскій и
„всея Россіи говоритѣ сѣ вами —
„внимайте!

„Народы дикіе любящѣ независи-
„мость, народы мудрые любящѣ по-
„рядокѣ: а нѣщѣ порядка безѣ вла-
„сти самодержавной. Ваши предки
„хотѣли править сами собою и бы-
„ли жерпвою люпыхѣ сосѣдовѣ или
„еще люпѣйшихѣ внушреннихѣ ме-
„ждоусобій. Спарецѣ добродѣтель-
„ный, споя на прагѣ вѣчности, за-
„клиналѣ ихѣ избрать Владѣтеля.
„Они повѣрили ему: ибо человекѣ

„при дверяхъ гроба можешъ гово-
ришь только истину.

„Граждане Новгородскіе! въ спѣ-
нахъ вашихъ родилось, утврди-
лось, прославилось самодержавіе
земли Руской. Здѣсь великодуш-
ной Рюрикъ пворилъ судъ и прав-
ду; на семъ мѣстѣ древніе Ново-
городцы лобызали ноги своего оп-
ца и Князя, который примирилъ
внутренніе раздоры, успокоилъ и
возвеличилъ городъ ихъ. На семъ
мѣстѣ они проклинали гибельную
вольность и благословляли спа-
сительную власъ Единаго. Преж-
де, ужасные только для самихъ
себя и несчастные въ глазахъ со-
сѣдовъ, Новгородцы подъ держав-
ною рукою Варяжскаго Героя сдѣ-
лались ужасомъ и завистію дру-
гихъ народовъ; и когда Олегъ
храбрый двинулся съ воинствомъ
къ предѣламъ юга, всѣ племена
Славянскія покорялись ему съ ра-
достью, и предки ваши, повари-

„щи его славы, едва вѣрили своему
„величію.

„Олеѣъ, слѣдуя за печеніемъ
„Днѣпра, возлюбилъ красныя бере-
„га его, и вѣ благословенной спра-
„нѣ Кіевской основалъ столицу сво-
„его обширнаго государспва ; но
„Великій Новгородъ былъ всегда де-
„сницею Князей Великихъ, когда
„они славили дѣлами имя Руское.
„Олеѣъ подѣ щипомъ Новгород-
„цевъ прибилъ щипъ свой къ вра-
„шамъ Цареградскимъ. Святославъ
„сѣ дружиною Новгородскою раз-
„сѣялъ какъ прахъ воинспво Ци-
„мисхія, и внукъ Ольгинъ сѣ ва-
„шими предками былъ прозванъ
„*Владѣтелемъ міра.*

„Граждане Новгородскіе ! не
„шолько воинскою славою обязаны
„вы Государямъ Рускимъ : еспьли
„глаза мои, обращаясь на всѣ Кон-
„цы вашего града, видятъ повсюду
„златыя креспы великолѣпныхъ

„храмовъ святой Вѣры; естли
 „шумъ Волхова напоминаетъ вамъ
 „попъ великій день, въ который
 „знаки идолослуженія погибли съ
 „шумомъ въ быспрыхъ волнахъ
 „его: по вспомните, что Влади-
 „миръ соорудилъ здѣсь первый
 „храмъ истинному Богу; Владиміръ
 „низвергъ Перуна въ пучину Вол-
 „хова! . . . Естли жизнь и соб-
 „спвенность священны въ Новѣ-
 „городѣ, по скажете, чья рука
 „оградила ихъ безопасностію? . . .
 „Здѣсь“ — (указывая на домъ Яро-
 „слава) — „здѣсь жилъ мудрый
 „законодатель, благошворитель ва-
 „шихъ предковъ, Князь великодуш-
 „ный, другъ ихъ, котораго называ-
 „ли они впорымъ Рюрикомъ! . . .
 „Попомство неблагодарно! вни-
 „май справедливымъ укоризнамъ!
 „Новгородцы, бывъ всегда стар-
 „шими сынами Россіи, вдругъ оп-
 „дѣлились отъ братій своихъ; бывъ
 „вѣрными подданными Князей, ны-

„нѣ смѣются надъ ихъ властію. . .
 „и въ какія времена? О спыдѣ име-
 „ни Рускаго! Родство и дружба по-
 „знаются въ напастяхъ: любовь
 „къ опечесиву также. . . . Богъ въ
 „неисповѣдимомъ совѣтѣ Своемъ
 „положилъ наказаніе землю Рускую.
 „Явились варвары безчисленные,
 „пришельцы опѣ спранѣ никому
 „неизвѣстныхъ (*), подобно симъ
 „пучамъ насѣкомыхъ, копорыя Не-
 „бо во гнѣвѣ Своемъ гонитъ бурюю
 „на жапву грѣшника. Храбрые Сла-
 „вяне, изумленные ихъ явленіемъ,
 „сражаются и гибнутъ; земля Ру-
 „ская обогрѣется кровію Рускихъ;
 „города и села пылаютъ; гремятъ
 „цѣпи на дѣвахъ и спарцахъ. . .
 „Чтожь дѣлаютъ Новгородцы? Спѣ-
 „шатъ ли на помощь къ братьямъ
 „своимъ? . . Нѣтъ! пользуясь сво-
 „имъ удаленіемъ опѣ мѣстѣ крово-
 „пролитія, пользуясь общимъ бѣд-

(*). Такъ думали въ Россіи о Татаряхъ.

„спвіемъ Князей, опнимають у
 „нихъ власнь законную, держашь
 „ихъ въ спбнахъ своихъ какъ въ
 „пемницѣ, изгоняють, призыва-
 „ють другихъ и снова изгоняють.
 „Государи Новгородскіе, попомки
 „Рюрика и Ярослава, должны были
 „слушаться Посадниковъ и преле-
 „пашь *Весеваго колокола*, какъ инру-
 „бы Суда Спрашнаго! Наконецъ
 „никпо уже не хопѣлъ бышь Кня-
 „земъ вашимъ, рабомъ мяпежнаго
 „Веча. . . . Наконецъ Рускіе и Ново-
 „городцы не узнають другъ друга!
 „Опъ чего же шакая перемѣна
 „въ сердцахъ вашихъ? Какъ древнее
 „племя Славянское могло забышь
 „кровь свою? . . . Корысполюбіе,
 „корысполюбіе ослѣпило васъ! Ру-
 „скіе гибнуть, Новгородцы бога-
 „пѣють. Въ Москву, въ Кіевъ, въ
 „Владиміръ, привозятъ шрупы Хри-
 „спіянскихъ випязей, убіенныхъ
 „невѣрными, и народъ, осыпавъ
 „пепломъ главу свою, сѣ воплемъ

„вспрѣчаетъ ихъ: въ Новгородѣ
 „привозятъ повары чужеземные,
 „и народъ съ радостными воскли-
 „цаніями привѣтствуетъ гостей
 „(*) иноспранныхъ! Рускіе счита-
 „ющъ язвы свои: Новгородцы счи-
 „тающъ злая монеты. Рускіе
 „въ узахъ: Новгородцы славятъ
 „вольность свою!

„Вольность! . . . но вы также раб-
 „ствуете. Народъ! я говорю съ по-
 „бою. Бояре честолюбивые, уни-
 „чтоживъ власть Государей, сами
 „овладѣли ею. Вы повинуетесь —
 „ибо народъ всегда повиноваться
 „долженъ — но только не священ-
 „ной крови Рюрика, а купцамъ бо-
 „гатымъ. О стыдъ! потомки Сла-
 „вянъ цѣнятъ знамя права Вла-
 „стителей! Роды Княжескіе, из-
 „древле именитые, возвысились
 „дѣлами храбрости и славы: ваши
 „Посадники, Тысяцкіе, Люди Жи-

(*) То есть, купцовъ.

„шые, обязаны своимъ достоин-
 „ствомъ благопріятному вѣпру и
 „хипроснямъ корысполубія. При-
 „выкшіе къ выгодамъ торговли,
 „шоргуютъ и благомъ народа; кшо
 „имъ общаешъ злопо, шому они
 „васъ общаютъ. Такъ, извѣсны
 „Князю Московскому ихъ друже-
 „спвенныя, пайныя связи съ Лип-
 „вою и Казимиромъ. Скоро, скоро
 „вы соберешь на звукъ *Ветсваго*
 „*колокола*, и надменный Полякъ
 „скажешъ вамъ на лобномъ мѣспѣ:
 „*вы рабы мои!* . . . Но Богъ и ве-
 „ликій Іоаннъ еще о васъ пекушя.

„Новгородцы! земля Руская вос-
 „кресаешъ. Іоаннъ возбудилъ опѣ
 „сна древнее мужеспво Славянъ,
 „ободрилъ унылое воинспво, и бе-
 „рега Камы были свидѣпелями по-
 „бѣдъ нашихъ. Дуга мира и завѣ-
 „па возсіяла надъ могилами Кня-
 „зей Георгія, Андрея, Михаила.
 „Небо примирилось съ нами, и ме-
 „чи Ташарскіе испутились. Наспа-

„ло время мести, время славы и шор-
 „жества Христiанскаго. Еще ударъ
 „послѣдній не совершился; но Иоаннъ,
 „избранный Богомъ, не опуститъ
 „державной руки своей, доколѣ не со-
 „крушитъ враговъ и не смѣшаетъ
 „ихъ праха съ землею перстию.
 „Димитрій, поразивъ Мамаю, не
 „освободилъ Россiи: Иоаннъ все
 „предвидитъ; и зная, что раздѣле-
 „нiе государства было виною бѣдъ
 „свѣй его, онъ уже соединилъ всѣ
 „Княжества подъ своею державою,
 „и признанъ Властелиномъ земли
 „Руской. Дѣши опечетва, послѣ
 „горестной долговременной разлу-
 „ки, объемятся съ веселиемъ предъ
 „очами Государя и мудраго отца
 „ихъ.

„Но радость его не будетъ со-
 „вершена, доколѣ Новгородъ, древ-
 „нiй, великiй Новгородъ, не возвра-
 „титъ подъ сѣнь опечетва. Вы
 „оскорбляли его предковъ: онъ все
 „забываетъ, естли ему покори-

„песь. Іоаннѣ, доспойный владѣпъ
 „міромѣ, желаепѣ полько быпѣ
 „Государемѣ Новгородскимѣ! . . .
 „Вспомнипѣ, когда онѣ былѣ мир-
 „нымѣ гостемѣ посреди васѣ;
 „вспомнипѣ, какѣ вы удивлялись
 „его величію, когда онѣ, окружен-
 „ный своими вельможами, шелѣ по
 „спогнамѣ Новаграда вѣ домѣ Яро-
 „славовѣ; вспомнипѣ, сѣ какимѣ
 „благоволеніемѣ, сѣ какою мудро-
 „спію онѣ бесѣдовалѣ сѣ вашими
 „Боярами о древносняхѣ Нового-
 „родскихѣ, сидя на пославленномѣ
 „для него пронѣ близѣ мѣсца Рю-
 „рикова, опкуда взорѣ его обни-
 „малѣ всѣ *Концы* града и веселыя
 „окрестности; вспомнипѣ, какѣ
 „вы единодушно восклицали: *Да*
 „*здравствуетѣ Князь Московскій,*
 „*великій и мудрый!* Такому ли Го-
 „сударю не славно повиноватѣся,
 „и для того единспвенно, чшобы
 „вмѣстѣ сѣ нимѣ совершенно осво-
 „бодитѣ Россію отѣ ига варваровѣ?

„Тогда Новгородъ еще болѣе укра-
 „сился и возвеличился въ мірѣ.
 „Вы будете *первыми* сынами Рос-
 „сіи: здѣсь Іоаннъ поспавишъ проиъ
 „свой и воскресишъ щаспливыя
 „времена, когда не шумное *Веге*,
 „но Рюрикъ и Ярославъ судили
 „васъ какъ опцы дѣшей, ходили по
 „спогнамъ и вопрошали бѣдныхъ,
 „не угнепаютъ ли ихъ богашые?
 „Тогда бѣдные и богашые равно бу-
 „дутъ щаспливы, ибо всѣ поддан-
 „ные равны предъ лицемъ Владыки
 „самодержавнаго.

„Народъ и граждане! да вла-
 „спвуетъ Іоаннъ въ Новѣгородѣ,
 „какъ онъ въ Москвѣ власпвуетъ!
 „или — внимайте его послѣднему
 „слову — или храброе воинство,
 „гопшое сокрушитъ Ташаръ, въ
 „грозншмъ ополченіи явился преж-
 „де глазамъ вашимъ, да усмиритъ
 „мяшежниковъ! . . . Миръ или вой-
 „на? отвѣтспвуйте!“

Съ симъ словомъ Бояринъ Іоан-
 VI.

новъ надѣлъ шлемъ, и сошелъ съ лобнаго мѣста.

Еще продолжается молчаніе. Чиновники и граждане въ изумленіи. Вдругъ колеблющаяся толпа народная, и громко раздающіяся восклицанія: *Марѳа! Марѳа!* Она всходитъ на желѣзныя ступени, тихо и величаво; взираетъ на безчисленное собраніе гражданъ, и безмолвствуетъ. . . . Важность и скорбь видны на блѣдномъ лицѣ ея. . . . Но скоро осѣненный горесцію взоръ блеснулъ огнемъ вдохновенія; блѣдное лицо покрылось румянцемъ, и Марѳа вѣщала:

„Вадимъ! Вадимъ! здѣсь лилась
 „священная кровь пвоя: здѣсь при-
 „зываю Небо и шебя во свидѣтели,
 „что сердце мое любитъ славу
 „опечесѣва и благо согражданъ;
 „что скажу истину народу Ново-
 „городскому, и гошова запечаш-
 „лѣть ее моею кровію. Жена дер-
 „заетъ говорить на Вечѣ: но пред-

„ки мои были друзья Вадимовы ; я
 „родилась въ спанѣ воинскомъ подѣ
 „звукомъ оружія ; опецѣ , супругѣ
 „мой погибли , сражаясь за Новго-
 „родѣ. Вопѣ право мое бытъ за-
 „щипницею вольности! оно купле-
 „но цѣною моего щаспія. . . .“

Говори, славная дочь Моваграда!
 воскликнулѣ народѣ единогласно —
 и глубокое безмолвіе снова извѣяло
 его вниманіе.

„Попомки Славянѣ великодуп-
 „ныхѣ! васѣ называютѣ мяпежни-
 „ками! . . . За то ли , что вы подѣ-
 „яли изѣ гроба славу ихѣ? Они бы-
 „ли свободны , когда шекли сѣ во-
 „спока на западѣ избрапѣ себѣ жи-
 „лице во вселенной , свободны по-
 „добно орламѣ , парившимѣ надѣ
 „ихѣ головою въ обширныхѣ пуспы-
 „няхѣ древняго міра. . . . Они ушвер-
 „дились на красныхѣ берегахѣ Иль-
 „меня , и все еще служили одному
 „Богу. Когда Великая Имперія (*),
 (*) Римская.

„какъ вешкое зданіе , сокрушалась
 „подъ сильными ударами дикихъ
 „Героевъ Сѣвера; когда Готы, Ван-
 „далы, Эрулы и другія племена
 „Скиѣскія искали вездѣ добычи,
 „жили убійствами и грабежемъ,
 „погда Славяне имѣли уже селе-
 „нія и города, обрабатывали землю,
 „наслаждались пріятными искус-
 „ствами мирной жизни, но все еще
 „любили независимость. Подъ сѣ-
 „нію дерева чувствительный Сла-
 „вянинъ игралъ на струнахъ изоб-
 „рѣшеннаго имъ мусикійскаго орудія
 „(*), но мечъ его висѣлъ на вѣпъ-
 „вахъ, готовый наказати хищника и
 „пирана. Когда Боянъ, Князь Авар-
 „скій, спрашый для Императоровъ
 „Греціи, попребовалъ, чшобы Сла-
 „вяне ему поддалися, они гордо и
 „спокойно отвѣщивали : *Никто*
 „*во вселенной не можетъ поработить*

(*) См. Византійскихъ Историковъ,
 Теофилакта и Теофана.

„насѣ, доколѣ не выдутѣ изѣ упо-
 „требленія меча и стрѣлы (*)! . . .

„О великія воспоминанія древности!
 „вы ли должны склоняяпъ насѣ къ
 „рабству и къ узамъ?

„Правда, съ печеніемъ временъ
 „родились въ душахъ новыя спра-
 „спи; обычаи древніе, спаситель-
 „ные, забывались, и неопытная
 „юность презирала мудрыя совѣ-
 „пы старцевъ: тогда Славяне при-
 „звали къ себѣ знаменитыхъ храб-
 „ростию Князей Варяжскихъ, да
 „повелѣваюпъ юнымъ, мятежнымъ
 „воинствомъ. Но когда Рюрикъ за-
 „хопѣлъ самовольно властвовать,
 „гордость Славянская ужаснулась
 „своей неоспорожности, и Вадимъ
 „храбрый звалъ его предъ судъ на-
 „рода. *Мечъ и боги да будутъ на-*
 „*шими судіями!* отвѣтствовалъ
 „Рюрикъ — и Вадимъ палъ опъ ру-
 „ки его, сказавъ: *Новгородцы! на*

(*) См. Менандера.

„мѣсто, обогрѣнное моею кровію,
 „приходите оплакивать свое нераз-
 „уміе — и славить волюность, когда
 „она съ торжествомъ явится снова
 „въ стѣнахъ вашихъ. . . . Исполни-
 „лось желаніе великаго мужа: на-
 „родъ собирается на священной
 „могилѣ его, свободно и независимо
 „рѣшить судьбу свою.

„Такъ, кончина Рюрика — да
 „опладимъ справедливосць сему
 „знамениному Випязю! — мудраго
 „и смѣлаго Рюрика, воскресила сво-
 „боду Новгородскую. Народъ, из-
 „умленный его величіемъ, невольно
 „и смиренно повиновался; но ско-
 „ро, не видя уже Героя, пробудил-
 „ся отъ глубокаго сна, и Олегъ,
 „испытавъ многократно его упор-
 „ную непреклонность, удалился
 „отъ Новгорода съ воинствомъ
 „храбрыхъ Варягъ и Славянскихъ
 „юношей, искавъ побѣды, дани-
 „ковъ и рабовъ между другими
 „Скиескими, менѣе отважными и

„гордыми племенами, Съ того вре-
 „мени Новгородъ признавалъ въ
 „Князьяхъ своихъ е; инспвенно пол-
 „ководцевъ и военачальниковъ: на-
 „родъ избиралъ власпи граждан-
 „скія, и повинуюсь имъ, повиновал-
 „ся уставу воли своей. Въ Кіевля-
 „нахъ и другихъ Россіянахъ опцы
 „наши любили кровь Славянскую,
 „служили имъ какъ друзьямъ и
 „братьямъ, разили ихъ непріятел-
 „ей и вмѣстѣ съ ними славились
 „побѣдами. Здѣсь провелъ юность
 „свою Владиміръ; здѣсь, среди при-
 „мѣровъ народа великодушнаго,
 „образовался великій духъ его;
 „здѣсь мудрая бесѣда старцевъ на-
 „шихъ возбудила въ немъ желаніе
 „вопросить всѣ народы земные о
 „спайнспвахъ Вѣры ихъ, да оп-
 „кроется истина ко благу людей;
 „и когда, убѣжденный въ свѣпо-
 „спи Христіанспва, онъ принялъ
 „его опъ Грековъ, Новгородцы,
 „разумнѣе другихъ племенъ Сла-

„вянскихъ , изъявили и болѣ рев-
 „носпи къ новой истинной Вѣрѣ.
 „Имя Владиміра священо въ Новѣ-
 „городѣ ; священна и любезна па-
 „мять Ярослава : ибо онѣ первый
 „изъ Князей Рускихъ ушвердилъ
 „законы и вольность Великаго гра-
 „да. Пусъ дерзоспъ называепѣ
 „опцевѣ нашихъ неблагодарными ,
 „за то, что они опражали власпо-
 „любивыя предиріяпія его попом-
 „ковѣ! Духъ Ярославовѣ оскорбилсѣ
 „бы въ небесныхъ селеніяхъ, еспѣ-
 „ли бы мы не умѣли сохранипѣ
 „древнихъ правѣ, освященныхъ его
 „именемѣ. Онѣ любилѣ Новгород-
 „цевѣ, ибо они были свободны; ихъ
 „признапельность радовала его
 „сердце , ибо полько души благо-
 „родныя могупѣ быпѣ признапель-
 „ными : рабы повинуюпсѣ и нена-
 „видяпѣ! Нѣпѣ, благодарность на-
 „ша шоржеспвуепѣ, доколѣ народѣ
 „во имя отечеспва собираепсѣ
 „предѣ домомѣ Ярослава, и смотря

„на сіи древнія спѣвны, говоривъ
 „съ любовію: *тамъ жилъ другъ
 нашъ!*

„Князь Московскій укоряетъ пе-
 „бя, Новгородъ, самымъ пвоимъ
 „благоденствіемъ — и въ сей винѣ
 „не можемъ оправдаться! Такъ ко-
 „нечно: цвѣтущіе обласпи Нового-
 „родскія, поля злапятся класами,
 „жипницы полны, богапспва льюп-
 „ся къ намъ рѣкою; Великая *Ган-*
 „*за* (*) гордится нашимъ союзомъ;
 „чужеземные госпи ищущіе друж-
 „бы нашей, удивляются славі Ве-
 „ликаго града, красотѣ его зданій,
 „общему избытку гражданъ, и, воз-
 „врапясь въ спрану свою, гово-
 „ряпъ: *мы видѣли Новгородъ, и*
 „*никого подобнаго ему не видали!*
 „Такъ конечно: Россія бѣдспвуетъ
 „— ея земля обагрется кровію,

(*) Союзъ вольныхъ Нѣмецкихъ горо-
 довъ, который имѣлъ свои коншоры
 въ Новгородѣ.

Vl.

27

„веси и грады опустѣли, люди
 „какъ звѣри въ лѣсахъ укрывающ-
 „ся; опецъ ищепъ дѣшей и не на-
 „ходишь; вдовы и сироты просятъ
 „милосыни на распушяхъ. Такъ,
 „мы щасливы — и виновны, ибо
 „дерзнули повиноваться законамъ
 „своего блага, дерзнули не участво-
 „вать въ междоусобяхъ Князей,
 „дерзнули спасти имя Руское опъ
 „спыда и поношенія, не принявъ
 „оковъ Тапарскихъ и сохранишь дра-
 „гоцѣнное достоинство народное!

„Не мы, о Россіяне нещасные,
 „но всегда любезные намъ братья!
 „не мы, но вы насъ оставили, ко-
 „гда пали на колѣна предъ гордымъ
 „Ханомъ и требовали цѣпей для
 „спасенія поносной жизни; когда
 „свирѣбный Башый, видя свободу
 „единого Новаграда, какъ яроспный
 „левъ успремился расшерзать его
 „смѣлыхъ гражданъ; когда опцы
 „наши, гоповясь къ славнои бипшѣ,
 „осприли мечи на спѣнахъ своихъ

„— безъ робости: ибо знали, что
 „умрутъ, а не будутъ рабами! . . .
 „Напрасно, съ высоты башенъ,
 „взоръ ихъ искалъ вдали друже-
 „спвенныхъ легионовъ Рускихъ, въ
 „надеждѣ, что вы захопите въ по-
 „слѣдній разъ и въ послѣдней огра-
 „дѣ Руской вольности еще сра-
 „зитесь съ невѣрными! Одиѣ роб-
 „кія шолпы бѣглецовъ являлись на
 „пустьхъ Новаграда; не спукъ ору-
 „жія, а вопль малодушнаго опчая-
 „нія былъ вѣспникомъ ихъ прибли-
 „женія; онѣ пребывали не спрѣлъ
 „и мечей, а хлѣба и крова! . . . Но
 „Башый, видя опважность свобод-
 „ныхъ людей, предпочелъ безопас-
 „ность свою злобному удовольствію
 „места. Онѣ спѣшилъ удалиться
 „ся! . . . Напрасно граждане Ново-
 „городскіе молили Князей восполь-
 „зоваться такимъ примѣромъ и об-
 „щими силами, съ именемъ Бога Ру-
 „скаго, ударить на варваровъ: Князья
 „плашили дань и ходили въ спанѣ

„Татарскій обвиняшь другъ друга
 „въ замыслахъ пропивъ Батюя; ве-
 „ликодушіе сдѣлалось предметомъ
 „доносовъ, къ несчастію ложныхъ! ...
 „И естли имя побѣды въ печеніе
 „двухъ сполѣпій сохранилось еще
 „въ языкѣ Славянскомъ, по не громъ
 „ли Новгородскаго оружія напо-
 „миналь его землѣ Руской? не опцы
 „ли наши разили еще враговъ на
 „берегахъ Невы? . . . Воспоминаніе
 „гореспное! Сей Випись добродѣ-
 „пельный, драгоцѣнный оспапокъ
 „древняго геройства Князей Варяж-
 „скихъ, заслуживъ имя безсмерт-
 „ное съ вѣрною Новгородскою дру-
 „жиною, храбрый и щаспливый ме-
 „жду нами, оставилъ здѣсь и славу
 „и щаспіе, когда предпочелъ имя
 „Великаго Князя Россіи имени Но-
 „городскаго Полководца: не вели-
 „чіе, но униженіе и гореспъ ожи-
 „дали Александра во Владимірѣ —
 „и пошъ, кпо на берегахъ Невы
 „давалъ законы храбымъ Лифлянд-

„скимъ Рыцарямъ, долженъ былъ
„упасъ къ ногамъ Сарпака.

„Иоаннъ желаетъ повелѣвать Ве-
„ликимъ градомъ: не удивительно!
„онъ собственными глазами видѣлъ
„славу и богатство его. Но всѣ на-
„роды земные и будущія сполѣтшя
„не преспали бы дивиться, еспѣли
„бы мы захопѣли ему повиновать-
„ся. Какими надеждами онъ мо-
„жетъ обольстить насъ? Одни не-
„щасные легковѣрны; одни не-
„щасные желаютъ переменъ —
„но мы благоденствуемъ и свобод-
„ны! благоденствуемъ отъ того,
„что свободны! Да молитъ Иоаннъ
„Небо, чтобы Оно во гнѣвъ Своемъ
„ослѣпило насъ: тогда Новгородъ
„можетъ возненавидѣть счастье и
„пожелать гибели; но доколѣ ви-
„димъ славу свою и бѣдствія Кня-
„жествъ Рускихъ, доколѣ гордимся
„ею и жалѣемъ объ нихъ, дополѣ
„права Новгородскія всего святѣе
„намъ по Богъ.

„Я не дерзну оправдывать васъ,
 „мужи избранные общемо довѣрен-
 „носпію для правленія! клевета въ
 „успахъ власполюбія и зависпи не-
 „доспойна опроверженія. Гдѣ спра-
 „на цвѣтешъ и народъ ликуешъ,
 „шамъ правшели мудры и добро-
 „дѣшельны. Какъ! вы поргуеше
 „благомъ народнымъ? но могупъ ли
 „всѣ сокровища міра замѣнитъ вамъ
 „любовь согражданъ вольныхъ? Кто
 „узналъ ея сладость, тому чего
 „желашъ въ мірѣ? развѣ послѣдня-
 „го щаспія умерешъ за опече-
 „спво!

„Несправедливость и власполю-
 „біе Іоанна не зашмѣвають въ гла-
 „захъ нашихъ его похвальныхъ
 „свойствъ и добродѣтелей. Давно
 „уже молва народная извѣстила
 „насъ о его величїи, и люди воль-
 „ные желали имѣть госшемъ Само-
 „власшителя; искреннія сердца
 „ихъ свободно изливались въ радо-

„спныхъ восклицаніяхъ при его
 „шоржеспвенномъ вѣздѣ. Но знаки
 „усердія нашего конечно обманули
 „Князя Московскаго: мы хопѣли
 „изъявишь ему пріятную надежду,
 „что рука его свергнетъ съ Россіи
 „иго Татарское: онъ вздумалъ, что
 „мы пребуемъ опъ него уничто-
 „женія нашей собспвенной воль-
 „ности! Нѣтъ, нѣтъ! да будетъ
 „великъ Іоаннъ, но да будетъ ве-
 „ликъ и Новгородъ! Да славится
 „Князь Московскій испребленіемъ
 „враговъ Христіансва, а не дру-
 „зей и не брашій земли Руской,
 „которыи она еще славится въ
 „мірѣ! Да прерветъ оковы ея, не
 „возлагая ихъ на добрыхъ и свобод-
 „ныхъ Новгородцевъ! Еще Ахмапъ
 „дерзаетъ называть его своимъ
 „данникомъ: да идетъ пропивъ Мон-
 „гольскихъ варваровъ, и вѣрная
 „дружина наша откроешь ему
 „путь къ спану Ахмапову! Когда
 „же сокрушитъ врага, тогда мы

„скажемъ ему:“ Іоаннѣ! ты возвра-
шилѣ землѣ Руской чesпѣ и свобо-
ду, копорыхѣ мы никогда не перя-
ли. Владѣй сокровищами, найден-
ными псобою вѣ спанѣ Тапарскомѣ:
они были собраны сѣ земли пвоей;
на нихѣ нѣпѣ клейма Новгород-
скаго: мы не плапили дани ни Ба-
пью, ни попомкамѣ его! Цар-
спвуй сѣ мудроспїю и славою; за-
лечи глубокїя язвы Россїи; сдѣлай
подданныхѣ своихѣ и нашихѣ брапїй
щаспливыми — и еспьли когда ни-
будь соединенныя пвои Княжеспва
превзойдупѣ славою Новгородѣ;
еспьли мы позавидуемѣ благоден-
спвію пвоего народа; еспьли Все-
вышнїй накажешѣ насѣ раздорами,
бѣдспвіями, униженїемѣ: тогда —
клянemся именемѣ опечеспва и сво-
боды! — тогда прїидемѣ не вѣ спо-
лицу Польскую, но вѣ царспвенный
градѣ Москву, какѣ нѣкогда дре-
нїе Новгородцы прїшли кѣ храб-
рому Рюрику; и скажемѣ — не Ка-

зимиру, но шебѣ: *владѣй нами! мы уже не умѣемъ править собою!*

„Ты содрогаешься, о народѣ великодушный!... Да идепѣ мимо насѣ сей печальный жребій! Будь всегда достоинѣ свободы, и будешь всегда свободнымѣ! Небеса правосудны и ввергающѣ въ рабство одни порочные народы. Не спрашисѣ угрозѣ Иоанновыхѣ, когда сердце швое пылаепѣ любовію къ опечествѣ и къ святымѣ успавамѣ его; когда можешѣ умерепѣ за честѣ предковѣ своихѣ и за благопопомспва!

„Но еспѣли Иоаннѣ говорипѣ истину; еспѣли въ самомѣ дѣлѣ гнусное корысполюбіе овладѣло душами Новгородцевѣ; еспѣли мы любимѣ сокровища и нѣгу божѣ добродѣтели и славы: по скоро ударипѣ послѣдній часѣ нашей вольности, и *Ветевый колоколѣ*, древній гласѣ ея, падепѣ съ башни Ярославовой и навсегда умолк-

„нешѣ! . . . Тогда , тогда мы поза-
 „видуемѣ щаспію народовѣ , копо-
 „рые никогда не знали свободы.
 „Ея грозная тѣнь будетѣ являть-
 „ся намѣ подобно мершвецу блѣд-
 „ному и перзаетѣ сердце наше без-
 „полезнымѣ раскаяніемѣ!

„Но знай , о Новгородѣ ! что сѣ
 „упрашою вольности изсохнетѣ и
 „самый источникѣ швоего богатп-
 „ства: она оживляетѣ шрудолубіе,
 „изоцряетѣ серпы и зашипѣ ни-
 „вы ; она привлекаетѣ иностран-
 „цевѣ вѣ наши спѣны сѣ сокрови-
 „щами шорговли ; она же окри-
 „ляетѣ суда Новгородскія , когда
 „они сѣ богатымѣ грузомѣ по вол-
 „намѣ несупся . . . Бѣдность , бѣд-
 „ность накажетѣ недоспойныхѣ
 „гражданѣ , не умѣвшихѣ сохранить
 „наслѣдія опцевѣ своихѣ ! Померк-
 „нетѣ слава швоя , градѣ Великій ;
 „опустѣютѣ многолюдные *Концы*
 „швои ; широкія улицы зароснутѣ
 „правою , и великолѣпіе швое , ис-

„чезнувъ навѣки, будетъ баснею
 „народовъ. Напрасно любопытный
 „спранникъ среди печальныхъ раз-
 „валинъ захочетъ искапъ пого мѣ-
 „спа, гдѣ собиралось Вече, гдѣ
 „споялъ домъ Ярославовъ и мра-
 „морный образъ Вадима: никпо ему
 „не укажетъ ихъ. Онъ задумается
 „гореспно и скажетъ только: здѣсь
 „былъ Новгородъ!“...

Тутъ страшный вопль народа не
 далъ уже говорить Посадницѣ.
 „Нѣтъ, нѣтъ! мы всѣ умремъ за
 „опечесиво!“ восклицающъ безчи-
 сленные голоса: „Новгородъ Госу-
 „дарь нашъ! да явится Іоаннъ съ
 „воинствомъ!“ Мареа, споя на Ва-
 димовомъ мѣстѣ, веселился дѣй-
 ствіемъ ея рѣчи. Чтобы еще болѣе
 воспалилъ умы, она показывающъ
 щѣтъ, гремищъ ею въ рукъ своей и
 бросающъ на землю: народъ еѣ из-
 сцупленіи гнѣва попирающъ оковы
 ногами, взывая: *Новгородъ Госу-
 дарь нашъ! война, война Іоанну!* На-

прасно Посоль Московскій желаеиъ еще говориъ именовъ Великаго Князя и пребуеиъ вниманія: дерзкіе подѣемлюиъ на него руку, и Марѳа должна защишиъ Боярина. Тогда онъ извлекаеиъ мечъ, ударяеиъ имъ о подножіе Вадимова образа, и возвысивъ голосъ свой, съ душевною скорбію произносиъ: „И пакъ да „будеиъ война между Великимъ „Княземъ Іоанномъ и гражданами „Новгородскими! да возврапяиъся „*клятвенныя письма* (*)! Богъ да „судииъ вѣроломныхъ!“ . . . Марѳа вручаеиъ Послу грамоту Іоаннову и принимаеиъ Новгородскую. Она даеиъ ему спражу и *знамя мѳра*. Народныя шолпы передъ нимъ разсупаюиъся. Бояринъ выходиъ изъ града. Тамъ ожидала его Московская дружина. . . . Марѳа, опершиъ

{*} Клятвенными письмами называлиъ дружеспивенныя шрактапы. При обѣявленіи войны надлежало всегда возвращати ихъ.

на образъ Вадимовъ, слѣдуетъ за нимъ взоромъ своимъ. Посолъ Іоанновъ садится на коня, и еще съ горестію взираетъ на Новгородъ. Желѣзные запоры спускаютъ на городскихъ ворахъ, и Бояринъ пихо ѣдетъ по Московской дорогѣ, провождаемый своими воинами. Вечерніе лучи солнца угасали на ихъ блестящемъ оружіи.

Марѳа вздохнула свободно. Видя ужасный мятежъ народа (который, подобно бурнымъ волнамъ, стремился по спогнамъ, и безпрестанно восклицалъ: *Новгородъ Государь нашъ! смерть врагамъ его!*) внимая грозному набашу, который гремѣлъ во всѣхъ пяти Концахъ города (въ знакъ объявленія войны), сія величаяя жена подвемлетъ руки къ Небу, и слезы шекутъ изъ глазъ ея. „О пѣнь моего супруга!“ пихо вѣщаетъ она съ умиленіемъ: „я исполнила клятву свою! Жребій брошенъ: да будетъ, что угодно

„Судьбѣ!“... Она сходитъ съ Вади-
мова мѣста.

Вдругъ раздается прескѣ и громъ
на великой площади... земля ко-
леблется подъ ногами... набатъ и
шумъ народный умолкають... всѣ
въ изумленіи. Густое облако пыли
закрываетъ отъ глазъ домъ Яро-
слава и лобное мѣсто... Сильный
порывъ вѣтра разноситъ наконецъ
густую мглу, и всѣ съ ужасомъ
видящъ, что высокая башня Яро-
славова, новое гордое зданіе народ-
наго богатства, пала съ *Всесвятъ*
колоколъ и дымишся въ своихъ
развалинахъ (*). . . . Пораженные
симъ явленіемъ, граждане безмолв-
ствуютъ... Скоро пишина пре-
рывается голосомъ, внятнымъ, но
подобнымъ глухому спону, какъ
будто бы исходящему изъ глубокой
пещеры: *О Новгородѣ! такъ падетъ*

(*) Лѣтописи наши говорятъ о паденіи
новой колокольни и ужасѣ народа.

слава твоя! такъ истезнетъ твои величїе! . . . Сердца ужаснулись. Взоры устремились на одно мѣсто; но слѣды голоса исчезъ въ воздухѣ вмѣстѣ съ словами: напрасно искали, напрасно хопѣли знашь, кто произнесъ ихъ. Всѣ говорили: *мы слышали!* никто не могъ сказать, опъ кого? Именистые Чиновники, устранные народнымъ впечатлѣніемъ болѣе, нежели самымъ происшествіемъ, всходили одинъ за другимъ на Вадимово мѣсто и спарались успокоить гражданъ. Народъ пребоваъ мудрой, великодушной, смѣлой Марѣы: посланные нигдѣ не могли найши ее.

Между пѣмъ настала бурная ночь. Засвѣщились факелы: сильный вѣтеръ безпрестанно задуваъ ихъ; безпрестанно надлежало приносить огонь изъ домовъ сосѣдственныхъ. Но Тысяцкіе и Бояре ревностно прудились съ гражданами: опрыли *Ветевый колоколъ*

и повѣсили на другой башнѣ. Народъ хопѣлъ слышать священный и любезный звонъ его — услышалъ и казался покойнымъ. Спешенный Посадникъ распустилъ *Вече*. Толпы рѣдѣли. Еще друзья и ближніе оспанавливались на площади и на улицахъ говорить между собою; но скоро наспала всеобщая пишина, подобно какъ на морѣ послѣ бури, и самые огни въ домахъ (гдѣ жены Новгородскія съ безпокойнымъ любопытствомъ ожидали опцовъ, супруговъ и дѣшей) одинъ за другимъ погасли.

КНИГА ВТОРАЯ.

Въ густотѣ дремучаго лѣса, на берегу великаго озера Ильменя, жилъ мудрый и благочестивый опшельникъ Феодосій, дѣдъ Марыи Посадницы, нѣкогда знаменѣйшій изб

Бояръ Новгородскихъ. Онъ семдесятъ лѣтъ служилъ опечеспву : мечемъ, совѣтомъ, добродѣтелию, и наконецъ захопѣлъ служишь Богу единому въ пишинѣ пустыни; поржеспвенно простился съ народомъ на Вечѣ, видѣлъ слезы добрыхъ согражданъ, слышалъ сердечныя благословенія за долговременную Новгородскую вѣрность его, самъ плакалъ опъ умиленія и вышелъ изъ града. Злапая медаль его висѣла въ Софійской церкви, и всякій новый Посадникъ украшался ею въ день избранія.

Уже давно онъ жилъ въ пустынѣ, и только два раза въ годъ могла приходись къ нему Мареа, бесѣдовать съ нимъ о судьбѣ Новгорода или о радостяхъ и печаляхъ ея сердца. Сошедши съ Вадимова мѣста при звукѣ набата, она спѣшила къ нему съ юнымъ Мірославомъ(*),

(*) Въ Новгородѣ было еще обыкновеніе называться древними Славянски-
77.

и нязла его споящаго на колѣняхъ предѣ уединенною хижиною: онѣ совершалѣ вечернее моленіе. „Молись, добродѣтельный старецѣ!“ сказала она: „буря угрожаестѣ опечеспву.“ — *Знаю*, опвѣпспвовалѣ пустынникѣ, и сѣ гореспію указалѣ рукою на небо (*). Гуспая пуча висѣла и волновалась надѣ Новымградомѣ; изѣ глубины ея сверкали красныя молніи и вылепали шары огненные. Спаницы плопоядныхъ врановѣ парили надѣ злапыми креспами храмовѣ, какѣ будто бы вѣ ожиданіи скорой добычи. Между пѣмѣ люпые звѣри спрашно выли во мракѣ лѣса, и древнія сосны, ударяясь вѣпьями одна обѣ другую, прещали на корняхъ своихъ....

ми именами. Такѣ, на примѣрѣ, лѣпописи сохранили намѣ имя Рапѣмира, одного изѣ шоварищей Александра Невскаго.

(*) Вѣ старину хотѣли всегда читать на небѣ предстоящую гибель людей.

Мареа пвердымъ голосомъ сказала
 пуспыннику: „Когда бы все небо за-
 „пылало и земля какъ море восколе-
 „балась подъ моими ногами, и по-
 „гда бы сердце мое не успрашилось:
 „если Новугороду должно погиб-
 „нуть, по могу ли думать о жиз-
 „ни своей?“ Она извѣспила его о
 происшествіи. Θεодосій обнялъ ее
 съ горячностію. „Великая дочь мо-
 „его сына!“ вѣщаль онъ съ умиле-
 ніемъ: „последняя опрасль нашего
 „славнаго рода! вѣ тебѣ пылаешь
 „кровь Молинскихъ: она не совѣмъ
 „охладѣла и вѣ моемъ сердцѣ, из-
 „нуренномъ лѣтами; посвятивъ его
 „Небу, еще люблю славу и воль-
 „ность Новаграда. . . Но слабая ру-
 „ка человѣческая опведетъ ли со-
 „крушительные удары всевышней
 „Десницы? Душа моя содрогается:
 „я предвижу бѣдствія! . . “ Судьба
 людей и народовъ есть тайна Про-
 видѣнія (опвѣспивуетъ Мареа): но
 дѣла зависятъ отъ насъ единствен-

но, и сего довольно. Сердца гражданъ въ рукѣ моей: они не покоряся Іоанну, и душа моя поржесть! Самая опасностьъ веселишь ее. . . Чтобы не укоряшь себя въ будущемъ, пошребно полько дѣйствоватьъ благоразумно въ настоящемъ, избирать лучшее и спокойно ожидать слѣдствій. . . Многочисленное воинство соберется, готовое опразить врага; но должно поручитьъ его вождю надежному, смѣлому, рѣшительному. Исаакъ Борецкій (*) во гробѣ; въ сынахъ моихъ нѣтъ духа воинскаго; я воспиала ихъ усердными гражданами: они могутъ умереть за опечесство, но единое Небо вливаетъ въ сердца по пламенное геройство, которое повелѣваетъ рокомъ въ день битвы.— „Развѣ мало славныхъ выпязей въ Новѣградѣ?“ сказалъ Θεодосій: „ужасъ Лифляндіи, Георгій

(*) Мужъ ея.

слабый“... — Преселился къ опцамъ своимъ. — „Побѣдитель Вишофа, Владиміръ *знаменитый*“... — Опъ спароспи мечъ выпалъ изъ руки его. — „Михаилъ *храбрый*“... — Онъ врагъ Іосифа Дѣлинскаго и Борецкихъ: можешъ ли бышь другомъ опечесшва? — „Димитрій *сильный*“... — Сильна рука его, но сердце коварно: онъ вспрѣшилъ за городомъ Посла Іоаннова и шайно говорилъ съ нимъ. — „Кпожъ будешъ главою войска и щипомъ Новаграда?“ — Сей юноша! опвѣспвуешъ Посадница, указавъ на Мірослава... Онъ снялъ пернапый шлемъ съ головы своей; заря вечерняя и блескъ молніи освѣщали величеспвенную красопу его. Теоодосій смотрѣлъ съ удивленіемъ на юношу.

„Никпо не знаешъ его родипелей,“ говоритъ Марса: „онъ былъ найденъ въ пеленахъ на желѣзныхъ спупеняхъ Вадимова мѣста, и вос-

питанъ въ училищѣ Ярослава (*); рано удивлялъ спарцевъ своею мудростію на Вечахъ, а Выпязей храбростію въ битвахъ. Исаакъ Борецкій умеръ въ его объятіяхъ. Всякой разъ, когда я вспрѣчалась съ нимъ на спогнахъ града, сердце мое влеклось дружбою къ юношѣ, и взоръ мой невольно за нимъ слѣдовалъ. Онъ сирота въ мірѣ; но Богъ любитъ сирыхъ, а Новгородъ великодушныхъ. Ихъ именемъ спавлю юношу на степень величія; ихъ именемъ вручаю ему судьбу всего, что для меня драгоцѣннѣе въ свѣтѣ: вольности и Ксеніи! Такъ, онъ будетъ супругомъ моей любезнѣйшей дочери! Топъ, кпо опаснымъ и великимъ саномъ вождя обратишь на себя всѣ стрѣлы и копыя самовласія, мною раздраженнаго, не долженъ быть чуждымъ роду Бо- (*). Такъ называлось всегда главное училище въ Новгородѣ (говоритъ Авшоръ).

рецкихъ и крови моей. . . . Я изумила благородное и чувствительное сердце юноши: онъ клянется побѣдою или смертію оправдать меня въ глазахъ согражданъ и попомства. Благослови, мужъ святой и добродѣтельный, волю нѣжной матери, которая болѣе Ксеніи любитъ одно опечество! Сей союзъ достоинъ твоей правнучки: онъ заключается въ день рѣшительный для Новаграда и соединяетъ ея жребій съ его жребіемъ. Супругъ Ксеніи есть или будущій спаситель опечества или обреченная жертва свободы!“ — Θεодосій обнялъ юношу, называя его сыномъ своимъ. Они вошли въ хижину, гдѣ горѣла лампада. Старецъ дрожащею рукою снялъ булапный мечъ, на стѣнѣ висѣвшій, и вручая его Мірославу, сказалъ: „Вотъ послѣдній остатокъ мірской славы въ жилищѣ опшельника! Я хотѣлъ сохранить его до гроба, но отдаю тебѣ:

Рапъмірѣ, предокѣ мой, изобразилъ на немѣ злаными буквами слова: *никогда врагу не достанется!*“. . . . Мірославъ взялъ сей древній мечъ съ благоговѣніемъ, и гордо опѣвпсповалъ: *исполню условіе!* — Марѣа долго еще говорила съ мудрымъ Θεодосіемъ о силахъ Князя Московскаго, о вѣрныхъ и невѣрныхъ союзникахъ Новаграда, и сказала наконецъ юношѣ: „Возвратимся; буря упихла. Народъ покоится въ великомъ градѣ; но для сердца моего уже нѣтъ спокойствія!“ Спарецъ проводилъ ихъ съ молишвою.

Восходящее солнце озарило первыми лучами своими на лобномъ мѣстѣ Посадницу, окруженную народомъ. Она держала за руку Мірослава и говорила: „Народъ! сей „Вишязь естъ Небесный даръ Ве„ликому граду. Его рожденіе скры„вається во мракѣ шаинспва; но „благоволеніе Всевышняго явно озна„меновало юношу. Чѣмъ Небо опли-

„чаепъ Своихъ избранныхъ, когда
 „сей видъ геройскій, сіе чело гор-
 „дое, сей взоръ огненный не еспъ
 „печашъ любви Его? Онъ пипомецъ
 „опечештва, и сердце его сильно
 „бъешся при имени свободы. Вамъ
 „извѣспны подвиги Мірославовой
 „храбрости.“ . . . (Марѳа съ жаромъ
 и краснорѣчіемъ описала ихъ) . . .
 „Сограждане!“ сказала она въ заклю-
 ченіе: „Кого болѣ всѣхъ долженъ
 „ненавидѣть Князь Московскій, по-
 „му болѣ всѣхъ вы можете въ-
 „ришь: *я признаю Мірослава достой-*
„нымъ вождемъ Новгородскимъ! . . .
 „Самая цвѣтущая молодоспъ его
 „вселяетъ въ меня надежду: ща-
 „спіе ласкаетъ юноспъ!“ . . . Народъ
 поднялъ вверхъ руки: Мірославъ
 былъ избранъ! . . . *Да здравствуетъ*
юный вождь силъ Новгородскихъ!
 восклицали граждане, и юноша съ
 величешвеннымъ смиреніемъ пре-
 клонилъ голову. Бояре и Люди Жи-
 пые осѣнили его своими знаменами.

Іосафъ Дѣлинскій, другъ Марѣы, вручилъ юношѣ златый жезлъ начальства. Спаросты пяти Концовъ Новгородскихъ спали предъ нимъ съ сѣкирами, и Тысяцкіе, громогласно объявивъ собраніе войска, на лобномъ мѣстѣ записывали имена гражданъ для всякой тысячи. Димитрій *Сильный* обнималъ Мірослава, называя его своимъ повелителемъ; но Михаилъ *Храбрый*, воинъ суровый, изъяслялъ негодование. Народъ, раздраженный его укоризнами, хотѣлъ смиришь гордаго; но Марѣа и Дѣлинскій великодушно спасли его: они уважали въ немъ достоинство Вишязя и щадили врага личнаго, презирая мечь и злобу.

Марѣа отъ имени Новаграда написала убѣдительное и приглашительное письмо къ союзной Псковской Республикѣ. „Опцы наши (говорила она) жили всегда въ мирѣ и дружбѣ; у нихъ было *одно бѣдъ*, „спвіе и щасіе, ибо они *одно лю-*

„били и ненавидѣли. Брапья по кро-
 „ви Славянской и Вѣрѣ православ-
 „ной, они назывались брапьями и
 „по духу народному. Псковипя-
 „нинѣ въ Новѣгородѣ забывалѣ, что
 „онѣ не въ опчизнѣ своей, и давно
 „уже извѣстна пословица въ землѣ
 „Руской: *сердце на Великой (*)*,
 „*душа на Волховѣ*. Еспьли мы ча-
 „ще могли помогать вамѣ, нежели
 „вы намѣ; еспьли спраны дальнія
 „опѣ насѣ свѣдали имя ваше; еспь-
 „ли условія, заключенныя Великимѣ
 „Градомѣ съ Великою Ганзою, ожи-
 „вили торговлю Псковскую; еспь-
 „ли вы заимспвовали его спаси-
 „пельные успавы гражданскіе, и
 „еспьли ни хищность Тапарѣ, ни
 „власполобіе Князей Тверскихѣ не
 „повредили вашему благоденспвію
 „(ибо щипѣ Новаграда осѣнялѣ дру-
 „зей его): по хвала единому Небу!
 „Мы не гордимся своими услугами

(*) Имя Псковской рѣки.

„и щаспливы полько ихъ воспоми-
 „наніемъ. Нынѣ, брагья, зовемъ
 „васъ на помощь къ себѣ, не для
 „опплашы за добро Новгородское,
 „а для собственаго вашего блага.
 „Когда рука сильнаго сразитъ насъ,
 „по и вы не переживете вѣрныхъ
 „друзей своихъ. Самая покорность
 „не спасетъ вашего бытія народ-
 „наго: что нынѣ останешся въ умѣ
 „самовластипеля, по завпра при-
 „помнимся гражданину на дѣлѣ.—
 „Увѣренные въ вашей мудрости и
 „любви къ общей славѣ, мы уже
 „назначили предъ градомъ мѣсто
 „для вѣрной дружины Псковской.“
 — Чиновники подписали грамоту,
 и гонецъ немедленно отправился
 съ нею.

Трубы и липавры возвѣспили
 на великой площади явленіе гостей
 иноспранныхъ. Музыканшы, въ
 шелковыхъ красныхъ мантіяхъ, шли
 впереди; за ними граждане десяти
 вольныхъ городовъ Нѣмецкихъ, по

два въ рядѣ, всѣ въ богатой одеждѣ, и несли въ рукахъ, на серебряныхъ блюдахъ, златые слипки и камни драгоценные. Они приблизились къ Вадимову Мѣспу, и поспавили блюда на спупени его. *Ратсгеръ* города Любека *требовалъ слова* — и сказалъ народу: „Граждане и „чиновники! вольные люди Нѣмец- „кіе свѣдали, что сильный врагъ „угрожаетъ Новуграду. Мы давно „поргуемъ съ вами и хвалимся вър- „носпію, славимся пріязнію Нового- „родскою; знаемъ благодарноспь, „умѣемъ помогать друзьямъ въ нуж- „дѣ. Граждане и чиновники! при- „мисе усердные дары добрыхъ го- „спей иноспранныхъ, не сполько „для умноженія казны вашей, споль- „ко для нашей чеспі. Требуемъ еще „опѣ васъ оружія и дозволенія сра- „жашься подѣ знаменами Новгород- „скими. Великая Ганза не проспі- „ла бы намъ, еспѣли бы мы оспались „сполько свідѣспелями вашихъ опа-

„сношей. Насѣ 700 человекѣ въ „Великомѣ Градѣ : всѣ выдемѣ въ „поле — и клянемся вѣрностию Нѣ- „мецкою, что умремѣ или побѣдимѣ „сѣ вами!“ — — Народѣ сѣ живѣй- шею благодарностию принялъ та- кіе знаки дружескаго усердія. Самѣ Мірославѣ роздалѣ оружіе гостямѣ чужеземнымѣ, копорые желали со- спавишь особенный легіонѣ: Марѣа назвала его *дружиною великодуш- ныхѣ*, и граждане общимѣ воскли- чаніемѣ подтвердили сіе имя.

Уже, среди шумныхѣ воинскихѣ приговореній, день склонялся къ вечеру — и юная Ксенія, сидя подѣ окномѣ своего дѣвическаго перема, сѣ любопытствомѣ смопрѣла на движенія народныя : они казались чуждыми ея спокойному, крошкному сердцу! . . . Злополучная! . . . Такѣ юный, невинный паспырь, еще оза- ряемый лучами солнца, сѣ любо- пытствомѣ смоприпѣ на сверкаю- щую вдали молнію, не зная, что

грозная пуча на крыльяхъ бури прямо къ нему спремипся, грянетъ и поразитъ его! . . . Воспитанная въ простотѣ древнихъ Рускихъ нравовъ, Ксенія умѣла наслаждаться только одною своею Ангельскою непорочностію, и ничего болѣе не желала; никакое пайное движеніе сердца не давало ей чувствоватъ, что естъ на свѣтѣ другое щастіе. Естли иногда свѣшлый взоръ ея нечаянно успремлялся на юношей Новгородскихъ, то она краснѣлась, не зная причины: спыдливость естъ пайна невинности и добродѣтели. Любишь машь и свято исполняешь ея волю, любишь брапій и милыми ласками доказываешь имъ свою нѣжность, было единственною потребностію сей крошкой души. Но Судьба неисповѣдимая захотѣла свергнуть ея въ мяшежъ спрасшей человѣческихъ; прелестная какъ роза погибнетъ въ бурѣ, но съ швердосшію и вели-

кодушіемъ : она была Славянка! . . .
Искра едва на землѣ свѣшпшся :
сильный вѣсперѣ развѣваепѣ изв
нее пламя.

Опворяепся дверь уединеннаго
перема , и служанки входящѣ св
богашымѣ нарядомѣ : подающѣ Ксе-
нію одежду алую , ожерелье жем-
чужное , серьги изумрудныя ; произ-
носящѣ имя мапери ея , и дочь , все-
гда послушная , спѣшпшѣ нарядпшь-
ся , не зная , для чего . . Скоро при-
ходищѣ Марѣа , смопрпщѣ на Ксе-
нію , смягчаепся душою и даепѣ
волю слезамѣ маперинской горяч-
носпп Можещѣ быщѣ , пайное
предчувспвіе вѣ сію минупу омра-
чпло сердце ея ; можещѣ быщѣ , ми-
лая дочь казалась ей нещаспною
жерпвою , украшенною для олшаря
и смерпш ! Долго не можещѣ она
говорпшь , прижимая любезную ,
спокойную невинноспѣ къ пламен-
ной груди своей ; наконецѣ укрѣпи-
лась силою мужеспва и сказала :

„Радуйся, Ксенія! сей день есть
 „щасливѣйшій въ жизни пвоей;
 „нѣжная мапъ избираетъ тебѣ
 „супруга, достойнаго бытъ ея сы-
 „номъ!“ . . . Она ведетъ ее въ храмъ
 Софійскій.

Уже народъ свѣдалъ о семъ зна-
 менипомъ бракѣ, извѣялялъ радость
 свою и шумными толпами прово-
 жалъ Ксенію, изумленную, впре-
 воженную споль внезапною пере-
 мѣною судьбы своей. . . Такъ юная
 горлица, воспитанная подѣ крыломъ
 матери, вдругъ видитъ мирное гнѣ-
 здо свое разрушенное вихремъ, и
 сама несется имъ въ неизвѣстное
 пространство; напрасно хотѣла бы
 она слабымъ усиленіемъ нѣжныхъ
 крыльевъ своихъ пропивишься
 стремленію бури. . . . Уже Ксенія
 стоитъ предѣ олшаремъ подѣ юно-
 ши; уже совершается обрядъ шор-
 жественный; уже она супруга: но
 еще не взглянула на шого, кто дол-
 женъ бытъ опнынѣ власпелиномъ

судьбы ея. . . . О слава священныхъ правъ мапери и добродѣтельной покорности дѣвѣ Славянскихъ! . . . Самъ Теофилъ (*) благословилъ новобрачныхъ. Ксенія рыдала въ объятіяхъ мапери, которая, съ нѣжностію обнимая дочь свою и Мірослава, въ то же время принимала съ величіемъ усердныя поздравленія Чиновниковъ. Иосафъ Дѣлинскій именемъ всѣхъ гражданъ звалъ юношу въ домъ Ярославовъ. „Ты не имѣешь родителей,“ говорилъ онъ: „опеченъ, спво признаешь себя великимъ сыномъ своимъ; и главный защипникъ правъ Новгородскихъ да живи, вѣншамъ, гдѣ Князь добродѣтельный упвердилъ ихъ своею печатію, и гдѣ Новгородъ желаетъ нынѣ угоспипь новобрачныхъ!“ . . . *Мѣтѣ*, опвѣспсвовала Марѣа: *еще метъ Иоанновъ не преломился о щитѣ Мірослава или не обагрился его кро-*

(*) Тогдашній Епископъ Новгородскій.

„*Вію за Новгородъ!* и шихо примолвила: *о вѣрный другъ Борцкихъ!* хотя въ сей день, въ послѣдній разъ, да буду матерью, одна среди моего семейства! — — Она вышла изъ храма съ дѣшми своими. Чиновники не дерзали слѣдовать за нею, и народъ далъ новобрачнымъ дорогу; жены знаменитыя усыпали ее цвѣтами до самыхъ воротъ Посадницы. Мірославъ велъ нѣжную, помную Ксенію (и Новгородъ никогда еще не видалъ споль прелестной чепы) — впереди Марѳа — за нею два сына ея. Музыканты чужеземные шли вдали, играя на своихъ гармоническихъ орудіяхъ. Граждане забыли опасность и войну; веселіе сіяло на лицахъ; и всякой опецъ, смопря на величественнаго юношу, гордился имъ какъ сыномъ своимъ; и всякая мать, видя Ксенію, хвалилась ею какъ милою своею дочерью. Марѳа веселилась усердіемъ народнымъ:

облако всегдашней задумчивости исчезло въ глазахъ ея; она взирала на всѣхъ съ улыбкою привѣпливой благодарности.

Съ самой кончины Исаака Борецкаго домъ его представлялъ уныніе и пущину горести: теперь онъ снова украшается коврами драгоценными и богатыми шканими Нѣмецкими; вездѣ зажигаются свѣпильники серебряные, и вѣрные слуги Борецкихъ радостными полпами вспрѣчаютъ новобрачныхъ. Марѳа садится за столъ, съ дѣтьми своими; ласкаетъ ихъ, цѣлуетъ Ксенію; и всю душу свою изливаетъ въ искреннихъ разговорахъ. Никогда милая дочь ея не казалась ей столь любезною. „Ксенія!“ говоритъ она: „нѣжное, крошкое сердце, твое узнаетъ теперь новое щастіе, любовь супружескую, кою, въ другія чувства успупаетъ. Въ ней жена малодушная,

„осужденная рокомъ на однѣ жало-
 „бы и слезы въ бѣдствіяхъ, нахо-
 „диль швердость и рѣшитель-
 „ность, копорой могуць завидо-
 „вать Герои! . . . О дѣви любезныя!
 „теперь открою вамъ тайну моего
 „сердца!“ . . . Она дала знакъ ру-
 „кою, и многочисленные слуги уда-
 „лились. . . . „Было время, и вы по-
 „мните его (продолжала Марѳа), ко-
 „гда мать ваша жила единственно
 „для супруга и семейства въ ши-
 „шинѣ дома своего, боялась шума
 „народнаго, и только въ храмы свя-
 „щенные ходила по спогнамъ; не
 „знала ни вольности, ни рабства;
 „не знала, повинуюсь сладкому за-
 „кону любви, что есть другіе за-
 „коны въ свѣтѣ, оны копорыхъ за-
 „висиль счастье и бѣдствіе людей.
 „О время блаженное! швои милыя
 „воспоминанія извлекающеще нѣж-
 „ныя слезы изъ глазъ моихъ! . . . Кто
 „нынѣ узнаеть мать вашу? Нѣко-
 „гда робкая, боязливая, уединенная,

„сѣ смѣлою швердоспію предсѣ-
 „даешъ шеперь въ Совѣшъ Спарѣй-
 „шинъ, являешся на лобномъ мѣстѣ
 „среди народа многочисленнаго, ве-
 „лишъ умолкнушъ пысячамъ, гово-
 „ришъ на Вечѣ, волнуешъ народъ
 „какъ море, шребуешъ войны и кро-
 „вопролишя — ша, кошорую преж-
 „де одно имя ихъ ужасало! . . Чшо жъ
 „дѣйспвуешъ въ душѣ моей? чшо
 „премѣнило ее споль чудесно? Ка-
 „кая сила даешъ мнѣ власшъ надъ
 „умами согражданъ? Любовы! . . .
 „одна любовь. . . . къ опцу вашему,
 „сему Герою добродѣтели, кошо-
 „рый жилъ и дышалъ опечесствомъ!..
 „Гоповый вышшупинъ въ поле про-
 „пивъ Липовцевъ, онъ казался за-
 „думчивымъ, безпокойнымъ; нако-
 „нецъ опкрылъ мнѣ душу свою и
 „сказалъ: *Я могу положить голову*
 „*въ сей войнѣ кровопролитной; дѣти*
 „*наши еще младенцы; съ моею смер-*
 „*тїю умолкнетъ голосъ Борецкихъ*
 „*на Вечѣ, гдѣ энъ издревле славилъ*

„вольность и воспалляѣ любовь къ
 „отечеству. Народѣ слабѣ и легко-
 „мысленѣ: ему нужна помощь вели-
 „кой души въ важныхѣ и рѣшитель-
 „ныхѣ случаяхѣ. Я предвижу опа-
 „сности, и всѣхѣ опаснѣе для насѣ
 „Князь Московскій, который тай-
 „но желаетѣ покорить Новгородѣ. О
 „другѣ моего сердца! успокой его!
 „Лѣтописи древнія сохранили име-
 „на нѣкоторыхѣ великихѣ женѣ Сла-
 „вянскихѣ: клянись мнѣ превзойти
 „ихѣ! клянись замѣчить Исаака
 „Борецкаго въ народныхѣ совѣтахѣ,
 „когда его не будетѣ на свѣтѣ!
 „клянись быть вѣтны мѣ вра-
 „го мѣ непріятелей свободы Но-
 „вогородской: клянись умереть за-
 „щитницею правѣ ея! и тогда
 „умру спокойно.... Я дала клянц-
 „ву... Онѣ погибѣ, вмѣспѣ сѣ мо-
 „имѣ щаспіемѣ... Не знаю, капи-
 „лись ли изѣ глазѣ моихѣ слезы на
 „гробѣ его: я не ослезахѣ думала,
 „но обожаѣ супруга, пылала ревно-

„стію воскресить въ себѣ душу
 „его. Мудрыя преданія древности,
 „языки чужеземные, лѣтописи на-
 „родовъ вольныхъ, опыты вѣковъ,
 „просвѣтили мой разумъ. Я гово-
 „рила — и спарцы съ удивленіемъ
 „внимали словамъ моимъ; народъ
 „добродушный, осыпанный моими
 „благодѣянiami, любилъ и славилъ
 „меня; чиновники имѣють ко мнѣ
 „довѣренность, ибо думаю только
 „о славѣ Новаграда; враги и зависп-
 „ники. . . . но я презираю ихъ. Всѣ
 „видящъ дѣла мои; но вы одни знае-
 „те теперь ихъ тайный испоч-
 „никъ. О Ксенія! я могу служить
 „себѣ примѣромъ; но ты, юноша,
 „избранный сынъ моего сердца, же-
 „лай только сравняться съ опцомъ
 „ея. Онъ любилъ супругу и дѣтей
 „своихъ; но съ радостію предалъ
 „бы насъ въ жертву опечесиву.
 „Гордость, славолубіе, героическая
 „добродѣтель есть свойство вели-
 „каго мужа; жена слабая бываетъ

„сильна одною любовію ; но чув-
 „спвуя въ сердцѣ ея небесное вдох-
 „новеніе , она можешь превзойти
 „великодушіемъ самыхъ великихъ
 „мужей, и сказаешь року : *не стра-*
„шусь тебя! Такъ Ольга любовію къ
 „памяти Игоря заслужила безсмер-
 „шіе ; пакъ Марѣа будетъ удивле-
 „ніемъ потомства, еспьли злосло-
 „віе не омрачипъ дѣлъ ея въ лѣпно-
 „писяхъ!“ . . .

Она благословила дѣтей , и за-
 ключилась въ уединенномъ своемъ
 перемѣ; но сонъ не смыкалъ глазъ
 ея. — Въ самую глубокую полночь
 Марѣа слышитъ тихій спукъ у две-
 ри; отворяетъ ее — и входитъ че-
 ловѣкъ , суроваго вида , въ одеждѣ
 не - Руской , съ длиннымъ мечемъ
 Липовскимъ , съ злапою на груди
 звѣздою; едва наклоняетъ свою го-
 лову, объявляетъ себя шайнымъ По-
 словъ Казимира , и представляетъ
 Марѣѣ письмо его. Она съ гордою
 скромностію отвѣтспвуетъ : *жена*

*Новгородская не знаетъ Казимира ; я не возьму грамоты. Хищрый Полякъ хвалилъ Героиню Великаго Града, извѣстную въ самыхъ отдаленныхъ спранахъ, уважаемую Царями и народами. Онъ уподобляетъ ее великой дочери Краковой , и называетъ *Новгородскою Вандою* (*). . . . Марѳа внимаетъ ему съ равнодушіемъ. Полякъ описываетъ ей величіе своего Государя, щастіе союзниковъ и бѣдствіе враговъ его... Она съ гордостію садится. „Казимиръ великодушно предлагаетъ Новугороду свое заспупленіе,“ говоритъ онъ: „пребуйте , и легіоны Польскіе окружаютъ васъ своими щипами!“ . . . Марѳа задумалась... Ко „гда же спасемъ васъ, погда“ . . . Посадница быспро взглянула на него. . . . „погда благодарные Нового „родцы должны признаеть въ Казимирѣ*

(*) О сей Королевѣ Польскія лѣтописи рассказываютъ чудеса.

мирѣ своего благопворишеля — и
 власпелина, копорый безѣ сомнѣ-
 нія не употребитѣ во зло ихѣ до-
 вѣренности“ *Умолкни!* грозно
 восклицаетѣ Марѣа. . . . Изумленный
 пылкимѣ ея гнѣвомѣ, Посолѣ без-
 молвспвуешѣ ; но, успыдаясь робо-
 спи своей, возвышаетѣ голосѣ и
 хочешѣ доказатѣ необходимую ги-
 бель Новагорода, еспыли Казимирѣ
 не защититѣ его отѣ Князя Мо-
 сковскаго . . . „Лучше погибнуть
 „отѣ руки Иоанновой, нежели спа-
 „спись отѣ вашей!“ сѣ жаромѣ
 опивѣспвуешѣ Марѣа : „Когда вы
 „не были люпыми врагами народа
 „Рускаго? когда мирѣ надѣялся на
 „слово Польское? Давно ли самѣ не-
 „вѣрный Амуралѣ удиялялся вѣро-
 „ломспву вашему (*)? И вы дерзае-

(*) Сіе происшествіе было тогда еще
 ново. Владиславѣ, Король Польскій,
 едва заключивѣ торжественный мирѣ
 сѣ Султаномѣ, нечаянно напалѣ на
 его владѣнія.

„те мыслишь, что народъ велико-
 „душный захочетъ упасъ на ко-
 „лѣна предъ вами? Тогда бы Іоаннъ
 „справедливо укорялъ насъ измѣ-
 „ною. Нѣтъ! есшьли угодно Небу,
 „по мы падемъ съ мечемъ въ рукъ
 „предъ Княземъ Московскимъ: одна
 „кровь печенъ въ жилахъ нашихъ;
 „Руской можетъ покориться Ру-
 „скому, но чужеземцу — никогда,
 „никогда! . . . Удались немедленно;
 „и есшьли восходящее солнце освѣ-
 „шилъ шебя еще въ спѣнахъ Но-
 „вогородскихъ, ты будешь высланъ
 „съ безчестіемъ. Такъ, Марѳа лю-
 „бима народомъ своимъ; но она ве-
 „лилъ ему ненавидѣтъ Липву и
 „Польшу. . . Вопль опвѣтъ Казими-
 „ру!“ — — Посоль удалмся.

На другой день Новгородъ пред-
 спавилъ вмѣстѣ и грозную дѣя-
 пельность воинскаго спана и вели-
 колѣпіе народнаго пиршества, дан-
 наго Марѳою въ знакъ ея семей-
 сшвенной радости. Спукъ оружія

раздавался на спогнахъ. Вездѣ являлись граждане въ шлемахъ и въ лапахъ; спарцы сидѣли на великой площади и разсказывали о бипвахъ юношамъ неопышнымъ, копорые вокругъ ихъ толпились, и еще въ первый разъ видѣли на себѣ доспѣхи блестящїе. Въ то же время безчисленные сполы накрывались вокругъ Мѣспа Вадимова: ударили въ колоколъ, и граждане сѣли за нихъ; воины клали подлѣ себя оружіе, и пировали. Рука изобилїя подавала яспва. Борецкіе угощали народъ сѣ воспочною роскошїю. Мірославъ и Ксенїя ходили вокругъ споловѣ и просили гражданъ веселишья. Юный полководецъ ласково говорилъ сѣ ними; юная супруга его кланялась имъ привѣшливо. Въ сей день Новгородцы соспавляли одно семейспво: Марѣа была его маперью. Она садилась за всякимъ споломъ, называла гражданъ своими госпями любезными, служила имъ, дружески бесѣдовала

сѣ ними, хопѣла казашься равною со всѣми и казалась Царицею. Громогласныя извѣявленія усердія и радости вспрѣчали и провожали ее; когда она говорила, всѣ безмолвствовали; когда молчала, всѣ говорили хопѣли, чпобы славишь и величашь Посадницу. За первымъ споломѣ и въ первомъ мѣспѣ сидѣлъ древнѣйшій изъ Новгородскихъ спарцевѣ, копораго ошецѣ помнилъ еще Александра Невскаго: внукѣ сѣ сѣдою брадою принесѣ его на пирѣ народный. Марѣа подвела кѣ нему новобрачныхѣ: онѣ благословишь ихѣ и сказаъ: *живите мои лѣта, но не переживайте славы Новгородской!...* Сама Посадница налила ему серебряный кубокѣ вина Фряжскаго: спарецѣ выпилъ его, и помная кровь начала быспрѣе въ немѣ обращашься. „Марѣа!“ говорилъ онѣ: „я былъ „свидѣпелемѣ пшого славнаго рожденія на берегу Невы. Храбрый „Молинскій занемогѣ въ спанѣ: вой-

„ско не хотѣло сражаться до его
 „выздоровленія. Мать швоя спѣ-
 „шила къ нему изъ Великаго града;
 „и когда мы разили Нѣмецкихъ Ры-
 „царей — когда родипель швой,
 „еще блѣдный и слабый, мечемъ
 „своимъ указывалъ намъ пупь къ
 „ихъ *святому прапору*, шы роди-
 „лась. Первый вопль швой былъ для
 „насъ гласомъ побѣды; но Молин-
 „скій упалъ мершвый на шѣло Ве-
 „ликаго Магиспера Рудольфа, имъ
 „сраженнаго!.. Финскій волхвъ,
 „жившій погда на берегу Невы,
 „пророчеспвовалъ, что судьба швоя
 „будетъ славна, но“... Старецъ
 „умолкъ. Марѳа не хотѣла изъявипь
 „любопытства.

Всѣ чиновники вмѣстѣ съ нею и
 дѣшми ея служили народу. Госпи
 иноспранные украсили Великую
 Площадъ разноцвѣпными пирами-
 дами, изобразивъ на нихъ имена и
 гербы вольныхъ городовъ Нѣмец-
 кихъ. Вокругъ пирамидъ, въ боль-

шихъ корзинахъ, лежали повары чужеземные: Марѳа дарила ихъ народу. Мраморный образъ Вадимовъ былъ увѣнченъ искусственными лаврами; на щипѣ его вырѣзалъ Дѣлинскій имя Мірослава: граждане, увидѣвъ по, воскликнули отъ радости, и Марѳа съ чувствительностію обняла своего друга. Всѣ Новгородцы ликовали, не думая о будущемъ: одинъ Михаилъ *Храбрый* не хотѣлъ брать участія въ народномъ веселіи, сидѣлъ въ задумчивости подлѣ Вадимовой шпаги и въ безмолвіи осприлъ мечъ на ея подножіи. — Пиршество заключилось ввечеру пошѣшными огнями.

Скоро гонецъ возвратился изъ Пскова и на лобномъ мѣстѣ вручилъ грамоту Спешенному Посаднику. Онъ читалъ — и съ печальнымъ видомъ отдалъ письмо Марѳѣ. . . „Друзья!“ сказала она знаменитымъ гражданамъ: „Псковитяне, „какъ добрые братья, желаюшъ Но-

„вугороду щаспія—такъ говорятъ
 „они — только даютъ намъ совѣ-
 „пы, а не войско — и какіе совѣ-
 „пы? ожидашь всего опъ Іоанновой
 „милоспі!“ . . . *Измѣнники!* вос-
 кликнули всѣ граждане. *Недостой-*
ные! повпоряли госпіи чужеземные.
Отмстимъ имъ! говорилъ народъ.
Презрѣніемъ! опвѣпспвовала Мар-
 еа; изорвала письмо, и на опрывкѣ
 его написала ко Псковипянамъ:
доброму желанію не вѣримъ, совѣ-
томъ гнушаемся, а безъ войска ва-
шего обойтися можемъ.

Новгородъ, оспавленный союзни-
 ками, еще съ большею ревностію
 началъ вооружаться. Ежедневно
 опправлялись гонцы въ его обла-
 сти (*), съ повелѣніемъ высылать
 войско. Жипели береговъ Нев-
 скихъ, великаго озера Ильменя,

(*) Онѣ назывались Пятинами: Водскою,
 Обонежскою, Бежецкою, Деревскою,
 Шелонскою.

Онеги, Мологи, Ловапа, Шелоны, одни за другими являлись въ общемъ спанѣ, въ который Мірославъ вывелъ гражданъ Новгородскихъ. Усердіе, дѣятельность и воинскій разумъ сего юнаго Полководца удивляли самыхъ опытныхъ Випязей. Онъ вспрѣчалъ на конѣ солнце, составлялъ легіоны, пріучалъ ихъ къ спройному шествию, къ быспрымъ движеніямъ и спремисельному нападению, въ присущствіи женъ Новгородскихъ, которыя съ любопытствомъ и пайнымъ ужасомъ смопрѣли на сей образъ бипвы. Между спаномъ и врапами Московскими возвышался холмъ; шуда обращался взоръ Мірослава, какъ скоро порывъ вѣтра разсѣвалъ облака пыли; тамъ стояла обыкновенно, вмѣстѣ съ матерью, прелестная Ксенія, уже спраспная, чувствительная супруга. . . . Сердце невинное и скромное любило шѣмъ пламениѣ, когда оно, слѣдуя зако-

ну Божественному и человѣческому, навѣкъ отдается достойному юношѣ. Жены Славянскія издревле славилась нѣжноспію. Она гордилась Мірославомъ, когда онъ блестящимъ махомъ меча своего приводилъ все войско въ движеніе, леталъ орломъ среди полковъ — восклицалъ, и единымъ словомъ оспанавливалъ быспрыя пысячи; но чрезъ минушу слезы капились изъ глазъ ея. . . . она спѣшила опирашь ихъ съ милою улыбкою, когда машь на нее смопрѣла. Часпо Марѣа сходила съ високаго холма и, въ шумномъ замѣшательствѣ, перялась между безчисленными рядами воиновъ.

Пришло извѣстіе, что Іоаннъ уже спѣшилъ къ Великому Граду съ своими храбрыми, опытными легіонами. Еще изъ дальнихъ областей Новгородскихъ, опѣ Каргополя и Двины, ожидали войска; но Верховный Совѣтъ далъ Вождю повелѣніе, и Мі-

рославъ сорвалъ покровъ съ *хоругви отчества*.. Она возвѣялась, и громкое восклицаніе раздалося : *друзья! въ поле!* Сердца родителей и супруговъ запрепешали. . . . Тысячи колеблюшя и выступающъ : первая и вপরая сосполяли избъ знаменипыхъ гражданъ Новгородскихъ и Людей Жипыхъ ; одежда ихъ опличалась богашспвомъ, оружіе блескомъ, осанка благородспвомъ , а сердца пыл-костію: каждый избъ нихъ могъ уже славиписья дѣлами мужеспва или почпенными ранами. Михаилъ *Храбрый* шелъ наряду съ другими, какъ проспый воинъ. Юный Мірославъ взялъ его за руку , вывелъ впередъ и сказалъ : *Сеть Витязей! повелъ-вай сили мужами знаменитыми!* Михаилъ хотѣлъ взглянуть на него съ гордоспю ; но взоръ его избъ-явилъ чувспвишельность. . . . *Юноша, я врагъ Борецкихъ!* . . . „Но другъ славы Новгородской!“ ошвѣшспво-валъ Мірославъ , и Вишязъ обнялъ

его, сказавъ: *ты хочешь моей смерти!* За симъ легиономъ шла дружина великодушныхъ, подъ начальствомъ Рапсгера Любекскаго. Знамя ихъ изображало двѣ соединенныя руки надъ пылающимъ жерпвенникомъ, съ надписью: *дружба и благодарность!* Они, вмѣстѣ съ Новгородцами, соспавляли *большой полкъ*, Онежцы и Волховцы *передовой*, жипели Деревской обласпи *правую*, Шелонскіе *лѣвую руку*, а Невскіе *стражу* (*). Мірославъ велѣлъ войску оспановишься на равнинѣ. . . . Марѳа явилась посреди его и сказала:

„Храбрые Випязи! въ послѣдній
 „разѣ да обрапяпся глаза ваши на
 „сей градъ, славный и великолѣп-
 „ный: судьба его написана ипеперь

(*). Такъ раздѣлялись тогда арміи. Большимъ полкомъ назывался главный корпусъ, а спражею или спорожевымъ полкомъ аріергардъ.

„на щипахъ вашихъ! Мы вспрѣ-
 „шимъ васъ со слезами радости или
 „опчаянія, прославимъ Героевъ или
 „успыдимся малодушныхъ. Есльли
 „возвращишесь съ побѣдою, по ща-
 „спливы родители и жены Нового-
 „родскія, которые обнимушъ дѣ-
 „шей и супруговъ; есльли возвра-
 „щипшесь побѣжденные, по будущъ
 „щаспливы сирые, безчадные и
 „вдовицы! . . . Тогда живые позави-
 „дуюшъ мершвымъ!

„О воины великодушные! вы
 „идете спасши опечесство и навѣки
 „ушвердишъ благіе законы его; вы
 „любите шѣхъ, съ которыми долж-
 „ны сражашься: но почшо же нена-
 „видяшъ они величіе Новаграда? Оп-
 „разите ихъ — и тогда съ радо-
 „спію примиримся съ ними!

„Грядите — не съ миромъ, но
 „съ войною для мира! Донынъ Богъ
 „любилъ насъ; донынъ говорили
 „народы: *кто противъ Бога и вели-*

„каго *Новаграда!* Онъ съ вами :
„грядите!“

Заиграли на шрубахъ и липае-
рахъ. Мірославъ вырвался изъ объ-
ящій Ксеніи. Марѳа, возложивъ ру-
ку на юношу, сказала полько : *ис-*
полни мою надежду. Онъ сѣлъ на
гордаго коня, блеснулъ мечемъ —
и войско двинулось, громко взывая:
кто прстивъ Бога и великаго Нова-
града! Знамена развѣвались, оружіе
гремѣло и сверкало, земля спонала
опѣ конскаго попопа — и въ обла-
кахъ пыли сокрылись грозныя пы-
сячи. Жены Новгородскія не могли
удержашъ слезъ своихъ; но Ксенія
уже не плакала, и съ швердостію
сказала мапери: *отнынѣ ты будешь*
моимъ прижѣромъ!

Еще много жипелей оспалось въ
Великомъ Градѣ; но пищина, ко-
порая въ немъ царшвуетъ по оп-
ходѣ войска, скрываетъ число ихъ.
Торговая сторона (*) опустѣла: уже
(*) Частъ города, гдѣ жили купцы.

иностранные госпи не расклады-
 вають шамб драгоцѣнныхъ своихъ
 поваровъ для прельщенія глазъ;
 огромныя хранилища, наполненныя
 богатствами земли Руской, запво-
 рены; не видно никого на *Мѣстѣ*
Княжескомѣ, гдѣ юноши любили сла-
 висья искусствомъ и силою въ
 разныхъ играхъ богатырскихъ — и
 Новгородъ, шумный и воинствен-
 ный за нѣсколько дней предъ шѣмъ,
 кажется великою обипелію мирна-
 го благочеспія. Всѣ храмы опворе-
 ны съ упра до полуночи: Священ-
 ники не снимають ризъ, свѣчи не
 угасаютъ предъ образами, өиміамъ
 безпрестанно курипся въ кадилахъ,
 и модебное пѣніе не умолкаетъ на
 крилосахъ; народъ шолпился въ
 церквахъ; спарцы и жены прекло-
 няють колѣна. Робкое ожиданіе,
 спрахъ и надежда, волнуяють сер-
 дца, и люди, вспрѣчаясь на спог-
 нахъ, не видяють другъ друга. . . .
 Такъ народъ дерзко зоветъ къ себѣ

опасности издали; но видя ихъ вблизи, бываешъ робокъ и малодушенъ! Одни Чиновники кажущя спокойными — одна Марѳа шверда душею, дѣятельна въ совѣтѣ, словоохотна на Великой Площади среди гражданъ и весела съ домашними. Юная Ксенія не уступаетъ матери въ знакахъ наружнаго спокойствія, но только не можешъ различиться съ нею, укрѣпляясь въ душѣ видомъ ея героической швердости. Онѣ вмѣстѣ проводятъ дни и ночи. Ксенія ходила съ матерью даже въ Совѣтѣ Верховный.

Первый гонецъ Мірославовъ нашелъ ихъ въ саду: Ксенія поливала цвѣты — Марѳа сидѣла подъ вѣтвями древняго дуба, въ глубокомъ размышленіи. Мірославъ писалъ, что войско извѣялетъ жаркую ревность; что всѣ именитые Виписи увѣряютъ его въ дружбѣ, и всѣхъ болѣе Димитрій *Сильный*; что Іоаннъ соединилъ полки свои съ Твер-

скими, и приближается; чпо славный воевода Московскій, Василій Образецъ, идешь впереди, и чпо Холмскій есшь главный по Князѣ начальникъ. — Впорый гонецъ привезъ извѣстіе, чпо Новгородцы разбили опрядѣ Иоаннова Войска, и взяли вѣ плѣнѣ 50 Московскихъ дворянѣ. — Сѣ прешьимѣ Мірославѣ написалъ толькѣ одно слово: *сражается*. Тушь сердце Марѣы наконецъ запрепело: она спѣшила на Великую Площадь, сама ударила вѣ *Ветевый колоколѣ*, объявила гражданамѣ о началѣ рѣшительной битвы, спала на Вадимовомѣ Мѣстѣ, успремила взорѣ на Московскую дорогу и казалась неподвижною. Солнце восходило. . . . уже лучи его пылали, но еще не было никакого извѣстія. Народѣ ожидалѣ вѣ глубомѣ молчаніи, и смотрѣлѣ на Посадницу. Уже наступалѣ вечерѣ. . . и Марѣа сказала: „я вижу облака пыли.“ Всѣ руки поднялися

къ Небу. . . . Марѳа долго не говорила ни слова. . . . Вдругъ, закрывъ глаза, громко воскликнула: *Міро-славъ убитъ! Іоаннъ побѣдитель!* и бросилась въ объятія къ несчастной Ксеніи.

КНИГА ТРЕТІЯ.

Марѳа съ высокаго Мѣста Вадимова увидѣла разсѣянныхъ пысячи бѣгущихъ и среди ихъ колесницу, осѣненную знаменами: пакъ издревле возили Новгородцы пѣла убитыхъ вождей своихъ. . . .

Безмолвіе мужей и спарцевъ въ Великомъ Градѣ было ужаснѣе вопля женъ малодушныхъ. . . . Скоро Посадница ободрилась и велѣла оппереть врапа Московскія. Бѣглецы не смѣли явиться народу, и скрывались въ домахъ. Колесница медленно приближалась къ Великой Площади. Вокругъ ее шли, пошупивъ

глаза въ землю — съ горестію, но безъ стыда — Люди Жишые и воины чужеземные ; кровь запеклась на ихъ оружїи; обломанные щипы, обрубленные шлемы, показывали слѣды безчисленныхъ ударовъ непрїязельскихъ. Подъ сѣнію знаменъ, надъ пѣломъ вожда, сидѣлъ Михаилъ *Храбрый*, блѣдный, окровавленный; въперъ развѣвалъ его черные волосы и помная глава склонялась ко груди.

Колесница оспановилась на Великой Площади. . . Граждане обнимали воиновъ; слезы пекли изъ глазъ ихъ. Марѳа подала руку Михаилу съ видомъ сердечнаго дружелюбія; онъ не могъ ипшти: чиновники взнесли его на желѣзныя ступени Вадимова Мѣста. Посадница открыла пѣло убишаго Мірослава. . . на блѣдномъ лицѣ его изображалось вѣчное спокойствіе смерти. . . *Щастливой юноша!* произнесла она тихимъ голосомъ, и спѣшила внимашь

Храброму Михаилу. Ксенія обливала слезами хладныя уста своего друга, но сказала матери: „будь покойна: я дочь своя!“

На щипахъ посадили выпязя, опѣранѣ ослабѣвшаго; но онѣ собралѣ изнуренныя силы, поднялѣ помную голову, оперся на мечь свой, и вѣщалѣ пвердымѣ голосомѣ:

„Народѣ и граждане! разбипо
„воинство храброе, убипѣ полково-
„децѣ великѣй. Небо лишило насѣ
„побѣды, — не славы!

„На берегахѣ Шелоны мы встрѣ-
„пились сѣ Иоанномѣ. Его именемѣ
„Князь Холмскѣй пребовалѣ шай-
„наго свиданѣя сѣ Мѣрославомѣ.
„*Увидимся на полѣ ратножѣ!* оп-
„вѣспововалѣ гордый юноша — и
„спройно посшавилѣ воинство.
„Онежцы первые вшупили вѣ бой
„на высотахѣ Шелонскихѣ: шамѣ
„Образецѣ, славный воевода Москов-
„скѣй, принялѣ ихѣ удары на щипѣ
„свой. . . Мы шли вѣ срединѣ, ши-

„хо и въ безмолвіи. Мірославъ впе-
 „реди наблюдалъ движенія и силу
 „враговъ. Воинство Іоанново было
 „многочисленнѣе нашего; необозри-
 „мые ряды его пѣснились на рав-
 „нинѣ. Мы видѣли Князя Москов-
 „скаго на бѣломъ конѣ; видѣли,
 „какъ онъ распоряжалъ легіоны и
 „блещащимъ мечемъ своимъ ука-
 „зывалъ на сердце Новгородское,
 „на *хдругъ отчества*; видѣли Кня-
 „зя Холмскаго, съ сильнымъ опря-
 „домъ идущаго окруживъ насъ...
 „Мірославъ повелѣлъ, и Спража
 „Невская съ Димиприемъ *Сильнымъ*
 „двинулась на встрѣчу къ нему.
 „Вѣроломный!... Еще Онежцы и
 „Волховцы не могли занявъ бугровъ
 „Шелонскихъ: мечъ выпязя Образ-
 „ца дымился ихъ кровію, Мірославъ,
 „пылая неперпѣніемъ, лепѣлъ пу-
 „да на бурномъ конѣ своемъ: мы
 „взглянули — и знамена Новгород-
 „скія уже развѣвались на холмахъ
 „— и Волховцы на щипахъ своихъ

„подняли вверхъ шѣло убишаго на-
 „чальника Московскаго. Тогда, вос-
 „кликнувъ громогласно: *кто противъ*
 „*Бога и великаго Новогорода?* всѣ
 „ряды наши успремелись въ биш-
 „ву, и сразились... На всей равни-
 „нѣ запрещало оружіе, и кровь по-
 „лилась рѣкою. Я видалъ бишвы,
 „но никогда такой не видывалъ.
 „Грудь Руская была прошивъ груди
 „Руской, и выпязи съ обѣихъ спо-
 „ронъ хопѣли доказашъ, чшо они
 „Славяне. Взаимная злоба брашій
 „есль самая ужасная!.. Тысячи
 „падали; но первые ряды казались
 „цѣлы и невредимы: каждый пы-
 „лалъ ревностію засступить мѣспю
 „убишаго, и безжалоспно попиралъ
 „ногою прупъ своего брата, чшобы
 „шолько опмсшить смерть его. Вои-
 „ны Іанновы спояли пвердынею не-
 „поколебимую: Новгородскіе спре-
 „милась на нихъ какъ бурныя волны.
 „Одни сражались за честь, другіе за
 „чешъ и вольность: мы шли впе-

„редѣ!.. за полководцемъ нашимъ, ко-
 „шорый искалъ взоромъ Іоанна. Князь
 „Московскій былъ окруженъ знаме-
 „нипыми вишпяями: Мірославъ раз-
 „сѣкъ сію крѣпкую ограду — под-
 „нялъ руку — и медлилъ. Сильный
 „оруженосецъ Іоанновъ ударилъ его
 „мечемъ въ главу, и шлемъ распал-
 „ся на частпи : онъ хотѣлъ повпо-
 „ришь ударъ ; но самъ Іоаннъ за-
 „крылъ Мірослава щипомъ своимъ.
 „Опасность вождя удвоила наши
 „силы — и скоро главная дружина
 „Московская замѣшалась. Новогород-
 „цы воскликнули побѣду; но въ по-
 „же мгновеніе имя Іоанново гремѣ-
 „ло за нами. . . Мы съ удивленіемъ
 „,обрапили взоръ: Князь Холмскій
 „спылу разилъ лѣвое крыло Ново-
 „городское. . . . Димитрій измѣнилъ
 „согражданамъ!.. не исполнилъ по-
 „велѣній вождя, завелъ спражу въ
 „непроходимыя блапа, не вспрѣ-
 „шилъ врага и далъ ему время
 „,окружишь наше войско. Мірославъ

„спѣшилъ ободришь изумленныхъ
 „Шелонцевъ: онъ помогъ имъ поль-
 „ко умереть великодушнѣе! Герой
 „сражался безъ шлема; но всякій
 „усердный воинъ Новгородскій слу-
 „жилъ ему щипомъ. Онъ увидѣлъ
 „Димитрія среди Московской дру-
 „жины — послѣднимъ ударомъ на-
 „казалъ измѣнника, и палъ опъ
 „руки Холмскаго; но падая на бе-
 „регу Шелоны, бросилъ мечъ свой
 „въ быспрыя воды ея“

Тупъ ослабѣлъ голосъ Михаила; взоръ помрачился облакомъ; блѣдныя уста онѣмѣли; мечъ выпалъ изъ руки его; онъ запрепепалъ — взглянулъ на образъ Вадимовъ, и закрылъ навѣки глаза свои. . . . Чиновники положили шѣло его на колесницу, рядомъ съ Мірославовымъ.

„Народъ!“ сказалъ Александръ *Знаменитый*, старшій изъ выпязей: „благослови память Михаила! Онъ
 „вышелъ изъ битвы съ *хоругвѣю*
 „отечества, съ шѣломъ Мірослава,

„обагрённый кровію безчисленныхъ
 „враговъ и его собственною ; со-
 „бралъ останки храбрыхъ Людей
 „Живыхъ, *Дружины Великодуш-*
 „*ныхъ*, и въ самомъ бѣдствіи ка-
 „зался грознымъ Іоанну — враги
 „видѣли насъ еще не мертвыхъ, и
 „стояли неподвижно. Радость по-
 „бѣды изображалась на ихъ лицахъ
 „вмѣстѣ съ ужасомъ : они купили
 „ее смертію славнѣйшихъ Москов-
 „скихъ [вицязей. Народъ и чинов-
 „ки ! многіе Новгородцы погибли
 „славно : радуйтесь ! нѣкоторые
 „спаслися бѣгствомъ : презирайте
 „малодушныхъ ! Мы живы, но не
 „спыдимся ! Сочтите знаменитыхъ
 „гражданъ : ихъ осталось менѣ по-
 „ловины ; всѣ они легли вокругъ
 „*хоругви отечества.*“ — „Сочтите
 „насъ!“ сказалъ начальникъ *Дру-*
 „*жины Великодушныхъ* : „изъ семи
 „сотъ чужеземныхъ братьевъ Нового-
 „родскихъ видите шестію часть :
 „всѣ они легли вокругъ Мірослава.“

„Убины ли сыны мои?“ спросила Марѳа съ неперѣвнѣмъ. *Оба*, опвѣсповалъ Александръ *Знаменитый* (*) съ горестію. „Хвала Небу!“ сказала Посадница : „Опцы и машери Новгородскіе ! шеперь я могу утѣшатъ васъ! . . . Но прежде, о народъ ! будь спрогимъ, неумолимымъ судьею и рѣши — судьбу мою! Унылое молчаніе царсвуешъ на Великой Площади ; я вижу знаки опчаянія на многихъ лицахъ. Можешъ бышь, граждане сожалѣюшъ о помъ, чпо они не упали на колѣна предъ Іоанномъ, когда Холмскій объявилъ намъ волю его власповашъ въ Новѣгородѣ, можешъ бышь, шайно обвиняюшъ меня, чпо я хопѣла оживишъ въ сердцахъ гордосшъ народную!... Пусшъ говоряшъ враги мои ; и ешъли они докажущъ, чпо сер-

(*) Въ лѣтописяхъ сказано, чпо сынъ ея Димитрій былъ взятъ въ плѣнъ.

„дца Новгородскія не отвѣшспву-
 „юпѣ моему сердцу ; чшо любовь
 „кѣ свободѣ естѣ преспуиленіе для
 „гражданки вольнаго опечеспва :
 „шо я не буду оправдывашься, ибо
 „славлюсь моею виною , и сѣ радо-
 „спію кладу голову свою на плаху.
 „Пошлите ее вѣ дарѣ Іоанну , и
 „смѣло пребуйте его милоспи!“ ...

„Нѣпѣ , нѣпѣ!“ воскликнулѣ на-
 родѣ вѣ живѣйшемѣ усердіи : „мы
 „хопимѣ умереть сѣ побою ! Гдѣ
 „враги швои ? гдѣ друзья Іоанновы ?
 „Пусть говорятѣ они : мы пошлемѣ
 „ихѣ головы кѣ Князю Московско-
 „му!“ — Опцы, копорые лишились
 дѣпей вѣ бишѣ Шелонской , шро-
 нушые великодушіемѣ Марѣы , цѣ-
 ловали одежду ея и говорили : *про-*
сти намѣ ! мы плакали ! . . . Слезы
 шекли изѣ глазѣ Марѣы . „Народѣ!“
 сказала она : „сѣ шакою душею шы
 „еще не побѣжденѣ Іоанномѣ ! Нѣпѣ
 „вѣличія безѣ опасностей и бѣд-
 „спвія : Небо искушаетѣ ими лю-

„бимцевъ своихъ. Бывали пучи
 „надъ Великимъ Градомъ; но опцы
 „наши не опускали мечей, и мы ро-
 „дились свободными. Издревле ща-
 „спіе воинское славися преврап-
 „носшію. Новгородъ видалъ пѣла
 „полководцевъ на лобномъ мѣстѣ;
 „видалъ надменнаго врага предъ
 „спѣнами своими: кпожь входилъ
 „въ нихъ донынѣ? одни друзья его.
 „Народъ великодушный! будь пвердѣ
 „и спокоенѣ! Еще не все погибло:
 „Борецкая жива и говоритъ съ по-
 „бою! Когда желѣзныя ступени
 „престанутъ звучать подъ ногами
 „моими; когда взоръ пвой въ часъ
 „рѣшипельный напрасно будетъ
 „искапъ меня на Вадимовомъ Мѣ-
 „стѣ; когда въ глубокую ночь по-
 „гаснетъ лампада въ моемъ высо-
 „комъ перемѣ и не будетъ уже
 „для шебя знакомѣ, что Марѣа при
 „свѣтѣ ея мыслитъ о благѣ Нова-
 „града: тогда, тогда скажи: *все*
 „погибло! . . . Теперь, друзья сограж-

„дане, воздадимъ послѣднюю честь
 „вождю Мірославу и выпязю Ми-
 „хайлу! Чиновники ваши пекутся
 „о безопасности града.“ — — Она
 дала знакъ рукою, и колесница про-
 нулась. Чиновники и народъ прово-
 дили ее до Софійскаго храма. Тео-
 филъ съ Духовенствомъ встрѣшилъ
 ихъ. Степенный Посадникъ и Ты-
 сяцкій положили пѣла во гробы.

Глубокая ночь наступила. Никто
 не мыслилъ успокоиться въ Вели-
 комъ Градѣ. Чиновники поспавили
 спражу и заключились въ домъ Яро-
 слава для совѣща, съ Мареою. Граж-
 дане полпились на спогнахъ, и бо-
 ялись войши въ дома свои — бо-
 ялись вопля женъ и матерей оп-
 чаянныхъ. Упомленные воины не
 хотѣли отдохновенія; спояли предъ
 Вадимовымъ Мѣспомъ, облокопясь
 на щипы свои, и говорили: *побѣж-
 денные не отдыхаютъ!* — Ксенія
 молилась надъ пѣломъ Мірослава.

На зарѣ упренней раздалось свя-

пое пѣніе въ Софійскомъ храмѣ. Гробы выпязей были опкрыпы. Марва, Ксенія, спарецъ, родишель Михайловъ, и воины съ окровавленными знаменами окружали ихъ. Горещь изображалась на лицахъ; никто не дерзалъ спенать и плакать. Юсафъ Дѣлинскій именемъ Новаграда положилъ въ гробы *хартію славы!* (*). . . ихъ опустили въ землю подъ вѣяніемъ *хоругви отчества*. Посадница спала на могилу; она держала въ рукъ цвѣты, и говорила: „Чещь и слава храбрымъ! „смыдъ и поношеніе робкимъ! „Здѣсь лежатъ знаменишые выпязи: совершились ихъ подвиги; они „успокоились въ могилахъ, и ничѣмъ „уже не должны опечеспву: но опечеспво должно имъ вѣчною благо„дарноспію. О воины Новогород-

(*) На сихъ хартіяхъ (говоритъ Авторъ) изображались славныя дѣла усопшаго.

„скіе! кто изъ васъ не позавидуешъ
 „сему жребію? Храбрые и малодуш-
 „ные умирающъ : блаженъ , о комъ
 „жалѣющъ вѣрные сограждане , и
 „чьєю смертію они гордятся! Взгля-
 „ните на сего старца , родителя
 „Михайлова : согбенный лѣтами и
 „болѣзнями , безчадный при концѣ
 „жизни, онъ благодаритъ Небо, ибо
 „Новгородъ погребаешъ великаго
 „сына его. Взгляните на сію вдо-
 „вицу юную : брачное пѣніе соеди-
 „нилось для нее съ гимнами смер-
 „пи; но она шверда и великодушна,
 „ибо супругъ ея умеръ за отече-
 „ство. . . . Народъ! естли Всевыш-
 „нему угодно сохранишъ бытіе
 „швое ; естли грозная пуча раз-
 „сѣлся надъ вами , и солнце оза-
 „ритъ еще поржество свободы въ
 „Новгородѣ: то сіе мѣсто да бу-
 „детъ для тебя священо! Жены зна-
 „менипыя да украшающъ его цвѣпа-
 „ми , какъ я шеперь украшаю ими
 „могилу любезнѣйшаго изъ сыновъ

„моихъ“ . . . (Марѳа разсыпала цѣпы). . . . „и выпязя храбраго, нѣ-
 „когда врага Борецкихъ; но пѣнь
 „его примирилась со мною: мы оба
 „любили опечесство! . . . Спарцы,
 „мужи и юноши да славяшъ здѣсь
 „кончину Героевъ и да клянупъ па-
 „мянь измѣнника Димитрія!“
Клятва, вѣсная клятва его имени и
роду! воскликнули всѣ чиновники
 и граждане — и брашъ Димитрія
 упалъ мертвый въ полтъ народной
 — и супруга его опчаянная броси-
 лась въ шумную глубину Волхова.

Уже легионы Иоанновы приближа-
 лись къ Великому Граду, и медлен-
 но окружали его: народъ съ высо-
 кихъ стѣнъ смотрѣлъ на ихъ гроз-
 ные движенія. Уже бѣлый шаперъ
 Княжескій, злалымъ шаромъ увѣн-
 ченный, споялъ предъ врагами Мо-
 сковскими. — и Степенный Тысяц-
 кій отправился посломъ къ Иоанну.
 Новгородцы, гошовые умереть за
 вольность, тайно желали сохранишь

ее миромъ. Марѳа знала сердца народныя, душу Великаго Князя, и спокойно ожидала его опѣва. Тысяцкій возврапился съ лицомъ печальнымъ: она велѣла ему обѣявить всенародно успѣхъ посольства.....

„Граждане! сказалъ онъ: ваши мудрые чиновники думали, что Князь Московскій, хопя и побѣдитель, но самую побѣдою, прудною и случайно, увѣренный въ великодушіи Новгородскомъ, можетъ еще примириться съ нами.... Бояре ввели меня въ шаперъ Іоанна... Вы знаете его величіе: гордымъ взоромъ и повелительнымъ движениемъ руки онъ претовалъ отъ меня знаковъ рабскаго униженія... „Князь Московскій!“ я вѣщаль ему: „Новгородъ еще „свободенъ! Онъ желаетъ мира, не „рабства. Ты видѣлъ, какъ мы умираемъ за вольность: хочешь ли еще „напраснаго кровопролитія? Пощади „своихъ выпязей: опечесиву Рускому нужна сила ихъ. Естьли

„казна пвоя оскудѣла; еспьли бо-
 „гапспво Новогородское прель-
 „щаепѣ шебя — возьми наши со-
 „кровища: завпра принесемѣ ихѣ вѣ
 „спанѣ пвой сѣ радостію, ибо кровѣ
 „согражданѣ намѣ драгоцѣннѣе зла-
 „па; но свобода и самой крови имѣ
 „драгоцѣннѣе. Оспавѣ насѣ полько
 „бышѣ щаспливыми подѣ древними
 „законами, и мы назовемѣ шебя сво-
 „имѣ благопворипелемѣ; скажемѣ:
 „*Іоаннѣ могѣ лишить насѣ верховна-*
 „*го блага, и не сдѣлалѣ того: хва-*
 „*ла ему!* Но еспьли не хочешѣ
 „мира сѣ людьми свободными, по
 „знай, чпо совершенная побѣда надѣ
 „ними должна бышѣ ихѣ испребле-
 „ніемѣ: а мы еще дышемѣ и владѣ-
 „емѣ оружіемѣ; знай, чпо ни ты,
 „ни преемники пвои не будущѣ
 „увѣрены вѣ искренней покорности
 „Новаграда, доколѣ древнія спѣны
 „его не опустѣютѣ или не прии-
 „мутѣ вѣ себя жипелей чуждыхѣ
 „крови нашей!“ — *Покорность безѣ*

условія, или гибель мятежника мѣ! оп-
вѣпспвоваль Іоаннѣ, и сѣ гнѣвомѣ
опвращиль лице свое. Я удалился.“

Марѣа предвидѣла дѣйспвіе : на-
родѣ вѣ спрашномѣ озлобленіи пре-
боваль полководца и бпшвы. Алек-
сандру *Знаменитому* вручили жезлѣ
начальспва — и бпшвы начались....

Дѣла славныя и великія! Одни
Рускіе могли сѣ обѣихѣ споронѣ
пакѣ сражашься, могли пакѣ побѣж-
дашь и бышь побѣждаемы. Опыш-
ность, хладнокровіе мужества и
число благопріятспвовали Іоанну;
пылкая храбрость одушевляла Но-
вогородцевѣ, удвояла силы ихѣ, за-
мѣняла опышность: юноши, самые
опроки спановились вѣ ряды на
мѣспо убитыхѣ мужей, и войны
Московскіе не чувспвовали ослаб-
ленія вѣ ударахѣ проптивниковѣ. Сѣ
поржеспвомѣ возгдащалось имя Ве-
ликаго Князя: иногда, хопя и рѣд-
ко, имя вольности и Марѣы быва-
ло пакже радосшнымѣ кликомѣ пе-

бѣдипелей (ибо вольность и Мареа одно знаменовали въ Великомъ Градѣ). Часто Іоаннѣ, видя славную гибель упорныхъ Новгородцевъ, восклицалъ горестно: „я лишаюсь въ нихъ доспойныхъ моего сердца подданныхъ!“ Бояре Московскіе совѣтовали ему удалиться опѣ града; но великая душа его содрогалась опѣ мысли усупипѣ непокорнымъ. „Хошите ли (онѣ сѣ гнѣвомъ опвѣпспшоваля) хошите ли, чшобы я вѣнецъ Мономаха положилъ къ ногамъ мяпежниковъ?“ .. и суровые Муромцы, жипели пемныхъ лѣсовъ, — усердные Владимірцы спѣшили къ нему на вспоможеніе. Три раза обновлялась *дружина Княжеская*, изъ храбрыхъ дворянѣ соспящая, и знамена ея (на копорыхъ изображались слова: *сѣ нами Богъ и Государь!*) дымились кровію.

Какъ Іоаннѣ величіемъ своимъ одушевляль легіоны Московскіе,

такъ Марѳа въ Новѳгородѳ восплаляла умы и сердца. Народѳ, часпо великодушный, не рѳдко слабый, унывалѳ духомѳ, когда новыя пыщи приходили въ спанѳ Княжескій. „Марѳа!“ говорилѳ онѳ: „кпо нашѳ союзникѳ? кпо поможешѳ Великому Граду?“... „*Небо*, опѳвѳшсвовала Посадница: „влажная осень наступаешѳ; блапа, насѳ окружающя, скоро обрапьяшся въ необозримое море; всплывушѳ шатры Иоанновы, и войско его погибнешѳ или удалишся.“ Лучъ надежды не угасалѳ въ сердцахѳ, и Новогородцы сражались. Марѳа спояла на стѳнѳ, смопрѳбла на бипвы и держала въ рукѳ *хоругвь отечества*; иногда, видя опспупленіе Новогородцевѳ, она грозно восклицала, и махомѳ свяшой хоругви обрапчала воиновѳ въ бипву. Ксенія не разлучалась съ нею, и, видя паденіе выпязей, думала: *такѳ палѳ Мѳрославѳ любезный!* Казалось, что сія невинная,

кропкая душа веселилась ужасами кровопролитія — споль чудесно дѣйствіе любви! Сіи ужасы живо представляли ей кончину друга: Ксенія всего болѣе хотѣла и любила заниматься ею. Она знала Холмскаго по его оружію и доспѣхамъ, обограннымъ кровію Мірослава; огненный взоръ ея звалъ всѣ мечи, всѣ удары Новгородскіе на главу Московскаго Полководца; но желѣзный щипъ его опражалъ удары, сокрушалъ мечи, и рука сильнаго выпязя опускалась съ спяжками язвами и гибелію на смѣлыхъ прошивниковъ. Александръ *Знаменитый* съ веселіемъ спѣшилъ на ратное поле, съ видомъ горести возвращался; онъ предвидѣлъ неминуемое бѣдствіе опечесства, искалъ полько славной смерти, и нашелъ ее среди Московской дружины. Съ того времени одни храбрые юноши заступали мѣсто вождей Новгородскихъ, ибо юноспь всего опважнѣе.

Никто изъ нихъ не умиралъ безъ славнаго дѣла.

Въ одну ночь Степенный Посадникъ собралъ знапнѣйшихъ боярѣ на думу — и при восходѣ солнца ударили въ *Весевый колоколъ*. Граждане лепѣли на Великую Площадь, и всѣ глаза успремились на Вадимово Мѣсто: — Марѳа и Ксенія вели на желѣзныя ступени его пустынника Θεодосія. Народъ общимъ крикомъ изъявилъ свое радостное удивленіе. Спарецъ взиралъ на него дружелюбно, обнималъ знапныхъ чиновниковъ — и сказалъ, поднявъ руки къ небу: „Опечесство любезное! прими снова въ нѣдра свои „Θеодосія! . . . Въ щаспливые дни „швои я молился въ пустынѣ; но „брапя мои гибнутъ, и мнѣ должно умереть съ ними, да совершился кляпвенный обѣтъ моей „юноспи и рода Молинскихъ!“ . . . Иосафъ Дѣлинскій, провождаемый Тысяцкими и Боярами, несетъ зла-

пую цѣпь изъ Софійскаго храма ,
 возлагаешъ ее на спарца и гово-
 ришь ему: „Будь еще Посадникомъ
 „Великаго Града! Исполни усердное
 „желаніе Верховнаго Совѣща! Съ
 „радоснію уступаю тебѣ мое до-
 „стоинство : я могу владѣть ору-
 „жіемъ; могу умереть въ полѣ! . . .
 „Народъ! объяви волю свою!“ . . .
Да будетъ! да будетъ! громогла-
 сно оповѣщивали граждане — и
 Марѳа сказала: „О славное порже-
 „ство любви къ отечеству! Спа-
 „рець, котораго Новгородъ уже
 „давно оплакалъ какъ мертвцаго,
 „воскресаетъ для его служенія!
 „Опшельникъ, который въ пиши-
 „нѣ пусыни и земныхъ спрасей
 „забылъ уже всѣ радости и скорби
 „человѣка, вспомнилъ еще обязан-
 „ность гражданина: оставяетъ
 „мирную приспань и хочетъ дѣ-
 „лать съ нами опасности временъ
 „бурныхъ! Народъ и граждане! мо-
 „жете ли опчаяваться? Можете ли

„сомнѣваться въ Небесной благо-
 „спи, когда Небо уступаетъ намъ.
 „Своего избраннаго; когда столѣт-
 „няя мудрость и добродѣтель бу-
 „дещъ предсѣдашь въ Верховномъ
 „Совѣтѣ? Возвратился Θεодосій :
 „возвратился и благоденствіе, ко-
 „порымъ вы нѣкогда подѣ его муд-
 „рымъ правленіемъ наслаждались,
 „Тогда воспоминаніе минувшихъ
 „бѣдствій, искусившихъ пвердоспъ
 „сердецъ Новгородскихъ, обратиш-
 „ся въ славу нашу, и мы будемъ
 „шѣмъ щаспливѣе : ибо *слава* еспъ
 „щастіе великихъ народовъ!“

Дѣлинскій и Марѳа убѣдили Θεо-
 досія поржеспвенно явиться въ Ве-
 ликомъ Градѣ; они думали, что сія
 нечаянность сильно подѣйствуеши
 на воображеніе народа, и не обма-
 нулись. Граждане лобызали руки
 спарца, подобно дѣтямъ, копорыя
 въ опсупствіе опца были неща-
 спливы и надѣяшся, что опытная
 мудрость его прекрапитъ бѣды

ихъ. Долговременное уединеніе и святая жизнь напечатлѣли на лицѣ Θεодосія неизбѣжимое величіе ; но онѣ могѣ служить опечесиву только усердными обѣтами чистой души своей — и бесполезными: ибо суды Вышняго непремѣны!

Новый Посадникѣ, слѣдуя древнему обыкновенію, долженѣ былѣ угоспизѣ народѣ : Марѣа приготовила великолѣпное пиршество, и граждане еще дерзнули веселиться! еще духѣ брашества оживилѣ сердца! Они веселились на могилахѣ : ибо каждый изѣ нихѣ уже оплакалѣ родителя, сына или брата, убитыхѣ на Шелонѣ и во время осады кровопролитной. Сіе минутное, щасливое забвеніе было послѣднимѣ благодареніемѣ Судьбы для Новгородцевѣ.

Скоро открылося новое бѣдствіе; скоро въ Великомѣ Градѣ, лишенномѣ всякаго сообщенія съ его областями хлѣбородными, житницы

народныя , знаменипыхъ гражданъ и госпей чужеземныхъ опуспбли. Еще нѣсколькo времени усердіе къ опечеспву перпбливо сносило недоспапокъ : народъ едва пипался и молчалъ. Осень наступала, ясная и пихая. Граждане всякое ушро спблишили на высокія спблины и видбли — шапры Московскіе, блескъ оружія , грозные ряды воиновъ ; все еще думали, чпо Іоаннъ удалптся, и малбйшее движеніе вб его спанб казалось имб вбрнымб знакомб опспупленія. . . . Такб надежда возраспаешб иногда сб ббдспвіемб , подобно свбпильнику, копорый, гоповясь угаснушь, расширяешб пламя свое. . . . Марѳа спрадала во глубинб души , но еще являлась народу вб видб спокойнаго величія, окруженная символами изобилія и дарами земными : когда ходила по спогнамб, многочисленные слуги носили за нею корзины сб хлббами; она раздавала ихб , вспрбчая блбдныя ,

изнуренныя лица — и народъ еще благословлялъ ея великодушіе. Чиновники день и ночь были въ собраніи. . . Уже нѣкоторые изъ нихъ молчаніемъ изъясляли, чпо они не одобряюпъ упорства Посадницы и Дѣлинскаго; нѣкоторые даже совѣщывали войти въ переговоры съ Іоанномъ; но Дѣлинскій грозно подымалъ руку, сполѣпній Θεодосій сѣдыми власами опиралъ слезы свои, Марѳа вспупала въ храмину Совѣща, и всѣ снова казались пвердыми. — Граждане, гонимые поскою изъ домовъ своихъ, не рѣдко видали по ночамъ, при свѣтѣ луны, спарца Θεодосія, споящаго на колѣнахъ предъ храмомъ Софійскимъ; юная Ксенія вмѣстѣ съ нимъ молилась; но мать ея, во время пищины и мрака, любила уединяться на кладьбищѣ Борецкихъ, окруженномъ древними соснами: памъ, облокотясь на могилу супруга, она сидѣла въ глубокой задумчивости,

осѣдовала съ его пѣнію и давала ему опчепѣ въ дѣлахъ своихъ.

Наконецъ ужасы гланда сильно обнаружились, и спрашный вопль, предвѣспникъ мяшежа, раздался на спогнахъ. Нещасные машери зывали: „грудь наша изсохла; она уже не пипаетъ младенцевъ!“ Добрые сыны Новгородскіе восклицали: „мы гошovy умереть; но не можемъ видѣть люшой смерти опцовъ нашихъ!“ Борецкая спѣшила на Вадимово Мѣсто; указывала на блѣдное лице свое; говорила, что она раздѣляетъ нужду съ брашьями Новгородскими, и что великодушное шерпѣніе естъ должносъ ихъ. . . Въ первый разъ народъ не хотѣлъ уже внимать словамъ ея, не хотѣлъ умолкнуть; съ изнуреніемъ пѣлесныхъ силъ и самая душа его ослабѣла; казалось, что все погасло въ ней, и полько одно чувство гланда перзало нещасныхъ. Враги Посадницы дерзали называть ее же-

спокоею, честполюбивою, безчеловѣчною. . . . Она содрогнулась. . . Тайные друзья Іоанновы кричали предѣ домомѣ Ярославовымѣ: „лучше слу- жипь Князю Московскому, нежели Борецкой; онѣ возврапипь изоби- ліе Новуграду: она хочепь обра- пипь его вѣ могилу!“ Мареа, гордая, величавая, вдругѣ упадаепь на колѣна, поднимаеть руки и сми- ренно молить народѣ выслушатъ ее. . . . Граждане, пораженные симѣ великодушнымѣ униженіемѣ, без- молвствують. . . . „Вѣ послѣдній разѣ“ — вѣщаеть она — „вѣ по- слѣдній разѣ заклинаю васѣ быть „швердыми еще нѣскольکو дней! „Опчаяніе да будепь нашею си- „лою! Оно еспь послѣдняя надежда „Героевѣ. Мы еще сразимся сѣ Іо- „анномѣ, и Небо да рѣшитъ судѣ- „бу нашу!“ Всѣ воины вѣ одно мгновеніе обнажили мечи свои, зы- вая: „идемѣ, идемѣ сражатъся!“
Друзья Іоанновы и враги Посадни-

цы умолкли. Многие изъ гражданъ прослезились; многие сами упали на колѣна предъ Мареою, называли ее *матерію Новгородскою* и снова клялись умереть великодушно. Сія минуша была еще минушою порожества сей гордой жены. Врага Московскія опворились; воины спѣшили въ поле: она вручила *хоругвь отчества* Дѣлинскому, копорый обнялъ своего друга, и сказавъ: *прости на свѣки!* удалился.

Войско Іоанново встрѣпило Новгородцевъ. . . Битва продолжалась при часа; она была чудеснымъ усиленіемъ храбрости. . . . но Мареа увидѣла наконецъ *хоругвь отчества* въ рукахъ Іоаннова оруженосца, знамя *Дружины великодушныхъ* въ рукахъ Холмскаго; увидѣла поражение своихъ; воскликнула: *совершилось!* прижала любезную дочь къ сердцу, взглянула на лобное мѣсто, на образъ Вадимовъ — и тихими шагами пошла въ домъ свой, опираясь на

плечо Ксеніи. Никогда не казалась она величественнѣе и спокойнѣе.

Дѣлинскій погибъ въ сраженіи; оспашки воинства едва спаслися. Граждане, чиновники хопѣли видѣть Марѳу, и широкий дворъ ея наполнился полпами людей; она расшворила окно, сказала: *дѣлайте, что хотите!* и закрыла его. Θεодосій, по преобованію народа, опправилъ пословъ къ Іоанну: Новгородъ отдавалъ ему всѣ свои богатства, уступалъ наконецъ всѣ области, желая единственно сохранишь собственное внутреннее правленіе. Князь Московскій опвѣщивалъ: *Государь милуетъ, но не пріемлетъ условій.* Θεодосій въ глубокую ночь, при свѣтѣ факеловъ, объявилъ гражданамъ рѣшишельный опвѣщъ Великаго Князя... Взоръ ихъ невольно искалъ Марѳы; невольно успремился на высокій теремъ ея: шамъ угасла ночная лампада! Они вспомнили слова Посадницы... Нѣсколь-

ко времени царствовало горестное молчаніе. Никпо не хопѣлъ первый изъявишь согласія на пребываніе Іоанна; наконецъ друзья его ободрились и сказали: „Богъ покоряетъ насъ Князю Московскому; онъ будетъ опцемъ Новаграда.“ Народъ приспалъ къ нимъ и молилъ спарца бышь его ходатаемъ. Граждане въ сію послѣднюю ночь власпи народной не смыкали глазъ своихъ, сидѣли на Великой Площади, ходили по спогнамъ, нарочно приближались къ врапамъ, гдѣ спояла воинская спража, и на вопросъ ея: кпо они? еще съ шайнымъ удовольствіемъ отвѣтствовали: „вольные люди Новгородскіе!“ Вездѣ было движеніе; огни не угасали въ домахъ: шолько въ жилищѣ Борецкихъ все казалось мершвымъ.

Солнце восходило — и лучи его озарили Іоанна сидящаго на тронѣ, подѣ *хоругвию* Новгородскую, среди воинскаго спана, полководцевъ

и Боярѣ Московскихѣ; взорѣ его сіялъ величіемѣ и радостію. Θεодосій медленно приближался къ прону; за нимѣ шли всѣ чиновники Великаго Града. Посадникѣ спалъ на колѣна и вручилъ Князю серебряныя ключи опѣ врашѣ Московскихѣ — Тысяцкіе преломили жезлы свои, и Староспы пяпи Концовѣ Новгородскихѣ положили сѣкиры къ ногамѣ Іоанновымѣ. Слезы лились изѣ очей Θεодосія. „Государь Новаграда!“ сказалъ онѣ — и всѣ Бояре Московскіе радостно воскликнули: *да здравствуетъ Великій Князь всея Россіи и Новаграда!*...

„Государь!“ продолжалъ спарецѣ: „судьба наша въ рукахѣ швоихѣ. „Опнынѣ воля Самовлашпшеля бу- „депѣ для насѣ единспвеннымѣ за- „кономѣ. Еспъли мы, рожденные „подѣ иными успавами, кажемся „шебѣ виновными, да падупѣ наши „голови! Всѣ чиновники, всѣ граж- „дане виновны, ибо всѣ любили сво-

„боду. Естѣли простишь насѣ, по
 „будемѣ вѣрными подданными: ибо
 „сердца Рускія не знаютѣ измѣны,
 „и клятва ихѣ надежна. Твори, чпо
 „угодно Владыкѣ самодержавно-
 „му!“ . . . Іоаннѣ далѣ знакѣ рукою,
 и Холмскій поднялѣ Ѳеодосія. *Судѣ
 мой есть правосудіе и милость!* вѣ-
 щалѣ онѣ: *милость всѣмѣ чиновни-*
камѣ и народу. . . „Милоспѣ! ми-
 лоспѣ!“ воскликнули Бояре Москов-
 скіе. „Милоспѣ! милоспѣ!“ радо-
 спно повпоряло все войско: каза-
 лось, чпо она *ему* была объявлена
 — споль добродушны Рускіе! Одни
 чиновники Новгородскіе спояли вѣ
 мрачномѣ безмолвіи, попупивѣ гла-
 за вѣ землю. „Богѣ судилѣ меня сѣ
 „Новгородцами,“ сказалѣ Іоаннѣ:
 „кого наказалѣ Онѣ, пого милую!
 „Идише: да узнаетѣ народѣ, чпо
 „Іоаннѣ желаетѣ бытѣ опцемѣ его!“
 Онѣ далѣ шайное повелѣніе Холм-
 скому, кошорый, взявѣ сѣ собою оп-
 рядѣ воиноевѣ, занялѣ врапа Москов-

скія и принялъ начальство надъ градомъ: окрестныя селенія спѣшили доставить изобиліе его изнуренымъ жителямъ.

Друзья Борецкихъ хотѣли видѣть Марю: она и дочь ея сидѣли въ перемѣ за рукодѣльемъ. . . . „Не бойся мести Іоанновой,“ сказали друзья: „онъ всѣхъ прощаетъ.“ . . . Марья отвѣщивала имъ гордою улыбкою — и въ сіе мгновеніе зашумало оружіе въ домъ ея. Холмскій входилъ, спавилъ воиновъ у дверей и великъ Боярамъ Новгородскимъ удалиться. Марья, не измѣняясь въ лицѣ, дружелюбно подала имъ руку и сказала: „Видите, „что Князь Московскій уважаетъ „Борецкую: онъ считаетъ ее врагомъ опаснымъ! Простите! . . . „Вамъ еще можно жить. . .“ Бояре удалились. Холмскій съ угрозами началъ ее допрашивать о мнимыхъ тайныхъ связяхъ съ Липвою: Посадница молчала, и спокойно шила

золопомъ. Видя непреклонную твердоспъ ея, онъ смягчилъ голосъ и сказалъ : „Марѳа! Государь повѣришь одному слову твоему“... *Вотъ оно* (опѣвѣспивовала Посадница): *пусть Иоаннъ велитъ умертвить меня, и тогда можетъ не страшиться ни Литвы, ни Казимира, ни самаго Моваграда!*... Князь, благородный сердцемъ, вышелъ, удивляясь ея великодушію. — Граждане полпились вокругъ дома Борецкихъ: напрасно воины хопѣли удалишь ихъ; но вдругъ раздался звонъ колокольный во всѣхъ пяпи Концахъ, и народъ, всегда любопытный, забылъ на время судьбу Марѳы: онъ спѣшилъ на встрѣчу къ Иоанну, которъ сѣ величіемъ и поржеспвомъ вѣвзжалъ въ Новгородъ, подѣ сѣнію *хоругви отчества*, среди легионовъ многочисленныхъ, въ вѣнцѣ Мономаха и сѣ мечемъ въ рукѣ своей.

Марѳа, заключенная въ домъ сво-

емъ, услышала звонъ колокольный и громкія восклицанія: *да здравствуетъ Государь всея Россіи и Великаго Новогграда!* . . . „Давно ли,“ сказала она милой дочери, которая, положивъ голову на грудь ея, съ нѣжнымъ умиленіемъ смотрѣла ей въ глаза— „давно ли сей народъ славилъ Марѳу и вольность? Теперь онъ увидитъ кровь мою, и не покажетъ слезъ своихъ; иногда съ горестію будетъ воспоминашь меня, но происшествія новыя скоро займутъ всю душу его, и только слабые, жадные слѣды бытія моего останутся въ преданіяхъ суешнаго любопытства! . . . И героическо пылаешь огнемъ дѣлъ великихъ, жертвуешь драгоценнымъ спокойствіемъ и всѣми милыми радостями жизни. . . кому? неблагодарнымъ! Я могла бы наслаждаться щастіемъ семейственнымъ, удовольствіями доброй матери, богатствомъ, благошвореніемъ, все-

„общеею любовью, почтением лю-
 „дей и — самую нѣжною горестію
 „о великомъ опцѣ швоемъ; но я все
 „принесла въ жертву свободѣ мо-
 „его народа: самую чувствитель-
 „ность женскаго сердца — и хо-
 „тѣла ужасовъ войны; самую нѣж-
 „ность матери, и не могла пла-
 „кать о смерти сыновъ моихъ!“...
 (Тутъ *объ первый разъ* глаза Марѣы
 наполнились слезами *раскаянія*)...
 „Проси мнѣ, шѣнь великодушнаго
 „супруга! Сіе движеніе было по-
 „слѣднимъ гласомъ женской слабо-
 „сти. Я клялась заспушить швое
 „мѣсто въ опечесшѣ, и конечно
 „исполнила клятву свою: ибо Князь
 „Московскій считаешъ меня до-
 „стойною погибнуть вмѣстѣ съ
 „вольностью Новгородскою! Ты
 „позавидовалъ бы моею долѣ, ешь-
 „ли бы еще дышалъ для опечесшва;
 „самая неблагодарность народа воз-
 „высила бы въ глазахъ твоихъ цѣ-
 „ну великодушной жертвы: награ-

„да признапельности уменьшаетъ
 „ее. . . Теперь я спокойно ожидаю
 „смерти! . . . Знаю Иоанна; онъ
 „знаетъ Марѳу, и долженъ однимъ
 „ударомъ сразить гордость Ново-
 „городскую: кто дерзнетъ воз-
 „спать прошивъ Монарха, копо-
 „рый наказалъ Борецкую? . . Герои
 „древности, побѣждаемые силою
 „и щаспемъ, лишали себя жизни;
 „безспрашные боялись казни: я не
 „боюсь ее. Небо должно распола-
 „гать жизнью и смертию людей:
 „человѣкъ воленъ только въ своихъ
 „дѣлахъ и чувспвахъ.“ — Ксенія
 слушала мать свою, и разумѣла
 слова ея.

Иоаннъ предъ храмомъ Софій-
 скимъ сошелъ съ коня: Теофилъ
 и духовенство воспрѣмили его со
 крестами. Сей великій Государь
 принесъ жершву моленія и благо-
 дарности Всевышнему. Всѣ слав-
 ные Воеводы Московскіе, прекло-
 нивъ колѣна, слезами извѣяляли ра-

доспѣ свою. — Іоаннѣ въ Домѣ Ярослава угоспиль роскошною прапезою знатнѣйшихъ Боярѣ Новгородскихъ, и державною рукою своею сыпаль злато на бѣднѣйшихъ гражданѣ, копорые искренно и добросердечно славили его благопворительность. Не грозный чужеземный завоеватель, но великій Государь Рускій побѣдилъ Рускихъ: любовь опца-Монарха сіяла въ очахъ его.

Ввечеру многочисленныя спражи явились на спогнахъ, и повелѣли гражданамѣ удалиться; но любопытные украдкою выходили изъ домовъ и видѣли, въ глубокую полночь, Іоанна и Холмскаго, въ пишинѣ идущихъ къ Софійскому храму; два воина освѣщали ихъ пупь факеломъ, оспановились въ оградѣ, и Великій Князь — склонился на могилу юнаго Мірослава; казалось, что онѣ изъвляль горесть и съ жаромъ упрекаль Холмскаго смер-

пшю сего храбраго Випязя. . . . Новгородцы вспомнили шогда , что Государь щипомъ своимъ опразилъ мечь оруженосца, хотѣвшаго умершвишь Мiрослава ; удивлялись — и никогда не могли свѣдашь пайны Иоаннова благоволенiя къ юношѣ. — — Си любопышныя приведены были въ ужасъ другимъ зрѣлицемъ : они видѣли множество пламенниковъ на Великой Площади , слышали спукъ сѣкиръ — и высокiй эшафопъ явился предъ Домомъ Ярослава. Новгородцы думали, что Иоаннъ нарушилъ слово, и что гнѣвъ его поразилъ всѣхъ именипыхъ гражданъ.

На разсвѣтѣ загремѣли воинскiе бубны. Всѣ легионы Московскiе были въ движенiи, и Холмскiй съ обнаженнымъ мечемъ скакалъ по спогнамъ. Народъ шрепешалъ, но собирался на Великой Площади узнать судьбу свою. Тамъ, на эшафопѣ, лежала сѣкира. Опъ Конца

Славянскаго до Мѣспа Вадимова спояли воины съ блестящимъ оружіемъ и съ грознымъ видомъ; воеводы сидѣли на коняхъ предъ своими дружинами. Наконецъ желѣзные запоры упали, и врата Борецкихъ расшворились: выходитъ Марѳа, въ златой одеждѣ и въ бѣломъ покрывалѣ. Спарецъ Θεодосій несетъ образъ предъ нею. Блѣдная, но твердая Ксенія ведетъ ее за руку. Копья и мечи окружающъ ихъ. Не видно лица Марѳы; но такъ величаво ходила она всегда по спогнамъ, когда чиновники ожидали ее въ Совѣтѣ или граждане на *Ветѣ*. Народъ и воины соблюдали мершвое безмолвіе; ужасная тишина царствовала. Посадница остановилась предъ Домомъ Ярослава. Θεодосій благословилъ ее. Она хотѣла обнять дочь свою, но Ксенія упала; Марѳа положила руку на сердце ея — знакомъ извѣстила удовольствіе, и спѣшила на высокий

эшафотъ — сорвала покрывало съ головы своей: казалась помною, но спокойною — съ любопытствомъ посмотрѣла на лобное Мѣсто (гдѣ разбитый образъ Вадимовъ лежалъ во прахѣ) — взглянула на мрачное, облаками покрытое небо — съ величественнымъ уныніемъ опустила взоръ свой на гражданъ. . . приближилась къ орудію смерти, и громко сказала народу: *подданные Иоанна! умираю гражданкою Новгородскою!* . . . Не спало Марѣ. . . Многие невольно воскликнули отъ ужаса; другие закрыли глаза рукою. Тѣло посадницы одѣли чернымъ покровомъ. . . . Ударили въ бубны — и Холмскій, держа въ рукѣ харшію, спалъ на бывшемъ Вадимовомъ Мѣстѣ. Бубны умолкли. . . Онъ снялъ пернатый шлемъ съ главы своей, и чиналъ громогласно слѣдующее:

„Слава правосудію Государя!
 „Такъ гибнущъ виновники мяпежа
 „и кровопролипія! Народъ и Бояре!

„не ужасайтесь : Іоаннѣ не нару-
 „шипѣ слова ; на васѣ милующая
 „десница его. Кровь Борецкой при-
 „миряетѣ вражду единоплемен-
 „ныхѣ; одна жертва, необходимая
 „для вашего спокойствія, навѣки
 „упрочаждаетѣ сей союзѣ нераз-
 „рывный. Опнынѣ предадимѣ заб-
 „венію всѣ минушія бѣдствія ;
 „опнынѣ вся земля Руская будетѣ
 „вашимѣ любезнымѣ опечесствомѣ,
 „а Государь великій опцемѣ и гла-
 „вою. Народѣ! не вольность, часто
 „гибельная, но *благоустройство*,
 „*правосудіе* и *безопасность* суть
 „при сполна гражданскаго щастія:
 „Іоаннѣ общаетѣ ихѣ вамѣ предѣ
 „лицемѣ Бога всемогущаго.“ . . .

Тутѣ Князь Московскій явился
 на высокомѣ крыльцѣ Ярославова
 Дому, безоруженѣ и сѣ главою
 открытою : онѣ взиралѣ на граж-
 данѣ сѣ любовію и положилѣ руку
 на сердце. Холмскій чиналѣ да-
 лѣе:

„Обѣщаетъ Россіи славу и бла-
 „годенствіе ; клянется своимъ и
 „всѣхъ его преемниковъ именемъ,
 „что польза народная во вѣки вѣ-
 „ковъ будетъ любезна и священна
 „Самодержцамъ Россійскимъ — или
 „да накажетъ Богъ клятвопре-
 „спуника! да исчезнетъ родъ его,
 „и новое, Небомъ благословенное
 „поколѣніе да властвуетъ на про-
 „нѣ ко щастію людей (*):“

Холмскій надѣлъ шлемъ. Легіоны
 Княжескіе вzywали: *слава и долго-*
лѣтіе Іоанну! Народъ еще безмолв-
 ствовалъ. Заиграли на трубахъ—
 и въ единое мгновеніе высокой эша-
 фотъ разрушился. На мѣстѣ его
 возвѣялось бѣлое знамя Іоанново, и
 граждане наконецъ воскликнули:
слава Государю Россійскому!

Спарецъ Θεодосій снова удалил-
 ся въ пустыню, и тамъ, на бере-

(*) Родъ Іоанновъ пресѣкся, и благо-
 словенная фамилія Романовыхъ цар-
 ствуетъ.

гу великаго озера Ильменя, по-
 еребѣ шѣло Марѣы и Ксеніи. Госпи
 чужеземные вырыли для нихѣ мо-
 гилу, и на гробѣ изобразили бук-
 вы, копорыхѣ смыслѣ донынѣ ос-
 пається шайною. Изѣ семи сотѣ
 Нѣмецкихѣ гражданѣ полько пяпъ-
 десяпѣ человекѣ пережили осаду
 Новогородскую: они немедленно
 удалились во свои земли. *Ветевый*
колоколѣ былѣ сняпѣ сѣ древней
 башни и опвезенѣ вѣ Москву: на-
 родѣ и нѣкоторые знаменипые
 граждане далеко провожали его.
 Они шли за нимѣ сѣ безмолвною
 гореспію и слезами, какѣ нѣжныя
 дѣпни за гробомѣ опца своего.

КОНЕЦЪ ШЕСТАГО ТОМА.

СОДЕРЖАНІЕ VI ТОМА.

	<i>Стран.</i>
Бѣдная Лиза - - - -	1 ✓
Прекрасная Царевна и щасливой Карла - - - -	45
Юлія - - - -	75
Дремучій лѣсъ - - - -	122
Нашалья Боярская дочь - - - -	142 ✓
Сіерра-Морена - - - -	246
Островъ Борнгольмъ - - - -	257
Марса Посадница, или покореніе Новагорода - - - -	291

The first part of the book discusses the general principles of the theory of functions of a complex variable. It begins with the definition of a complex function and the concept of a domain. The author then introduces the concept of a conformal mapping and discusses the properties of such mappings. The Riemann mapping theorem is proved, and the author discusses the applications of conformal mappings to the theory of functions.

The second part of the book is devoted to the theory of the Riemann zeta function. The author discusses the properties of the zeta function and the distribution of its zeros. The Riemann hypothesis is discussed, and the author presents the proof of the prime number theorem. The author also discusses the applications of the zeta function to the theory of numbers.

The third part of the book is devoted to the theory of the Dirichlet L-functions. The author discusses the properties of these functions and the distribution of their zeros. The author also discusses the applications of these functions to the theory of numbers.

The fourth part of the book is devoted to the theory of the Selberg zeta function. The author discusses the properties of this function and the distribution of its zeros. The author also discusses the applications of this function to the theory of numbers.

The fifth part of the book is devoted to the theory of the Selberg zeta function. The author discusses the properties of this function and the distribution of its zeros. The author also discusses the applications of this function to the theory of numbers.